

Моей сестре Марине

Ирина Зурабашвили

**НОВЕЛЛА, КОТОРАЯ
НЕ КОНЧАЕТСЯ**

*С бесконечной благодарностью Джесмалу Поцхверия и
Теймуразу Каландадзе за их искреннюю и бескорыстную
помощь в издании этой книги*

Издательство „Универсал“

Тбилиси 2009

Редактор Тамара Папалашвили

Компьютерный дизайн и оформление Наны Думбадзе

© И. Зурабашвили, 2009

Издательство “УНИВЕРСАЛ”, 2009

Тбилиси, 0179, пр. И.Чавчавадзе №19, ☎: 22 36 09, 8(99) 17 22 30
E-mail: universal@internet.ge

ISBN 978-9941-12-487-7

ВСЕ ТА ЖЕ

И

НЕ ТА ЛЮБОВЬ

ВЛЮБЛЕННАЯ

Я думала, что все уже позади, что это было только очередным увлечением, очередным бредом. Я часто влюблялась и так же быстро остывала, быстрее, чем можно было ожидать...

И все же эта встреча была нежелательной. Я увидела его из окна автобуса. Он увлеченно разговаривал с какой-то девушкой. Мне захотелось выскочить на первой же остановке, „нечаянно“ встретиться и хотя бы еще раз заглянуть в его удивительно ласковые глаза. К горлу подступил предательский ком.

Я никогда не разглядываю людей ни в транспорте, ни на улице. Знакомые часто обижаются на меня, думают, что я делаю вид, будто не замечаю их. А я вот не понимаю, почему я должна всех видеть. Многие считают, что в метро невозможно не разглядывать сидящих напротив людей. Зачем мне их разглядывать, когда можно просто не замечать.

Однажды поздней осенью я изменила своей привычке. Автобус медленно катил по набережной, когда я неожиданно поймала себя на мысли, что пристально смотрю на одного парня. Парень как парень, ничего особенного в нем не было, разве что сразу могла броситься в глаза свойственная не многим мужчинам подчеркнутая аккуратность. Я, не таясь, разглядывала его, благо он был погружен в свои мысли и ни на кого не обращал внимания. Вдруг он улыбнулся чему-то, и меня поразило выражение его глаз. Густого медового цвета, они, кажется, излучали саму нежность.

По всей видимости, мы жили в одном микрорайоне и, возможно, на одной улице, хотя встречались только в транспорте. Стоило мне выйти из дому чуть позже, как этот день был для меня потерян. Если я не встречала его, то ходила сама не своя.

У меня уже вошло в привычку озираться в транспорте и на улице, искать его взглядом. Я попыталась представить его в повседневной жизни, выбрала ему профессию. И была уверена, что не ошибаюсь. Но с каждым днем я с ужасом чувствовала, как он стал занимать важное место в моей жизни. Как одержимая, я искала мимолетных встреч с ним и ничего не

могла с собой поделаться.

Однажды я обнаружила, что меня наконец заметили и незаметно разглядывают. Потом я стала замечать, что в автобусе он тоже ищет меня взглядом и, увидев, улыбнувшись глазами, старается больше не смотреть в мою сторону. Но я довольствовалась и этим, чтобы потом весь день испытывать тихое блаженство. Ожидание какого-то потрясающего счастья ни на минуту не оставляло меня. Но я ведь ничего не знала об этом незнакомце и тем не менее сходила с ума от каждого его мимолетного взгляда. Кажется, я была влюблена, влюблена безумно и вынашивала это безумство в себе, не смея с кем-нибудь поделиться, боясь, что меня просто не поймут. Так не могло долго продолжаться, и я, полушутя-полусерьезно, рассказала о своем „автобусном романе“ подруге. К моему удивлению, она восприняла все спокойно:

- Ну прямо как в фильме „Влюбленные“.

- Не знаю, не смотрела.

- Не может быть. Просто не помнишь названия. С Робертом Де Ниро и Мерил Стрип. Фильм просто потрясающий!

Мы, уже не таясь, встречались взглядами. Он обдавал меня теплом своих удивительно ласковых нежных глаз густого медового цвета, а я была готова умереть от счастья. Все это время я жила в двух мирах: один - мой обычный, с привычным кругом друзей и близких, с работой, с проблемами, а другой - наш, только мой и моего незнакомца.

Конечно же, я могла узнать о нем все, мир тесен и при желании можно было бы отыскать даже общих знакомых. Но я не торопилась этого делать, возможно, из боязни разрушить мною же возведенную башню из слоновой кости. Ведь именно ореол таинственности позволил мне испытывать такие непонятные, пугающие и, вместе с тем, притягательные чувства.

Шло время. Непонятная любовь изводила меня, доставляла одновременно и страдания и какое-то неземное наслаждение. Я ни о чем не хотела думать, просто плыла по течению с сознанием того, что рано или поздно меня должно прибить к берегу. Нужно было как-то избавиться от этого наваждения, как-то успокоиться, взять себя в руки. Необходимо

было что-то предпринять, потому что моя жизнь стала невыносимой. Я уже начинала бредить, его глаза преследовали меня и днем и ночью.

Наконец я решилась с ним познакомиться, заговорить первой. Что тут такого, тем более, что между нами уже протянулась невидимая нить. Но случилось самое страшное - он пропал. Исчез. Так прошло целое лето. Я никуда не уезжала. Я просто не смогла бы уехать, не увидев его хотя бы еще раз. А его нигде не было.

Я медленно умирала.

Умирала от любви и тоски. И только надежда на встречу как-то поддерживала меня. Но его не было. Не было нигде. Я уже решила, что он обменял квартиру на более престижный район, и от мысли, что я его больше никогда не увижу, мне не хотелось жить.

Так прошел сентябрь. Я жила, словно во сне, никого не хотела видеть, сторонилась друзей. Из депрессии меня могли вывести только его глаза густого медового цвета. Глаза, которых нигде не было...

Я шла к остановке, по привычке ни на кого не глядя, как вдруг сердце предательски сорвалось с места и стремительно покатилося вниз. От неожиданности я остановилась и схватилась за грудь. Навстречу шел мой незнакомец, обдавая меня ласковым взглядом своих медовых глаз. Перед собой он катил коляску...

НОВЕЛЛА, КОТОРАЯ НЕ КОНЧАЕТСЯ...

Я всегда стою перед наглухо закрытой дверью в надежде, что она когда-нибудь приоткроется...

Как-то ты сказал мне, что жизнь состоит из маленьких новелл, но среди них есть одна, которая никогда не кончается. Не знаю, что ты имел в виду, но я подумала, что ты говорил о нас. Так вот, я хочу, чтобы эта новелла закончилась. Хочу, потому что больше не выдержу тяжести этого груза. У нас с тобой все складывается не как у нормальных людей. Во всем

этом твоя вина. Я не должна была тебе подчиняться с самого же начала, не должна была тебе уступать...

Ты знаешь, что значит физически ощущать чужую боль? Лично я до встречи с тобой этого не знала. А теперь стоит тебе сказать, что у тебя покалывает сердце, мое сердце начинает колотить неделями. Стоит мне где-нибудь мельком увидеть твое уставшее лицо, как на меня обрушивается почти вековая тяжесть.

Ты знаешь, что значит - жить снами и парить потом весь день от непонятного счастья, словно это наяву ты приласкал меня? Помнишь, как я тебе рассказывала один из своих снов? Ты безразлично выслушал меня, одним глазом поглядывая в телевизор, и посоветовал опуститься мне на землю. И вообще, ты часто советуешь мне опуститься сюда.

А я каждый день живу своей жизнью и тобой. В повседневной жизни тебя нет, ты где-то вне ее и, наверно, потому так пугает моих подруг и тебя моя любовь. Я далека от мысли думать, что ты какой-то особенный. Я знаю, что ты самый что ни на есть обыкновенный, примитивный, одноклеточный мужчина. Необыкновенно мое чувство к тебе, которое мне уже в тягость, но я ничего не могу с собой поделать. Столько лет я не могу понять, за что я тебя так люблю, и знаю - как только пойму, любовь моя растворится, исчезнет. И я очень этого хочу. Я хочу избавиться от своей изматывающей любви и люблю с годами все сильнее и сильнее.

Знаешь, я никогда тебе этого не говорила - со мной несколько раз случалось такое, чего я потом не могла себе простить.

Один раз, в декабре 1991 года, когда на улицах Тбилиси лилась кровь, ты встретился мне на улице с ребенком в коляске. Дул холодный ветер, и ты предложил мне укрыться за домом, чтобы ветер не продувал беззаботно сидящую в коляске девочку. Я почему-то сказала, что мне лень будет бежать до остановки, если появится автобус. Ты не настаивал и вскоре ушел. Я до сих пор не могу себе этого простить: согласись я тогда, и ты бы пробыл со мной чуть дольше... И вообще, я всегда хочу быть с тобой чуть дольше и не могу насытиться... Я всегда тебя ищу. Я везде тебя ищу. Могу безошибочно

вычислить тебя в огромной толпе, хотя ты знаешь, что я плохо вижу. Я никогда не забуду, как выискивала тебя в телевизионных информационных выпусках, после свержения Гамсахурдия. Тогда тебя по-другому было невозможно увидеть, и я не отходила от телевизора. А маме, оказывается, оставалось жить всего лишь месяц. Но ведь я этого не знала. Она не могла понять, что меня так приковывало к этому ящику и с упреком говорила: "Телевизор-то останется, а меня скоро не будет...". Я раздражалась, что мне мешали тебя видеть. Но ведь я не знала, что мамы скоро больше не будет.

Пора бы уже, кажется, привыкнуть, что тебя часто показывают, а я до сих пор радуюсь так, как когда первый раз увидела тебя по телевизору вместе с Георгием Чантурия. Тогда я даже не знала твоего имени и в тот день первый раз прочла его в титрах. Это было перед твоими выборами в Конгресс.

В другой раз, я попросила тебя подвезти меня к вокзалу. В твоей служебной машине сидели люди. Переднее сидение было занято, а сзади сидели ты и какой-то мужчина. Я села, оказавшись около незнакомого типа, и всю дорогу до вокзала не могла себе простить того, что так необдуманно села. При мысли, что ты оказался так далеко от меня, у меня мутилось сознание. Видимо мое состояние передалось и тебе (теперь я уже знаю, что мое состояние часто передавалось тебе непонятно каким образом), ты откинул руку, которая почти касалась моего уха. Я изо всех сил сдерживала себя, чтобы в присутствии этих людей не припасть к до боли родной и знакомой до каждой пушинки руке. Когда мы уже подъезжали к вокзалу, ты, уже, видимо, не выдержав натиска идущих от меня биотоков, ласково, незаметно для окружающих погладил меня по голове.

Странно, стоило тебе просто на ходу меня приласкать - легонько дернуть за нос, провести рукой по моей голове, как на меня обрушивалось какое-то невероятное счастье и этой ласки мне хватало на месяц. А, вообще-то, на ласки ты был скуп и у тебя никогда не хватало на меня времени. Ты никогда не принадлежал ни себе, ни мне. На мой язвительный вопрос: "Что же будет, если ты потеряешь должность?", ты с улыбкой отвечал: "Ничего. Будет много времени на тебя". У меня застыла кровь от этого ответа, я почему-то так не думала и

боялась, что для тебя это будет ударом. Последнее время я пыталась незаметно внушить тебе, что должность - дело преходящее и нужно заниматься своим делом: наукой. Ты раздражался, отмахивался, но все же прислушивался к моему совету.

Мне всегда казалось, что меня нет в твоей жизни. По крайней мере, ты никогда не говорил мне этого, за исключением одного раза, когда на мой настойчивый вопрос: "Думаешь ли ты обо мне хоть когда-нибудь?!", вдруг посерьезнел и ответил: "Чаще, чем ты можешь себе это представить". Я поняла, что мне не стоит задавать тебе лишних вопросов. Я всегда это понимала и почти никогда ничего у тебя не спрашивала. Ты всегда был для меня кем-то непостижимым, и я, наверно, боялась неосторожным вопросом развеять мной же самой созданный ореол твоей исключительности.

На первый взгляд, создавалось впечатление, что тебе безразлично мое присутствие в твоей жизни. Во всяком случае, ты этого ничем не выказывал, но у меня никогда не изгладятся из памяти твои слова, которые ты сказал мне всего несколько раз за все четыре года нашей близости: "Если ты останешься со мной...".

В душе я удивлялась, не понимая, как можно это говорить, когда на моем лице, в моих глазах можно безошибочно прочесть всю мою безумную любовь к тебе.

Свои чувства ко мне ты проявлял редко. Зато меня изводил избыток чувств. Я до сих пор замираю от одного воспоминания. Ты заехал за мной на день рождения подружки, чтобы забрать домой. Зайти к ней ты не согласился, несмотря ни на какие уговоры. Я вышла из дома обиженная и злая. Ты сидел рядом с водителем. Я обиделась еще сильнее, из-за того что ты, вдобавок, даже не соизволил сесть рядом со мной. В дороге мы немного поссорились, и ты обиженно замолчал. Я испугалась, что ты на меня обиделся и, не постеснявшись сидевшего за рулем постороннего человека, обхватила тебя за шею. Сначала ты попытался было освободиться, но почувствовал мою настойчивость, безмолвно смирился. Я целовала твои волосы, запускала в них пальцы, легонько их подергивала. Видимо, в какой-то момент я сделала тебе больно,

и ты резко дотронулся до своей головы. Больше ты был не в силах опустить руку, потому что я стала неистово ласкать ее. Никогда - ни до этого, ни после этого - я так иступленно тебя не ласкала. Моего обиженного, упрямого мальчика. Я даже никогда не предполагала, что всю свою сокрушительную любовь можно было обрушить на эту густую, дурманяще пахнущую шевелюру и безвольно лежащую руку. Водитель что-то спросил, ты что-то отрицательно ответил, и машина остановилась у моего подъезда. "Поднимайся домой", - приказал ты мне, и я ошарашено вошла в подъезд. Я тебя никогда не спрашивала о том, как ты мог тогда так со мной расстаться. Я только теперь начинаю понимать, что ты мог очень многое, мой упрямый уставший мальчик.

Только сейчас, когда тебя уже нет, я начала понимать, как ты, оказывается, меня оберегал, как старался не причинять мне боли... Правда, у тебя это не всегда получалось, и одно твоё неверно сказанное слово, взгляд, жест причиняли мне нестерпимые муки. Однажды, когда я до безумия хотела к тебе и позвонила, наверно, раз десять в течение часа, а у тебя было какое-то важное дело, ты, больше не выдержав, сорвался. На мой глупый вопрос: "Скажи, наконец, до скольких длится твой рабочий день?" Грубо отрезал: "До ночи". Я оскорбленно резюмировала: "Значит, мне больше никогда тебе не звонить?". Ты торопливо ответил: "Да-да!". Я бросила трубку, как ошпаренная, в глубине души порвав с тобой навсегда. На следующий же день ты появился, одарив меня своей коронной обезоруживающей улыбкой, и все опять стало как всегда.

Я тебя всегда ревновала. Сцен ревности не устраивала, но ты, зная меня, умолял никогда этого не делать. Я старалась учесть твоё желание, хотя вряд ли у меня это получалось.

Меня изводили связанные с тобой вещи сны, и ты уже боялся их не меньше меня. Однажды я позвонила и, даже не спросив, как ты, рассказала, что ты мне приснился в черном свитере и сказал, что болен. Помолчав немного, ты ответил, что тебе и вправду нехорошо. Сказал, что у тебя носом пошло много крови. Болел ты редко, но я ненавидела эти дни, потому что обрывалась ниточка связи с тобой, и я могла справляться о твоём здоровье только через твоих секретарш. Это было

слишком мучительно... И я тебе об этом сказала...

Странно, ты всегда был рядом со мной и тебя почти никогда не было. Я уже привыкла общаться мысленно: разговаривала с тобой, делилась планами, а, встретившись, замолкала, наслаждаясь твоей близостью. Я, полусерьезно, говорила тебе, что начну записывать свои монологи, чтобы ты был в курсе, о чем я с тобой говорю в твое отсутствие. Ты ласково улыбался мне глазами и говорил: "Пиши". Теперь я мучаюсь от своих слов, которые однажды тебе выдала: "У меня, кроме тебя, ничего нет... Но и тебя ведь тоже нет...". Ты вдруг посерьезнел и ничего не ответил. Иногда своим молчанием ты мог сказать мне столько, сколько для других понадобился бы целый трактат.

Мне до безумия хотелось, чтобы ты был моим и только моим, хотя я знала, что этого никогда не произойдет, потому что у тебя была другая и были дети. Умом я все это понимала, но сердце не хотело смиряться. Не знаю, пробудь ты на этой земле дольше, может и это бы разрешилось. Теперь мне вдвойне больно от мысли, что я тебя так терзала своими истериками об общем, о нашем ребенке.

Не знаю. Наверно, тогда это был знак свыше, когда там, в Мцхета, в Светицховели на инаугурации президента, я исступленно молилась в храме за тебя, за нас с тобой. Народу было много, но я не сомневалась, что и ты где-то рядом, хотя не видела тебя. Вдруг я почему-то оглянулась и увидела группу только вошедших людей. Лучше бы я не оглядывалась. На твоём локте висела та, которой ты в действительности принадлежал. Лицо ее сияло от счастья...

Я быстро отвернулась, слезы ревности, унижения, бессилия залили мое лицо. Ты меня, конечно же, сразу увидел и вскоре ушел. Я никогда тебя не спрашивала, куда вы ушли. Да и какой это имело смысл. Наверно, это было еще одно предупреждение, что ты не мог принадлежать мне...

А теперь я и сама в этом убедилась. Когда не могла быть там, куда рвалась моя душа. Я тебя всегда ревновала. Но я никогда не могла себе представить, что существуют такие муки ревности... Что можно, оказывается, *так* ревновать мертвого... Еще раз безнадежно понять, что самый дорогой на свете человек

принадлежит вовсе не тебе. Я никогда не могла себе раньше представить, что можно так неистово желать похорон единственно любимого человека.

Тебя долго почему-то не хоронили, словно мой рок беспощадно измывался надо мной, зная, что я не посмею прийти в тот дом, где покоилось столь страстно любимое мной твое тело, которое теперь стало прахом и которое, как я еще раз убедилась, принадлежало не мне. Я знала, появившись я в том доме и приблизившись к твоему гробу, от моего горя и крика содрогнулись бы даже сами небеса. Она не должна была узнать о моем существовании, не должна была узнать, что он делил любовь между нами двоими, пусть даже тезками и рожденными под одним знаком - Рыб. Дни и ночи до твоих похорон стали для меня пыткой, которую еще не смогло придумать человечество за все время своего существования. Ночи напролет я проводила без сна, изнемогая от горя и всепожирающей ревности. О-о-о как я тебя ревновала и как завидовала (первый раз в жизни) той, которая могла дни и ночи находиться у твоего гроба и исходить криком. Я же ничего не могла и только страстно желала, чтобы тебя поскорее предали земле и чтобы ты больше никому не принадлежал.

Несколько раз по ночам меня охватывала безумная мысль прокрасться к твоему гробу, но я ее тут же отталкивала, боясь сплетен и пересудов, которые могли бы бросить тень на твою семью. Я даже тогда заботилась о тебе и твоём добром имени. Только однажды, в ночь перед твоими похоронами я ненадолго забылась и вздрогнула от того, что кто-то ласково провел рукой по моему телу. Я сразу открыла глаза, удивленная, что ты здесь, рядом со мной, забыв, что ты ушел от меня в вечность.

Никого не было. Горел ночник, я подумала, может меня разбудил сквозняк, но на дворе стояла душная августовская ночь, воздух был неподвижен. Я не сомневаюсь, что в тот миг ты был где-то рядом со мной, хотя и невидимый мною. Ты в последний раз по-земному простился со мной...

Ты оставил меня наедине с моей непреходящей любовью, словно своим уходом решил доказать мне, что мы никогда не сможем уйти друг от друга...

Ты ушел, заставив продолжить новеллу, которая никогда

не кончается...

СТРАННЫЕ ЗАМКИ

Дежа вю. Это уже было. Или не было? Где это началось и где закончится? Не знаю... Знаю только, что чувство, царящее во мне, - дар, ниспосланный свыше.

Порой мне кажется, что тот, на кого изливается моя любовь, не имеет к ней никакого отношения... Это чувство только мое, и я обречена на него... Изо дня в день благодарю я Всевышнего и молю, молю Его том, чтобы никогда не лишал меня этого дара...

Где это все опять началось? Не знаю... Может, в тот жаркий июльский день, когда я в первый раз увидела тебя? А может, и раньше, несколько лет назад, когда мы с тобой наверняка пересекались, потому что у нас был общий круг знакомых. Но тебя, тогдашнего, я совершенно не помню. Зато в память намертво врезался тот жаркий июльский день и ты - в светлом летнем костюме. Странно... Как я тебя заметила? Ведь я тогда так пронзительно-больно любила другого... Хотя... Заметила и запомнила, может потому, что он, по-моему, в первый и в последний раз в жизни приревновал меня к совершенно незнакомому мне человеку. Я до сих пор почти физически ощущаю тот жгучий поток непонятной ревности вдруг хлынувшей от него. Откуда он тогда мог знать, что вся моя пронзительная любовь скоро будет изливаться на тебя? Может люди, приближающиеся к вечности видят и будущее? Не знаю...

Знаю я только одно. Моя любовь облеклась в какой-то новый нестерпимо-мучительный свет. И, наверное, поэтому я называю тебя моим светлым мальчиком.

Память услужливо высвечивает какие-то незначительные для тебя и столь значимые для меня эпизоды. Вот ты в толпе, высыпавшей после какого-то важного для тебя и этой толпы (а, по сути, очередного пустопорожнего) заседания. Ты оказываешься за мной, мы едва знакомы и нам совсем не

обязательно здороваться.

Я люблю другого и, наверное, поэтому никак не могу понять, почему же так явственно ощущаю за своей спиной присутствие этого малознакомого и не представляющего для меня никакого интереса человека. Я люблю другого... Но уже почему-то ищу тебя и с ужасом обнаруживаю, что почти безошибочно могу определять дни случайных встреч и еще даже не видя, ощущать твое присутствие и приближение.

Меня окатывает сладостная волна, когда я случайно перехватываю твой быстрый, испытующий и, в то же время, как бы равнодушный, взгляд. Я люблю другого, но мне до умопомрачения хочется заглянуть в глаза малознакомого и такого непонятно-родного человека. Я никак не могу понять, почему мне так хочется определить цвет этих глаз, то ли темно-стальных, то ли карих...

Наша первая встреча наедине. Я еще не знаю, что уже тебя люблю. Я почему-то очень нервничаю, улыбаюсь какой-то загадочной, многозначительной улыбкой в ответ на твой внимательный, изучающий и тщательно скрываемый ласковый взгляд. Наша первая встреча наедине, которая может стать последней, если я вдруг уловлю хотя бы один фальшивый жест, одну фальшивую фразу. Я, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего неосторожного движения. Я слушаю твой голос, не по годам молодой звонкий мелодичный голос. Я совсем не вникаю в то, о чем мы говорим, я доверяюсь этому голосу.

Я не совсем понимаю, хочу ли я, чтобы эта встреча не была последней и, стараясь спастись от этого завораживающего меня красивого голоса, пытаюсь уловить твой запах, наверняка зная, что чужой запах, который может исходить от тебя, оттолкнет меня и никакой голос здесь уже не поможет... Мне пора уходить, ты встаешь меня провожать, и я, сопровождаемая твоим тонким и уже родным запахом понимаю, что эта встреча просто обречена не быть последней.

Прежде чем окончательно признаться себе, что я тебя люблю, я мучительно борюсь с собой, то появляясь, то надолго исчезая с твоего горизонта. Я все еще надеюсь, что с запахом я могла ошибиться, и он мог принадлежать другому, тому, кого я

так любила, но кто уже ушел в вечность ... Я борюсь с собой и все больше тянусь к тебе, на первый взгляд, такому всегда неприступному и холодному. Тебя, порой, выдает только мимолетная, ласковая искорка во взгляде, кажущаяся тебе проявлением непростительной слабости.

Однажды, в ответ на твое это выражение, я, подталкиваемая каким-то до сих пор непонятым для меня порывом, повисаю у тебя на шее и, испугавшись своей дикой выходки, моментально отодвигаюсь с дрожью в коленях... Но уже ничего не могу с собой поделывать, меня буквально захлестывает уже почему-то близкий запах чужого, в общем-то, мужчины.

Ты стоишь, оцепенев. От меня ты явно не ждал такой бесцеремонности и легкомыслия. Опомившись, я пугаюсь, что этот странный порыв может быть расценен иначе. Хотя теперь я, по крайней мере, знаю, что люблю именно тебя с родным запахом, красивым голосом и холодным выражением лица.

Ты моя неприступная крепость. И надежное пристанище. Ты мужчина моей души... Я тебя знаю. Я угадываю твой каждый жест, читаю каждый твой взгляд. Я даже на расстоянии почти безошибочно могу определить твое настроение. Даже сны о тебе часто сбываются наяву. Я всегда знаю, что может тебе не понравиться и стараюсь этого не делать, независимо оттого узнаешь ты об этом или нет. Я тебя слишком хорошо знаю.

Я о тебе ничего не знаю.. .А вернее, не хочу знать. Ради собственного же душевного спокойствия. Мне просто удобнее не видеть тебя за пределами того пространства, в котором мы с тобой заключены. Я не хочу знать, что происходит вне этого нашего светлого пространства, наверное из-за боязни сойти с ума. И вообще, я почему-то часто боюсь... И наверное поэтому, увидев тебя где-нибудь в другом месте в окружении других людей, я начинаю мучительно тебя ревновать и метаться, как раненая львица. Может, это напоминание о том, что ты принадлежишь не только мне одной, и приводит меня в такое иступление?

Я тебя люблю. Люблю давно, нет - вечность. Вечность мимолетных целомудренных ласк. Ласки, которые ни к чему не обязывают и которые, вполне, могут сойти за дружеские... И,

несмотря на это, я ни разу, даже в мыслях не изменяю тебе... Может потому, что мучительно боюсь тебя потерять? А может, это то необъяснимое, что дано не всем? И может показаться просто отклонением для тех, кто этим даром обделен? Не знаю... Ведь мне достаточно только твоего голоса, чтобы парить на вершине своего счастья и думать только о тебе единственном.

Я тебя люблю. Я знаю, я заслужила это счастье. Счастье любить. Для меня один твой, скорее дружеский поцелуй, когда твое дыхание на мгновение обжигает шею, дороже самых изысканных ласк, изобретенных человечеством. От мимолетного твоего прикосновения меня охватывает такое блаженство, которое, наверное, не всем дано испытать и которое, как мне сейчас кажется, больше не сможет доставить ни один мужчина на свете. Я это знаю, и наверное поэтому с такой пронзительной любовью возвожу наш волшебный замок из светлых, чистых грез. Я полновластная хозяйка этого замка, безгранично любящая тебя. Я упиваюсь собственным всесилием и могуществом. Упиваюсь тем, что стоит мне только пожелать, и я одним единственным движением разрушу весь этот собранный по крупницам моей души чудный, светлый, волшебный замок... Стоит мне только приземлиться и просто пойти с первым встречным, которые не раз попадаются на пути у каждой женщины, как обратного пути в наш замок мне уже не будет...

Я упиваюсь собственным всесилием, ведь стоит мне только захотеть...

Я упиваюсь собственным всесилием...

Я бессильна.

ФАНТОМ

*Фантом, -а, м. (книжн.).
Причудливое явление, призрак.
(Словарь русского языка, С.И.Ожегов)*

Глядя на него, никто бы не мог себе представить, насколько это богатый и могущественный человек. Хотя, судя по внешнему виду, его трудно было бы назвать даже бизнесменом средней руки. Выдали бы его, конечно, часы и туфли, но часы скрывались под рукавом толстого серого пуловера, а туфли мог бы заметить разве что наметанный глаз богатого человека, который знает цену дорогой добротности, а не блестящей мишуре дешевых вещей.

Гордость же чуть ли не всех грузинских богатых и далеко не богатых граждан - крутой мобильник - был у него самый что ни на есть обыкновенный. Заметив удивленные взгляды грузинских партнеров по бизнесу, деловито выложивших на стол в ресторане умопомрачительные мобилы последних марок, он пояснил: «Мобильный телефон мне нужен только для того, чтобы меня находили и информировали в важных ситуациях. В остальном же, думаю, это не самое удачное изобретение человечества!» И даже не дав кому-либо возразить, добавил: «До сих пор никак не могу разобраться, то ли я при нем собачка, то ли он при мне!» Только потом, спустя некоторое время после их знакомства, она поняла, что он имел ввиду. Тем более, что лично для нее мобильная связь была чуть ли не одним из самых гениальных изобретений человечества. Он никогда не отключал трубку, в какой бы точке земного шара не находился, вернее, не мог позволить себе такой роскоши из-за того, что его телефон практически никогда не замолкал.

Первый раз она увидела его около памятника Давиду Строителю, который тогда стоял перед когда-то знаменитой интуристовской гостиницей «Иверия», ставшей затем прибежищем беженцев из Абхазии и за годы своего гостеприимства принявшей такой же жалкий облик, как и ее жильцы, которые после роскошной беззаботной жизни, пожалуй, на одном из самых райских отрезков черноморского

побережья, в одночасье оказались изгоями без дома и надежды на возвращение. Конечно же, пока «Иверия» была интуристовской и ее номера занимали диковинные в ту пору иностранцы и советская номенклатурная элита всесоюзного масштаба, Давид Строитель там не стоял. Появился он позднее, в середине девяностых, словно напоминание о былой мощи грузинского государства и надежда для тех же самых беженцев. Тогда установка этого памятника вызвала шквал недовольства различных общественных деятелей и оппозиции, доказывающих, что такой огромный памятник на такой маленькой площади только уродует и без того обезображенную войной и строительным беспределом архитектуру города и оскорбляет память одного из самых великих царей грузинского народа. Впрочем, и решение перенести этот памятник уже после Революции Роз опять вызвало бурный протест и опять связывалось с оскорблением Давида Строителя, поскольку теперь уже место на въезде в город, в Дигоми оказалось неподходящим для столь великого царя...

Сойдя с такси, она почему-то сразу обратила внимание на невысокого, бородатого мужчину, который задрал голову, внимательно разглядывал венценосного всадника.

«Иностранец!» - подумала она и начала озираться по сторонам в поисках друга, которому здесь назначила свидание. Взгляд опять наткнулся на иностранца, который теперь пытался сфотографировать памятник на расстоянии. Она вдруг подумала, что если бы иностранцу скинуть годков двадцать, он просто поразительно был бы похож на ее первую любовь, которого почему-то дико недолюбливала ее мама, из-за невысокого роста с презрением называла «метр в кепке» и все сделала для того, чтобы дочь даже и не думала о нем .

Друг явно запаздывал, и она, занервничав от не совсем приятных воспоминаний, навеянных этим иностранцем, решила уйти, но именно в этот момент за спиной услышала свое имя, увидела радостное лицо друга и того бородатого иностранца, который, вежливо улыбаясь, протягивал ей руку, окинув ее при этом цепким, внимательным взглядом. Она поразила его на удивление ухоженной гладкой мягкой и по-мужски крепкой руке и глазам удивительно стального цвета, которые, кстати,

совсем не улыбались. Она разнервничалась. Если честно, то ей не совсем хотелось убивать свое время в обществе незнакомого человека, тем более, что с другом они не виделись больше полугода и им было о чем посплетничать. К тому же он буквально через пару дней уезжал и из-за его напряженного графика они могли бы больше и не встретиться.

- Где ты был? Я уже собралась уходить! - раздраженно сказала она, даже не глядя на нового знакомого.

- Извини, я договаривался о столике в ресторане.

- А зачем было договариваться? Сейчас день, да и нас, кажется, трое.

- Вообще-то нас будет восемь! - непривычно резко ответил друг и без всякого перехода добавил: - Это мой шеф.

Она поняла, что ей срочно нужно менять тон и мило улыбнулась шефу своего друга, который, впрочем, по-прежнему был серьезен. По большому счету ее это ничуть не волновало, тем более, что она решила посидеть с ними из вежливости минут тридцать и уйти. И вообще у нее были дела поважнее. Ее ждал более интересный вечер с новым поклонником, чем незнакомая компания.

Шеф показал свой характер, как только они вошли в ресторан и он познакомился со всеми участниками предстоящего застолья.

-Зачем мы сюда пришли?! Я хочу попробовать грузинскую кухню, а это ирландский паб! Уходим отсюда немедленно!- раздраженно сказал он.

Она даже не захотела себе представить, чем могут для нее обернуться поиски другого заведения: ее «романтический» вечер с поклонником, по которому убивалась половина женского населения этого города, явно накрывался и ей пришлось бы довольствоваться какой-то чужой компанией.

- Здесь и грузинские блюда подают! И вино у них хорошее. И вообще, здесь прилично готовят! - как-то слишком уж явно активничала она.

Он внимательно взглянул на нее и покорно присел за зарезервированный столик. Кухня, разумеется, была совсем негрузинской, но и не совсем европейской, впрочем, тогда этот кулинарный микс в Тбилиси встречался довольно часто, и в

этом-то и был свой особый грузинский шарм, который так завораживал иностранных гурманов.

Прежде чем подошел официант, ее друг вежливо предупредил, что сегодня всех приглашает его шеф. Гости шумно запротестовали, но нетерпеливый, властный голос шефа заставил всех тут же умолкнуть. Подобный жест от иностранца лично для нее был довольно неожиданным. Она как-то больше привыкла, что приглашали грузины и неважно - дома или в ресторане. Становилось явно интересно.

Заказывали по-европейски, каждому приносили блюдо по вкусу. Она обратила внимание, что он дождался ее заказа, заказал то же самое, предложив ей еще лосося под икорным соусом. Он просто никак не мог знать, что рыбу, а тем более лосося, она обожала и не заказала себе только потому, что для нее это было слишком дорогое блюдо. Когда стали заказывать выпивку, он опять выжидающе посмотрел на нее. Ей вдруг на минуту показалось, что он о ней все знает и даже то, что она недурно разбирается в крепких напитках. Однако именно в местных ресторанах она предпочитала от них воздерживаться, почему-то опасаясь, чтобы не подсунули какую-нибудь гадость под известной маркой. С пивом дело обстояло несколько иначе, по крайней мере, у нее не было страха встать на следующий день с чугунной головой.

- И все? Больше ничего не будете заказывать? Но я не хочу только пиво. Хочу хорошее грузинское вино.

- Ну и заказывайте! А вообще, хорошее грузинское вино, без риска встать утром с головной болью выпьете, когда будете у кого-нибудь в гостях и вас угостят домашним вином, - компетентно объяснила она.

Компания, которая уже прислушивалась к их разговору, возмущенно зашипела: «Еще пару таких свидетелей, как ты, и грузинское вино растеряет всех своих почитателей!» Он, словно поняв, о чем речь, сказал, что в жизни встречал и потрясающие грузинские вина, вкус которых лично у него остался на всю жизнь, и пробовал такие, за которые может стать стыдно всем производителям вина, независимо от того, в каком уголке мира они его изготавливают. - Но это не только о грузинских винах, - просто пояснил он. Если честно, то такого вина, за которое бы

стало стыдно, она, по крайней мере в тбилисских ресторанах, не встречала. И чтобы не ударить лицом в грязь и не уронить честь грузинского вина, сделала заказ, но не то, что принесли всей остальной компании. Это опять вызвало непонятный протест присутствующих.

- Отлично, я попробую оба сорта,- примирительно сказал он, словно почувствовав, что обстановка накалилась.

Она не могла объяснить, почему так вызывающе себя вела, и, чувствуя на себе удивленный взгляд друга, решила, что пожалуй, лучше будет уйти. Как раз в это время зазвонил ее телефон, и она решила откланяться. Остановил ее властный взгляд. Он словно пригвоздил ее к месту, и она, пролепетав, что у нее может сорваться деловая встреча, осталась.

В Грузии он был впервые и остался очарован увиденным, впрочем, как и многие иностранцы, объездившие чуть ли не весь мир и находившие в этой маленькой стране ту особую энергетику, которой вряд ли могли похвастаться и более богатые и успешные страны мира. Всегда приятно, когда гости подчеркивают особую магию твоей страны, тем более такие интересные и интеллектуальные собеседники. Круг его интересов был очень широк. Вызывало уважение его знание процессов как в Грузии, так и на всем Кавказе. Прилетев накануне вечером, он уже успел осмотреть главные достопримечательности Тбилиси и побывать в древней столице Мцхета. При всем этом, он живо и красочно делился увиденными впечатлениями, подчеркивая такие детали, мимо которых многие могли бы просто пройти мимо. Его собеседники с восхищением отметили этот момент. И правда, с трудом можно было поверить в то, что всего за полтора дня можно было столько увидеть и запомнить. Впрочем, объяснялось это легко: в Грузию он влюбился сразу же, как только ступил на эту землю. Вернее, полюбил он эту далекую страну еще тогда, когда в детстве случайно увидел фильм Михаила Чиаурели «Георгий Саакадзе», название которого он уже и не помнил. С тех пор он стал грезить о далекой сказочной стране с мужественными и красивыми людьми, с которой непременно должен был познакомиться. Ей навсегда врезалась в память его фраза сказанная им в тот первый день: «Жизнь так

коротка и нужно столько успеть и увидеть, что когда я приезжаю в другую страну, я почти не сплю, чтобы успеть как можно больше посмотреть». Она видела как все сидящие в их компании все больше проникались искренним уважением к этому человеку, который многое знал о грузинской истории, культуре и ее народе. Она ощущала его властные флюиды и уже знала, что если сейчас же не встанет и не уйдет, то завязнет навсегда. Ее телефон звонил каждые пять минут. Новый поклонник уже переходил все границы, требуя чтобы она либо немедленно пришла, либо сказала, в каком ресторане находится, чтобы он мог встретить ее у входа. Она ненавидела, когда кто-нибудь пытался предъявить на нее права, тем более, если она не давала повода для этого. Новый поклонник, благодаря этому иностранцу, явно пролетел и если бы она решила отсюда уйти, то уж точно не к нему на свидание, а домой.

Иностранец вел беседу, каждый раз напрягаясь при очередном звонке на ее телефон. С ней он почти не разговаривал, все больше обращаясь к сидящим за столом мужчинам. Когда заговорили о конфликтах, она, хорошо знающая эту тему, решила было подключиться в умную мужскую беседу, но осеклась под его острым взглядом и вдруг с удивлением обнаружила, что есть категория мужчин, которые, независимо от того в какой точке мира бы не жили и какой бы статус не имели, отводят женщинам определенное ей ими самими место, и которого она, если не хочет его (мужчину) потерять, должна придерживаться. Она не любила себе в этом признаваться, но именно такие мужчины возбуждали ее и вызывали в ней уважение, и она беспрекословно подчинялась таким правилам игры.

Уходили из ресторана поздно. Она так и не смогла стереть из памяти эпизод, когда в гардеробе торопливо вырвала у него из рук свое кожаное манто, которое он хотел помочь ей одеть. Такого с ней никогда не происходило. Вспомнив, что оно далеко не новое, ей почему-то не захотелось, чтобы он заметил потертый воротник. Он удивленно посмотрел на нее, решительно отобрал манто и галантно помог продеть в него руки. Ей вдруг стало стыдно за себя, что подалась порыву, изменив своему, как ей всегда казалось, жизненному принципу,

ценить людей не по одежде и ее опять охватило раздражение к этому человеку, который невольно стал причиной, как она думала, неприсущей ей слабости и который, она была уверена, это почувствовал. Он, словно не замечая возникшей неловкости, предложил подвезти и, перехватив ее взгляд в сторону друга, уточнил, что провожать ее пойдут все вместе. На какое-то время они остались вдвоем, и она так и не смогла себе объяснить, почему вдруг у нее вырвалось, что должна была прийти в аэропорт их встречать, не пришла и как пожалела об этом сегодня. «Вы сделали очень большую ошибку,- как-то очень серьезно ответил он. - Просто у нас было бы больше времени познакомиться друг с другом ближе». Он пригласил ее в поездку по Грузии, шутливо предложив роль гида, но она решительно отказалась от этой поездки, посчитав, что события могут развернуться иначе и что потом она может разочароваться в этом симпатичном, неожиданно ставшем близким ей человеке. Только спустя время она поняла, что заблуждалась, и потом никогда не могла простить себе этой ошибки: только в той поездке они смогли бы пробыть вместе достаточно долго...

Проводов он не любил и никогда не позволял ей его провожать, впрочем, как и встречать. Вернее, она никогда точно не знала, когда он приедет, находясь все время в режиме ожидания, и точно также не знала, когда он захочет увидеть ее в своей или какой-нибудь другой стране. Во всем этом было что-то не совсем, точнее, совсем не укладывающееся в рамки отношений мужчины и женщины. Она безропотно подчинялась из боязни потерять то потрясающее чувство бескрайней любви, которое воцарилось в ней с появлением этого, так никогда до конца и не разгаданного ею, мужчины. Звонил он очень редко, хотя она всегда ждала его звонка и, не боясь показаться униженной, чуть ли не молила его об этом.

Звонки были в основном тогда, когда он приглашал ее куда-нибудь в путешествие, хотя она знала, что сам он сможет приехать туда в лучшем случае дня на три-четыре. Зато это бывали самые незабываемые дни всей ее жизни. Они устраивались в самых фешенебельных отелях, посещали самые изысканные рестораны, самые знаменитые соборы, музеи, оперные театры. Словом, он делал все, чтобы она по

возможности больше знакомилась со страной, куда он ее приглашал. Удивительно, но и на нее перекинулась его привычка почти не спать в поездках и находиться на грани между сном и явью. Это было потрясающее необъяснимое чувство, когда она почти верила в то, что в этом мире беспечней и богаче ее женщины, пожалуй, и не сыщешь. Во время таких путешествий он словно приучал ее к мысли что она и принадлежит к числу тех очень немногих женщин, к ногам которых можно сложить богатства всего мира. Все ее малейшие желания исполнялись, как по мановению волшебной палочки. Желания, конечно же, были скромными, но его не пугала любая ее прихоть, которую она вдруг проявляла, чтобы уличить его непонятно в чем. Это состояние невозможно передать словами, но словно какая-то невидимая сила предлагала ей вникнуть в истинную суть данного свыше богатства и суметь провести между земными бедностью и богатством ту небесную грань, за которой находится истинное человеческое счастье. С ним она наверняка узнала, вернее, он помог ей увериться в том, что она и так знала, но думала, что эта ее мысль была утешением для бедных, как она сама, что не все счастье в богатстве, равно как и не все несчастья идут от бедности...

Был ли он счастлив, она не знала. В принципе, наверное, она многого о нем не знала... За исключением детства и предков чуть ли не до седьмого колена. Знала, что он состоял в браке, наверное, любил свою жену и не имел с ней детей. Иногда ей казалось, что потому-то он ее и опекает, чтобы она родила ему ребенка и от одной только этой мысли ей становилось невыносимо тяжело, и она была готова возненавидеть его за это. Но он никогда не заговаривал с ней на эту тему и всегда умилялся ее неподдельной любви и жалости к животным. О своих чувствах к ней он распространяться не любил, только однажды вырвалось у него, что никогда бы не подумал, что найдет то, чего ему так не хватало, чуть ли не на другом конце света и что только одна мысль о том, что где-то там далеко она хоть изредка вспоминает о нем делает его абсолютно счастливым человеком на этой земле. Она даже не совсем понимала всю степень его занятости и если пыталась самостоятельно что-то запланировать, вызывала в нем вспышки

пугающей ее ярости.

Самое странное было то, что, несмотря на большое расстояние, она умела угадывать его состояние, которое непонятным образом ей передавалось. Словно кто-то протянул чувствительную невидимую нить между ними двумя, оборвать которую самостоятельно никто из них не был в силах.

То лето стало для нее сплошным кошмаром ожидания. Они виделись где-то в середине весны, его явно что-то беспокоило, но он уходил от всех ее вопросов, попросив ее наслаждаться их близостью и не забивать себе голову всякой ерундой. Но похоже, беспокоила его вовсе не ерунда. Почти все лето она не могла найти себе места. Ее изводила какая-то неясная тревога. Он не звонил и не отвечал на ее звонки и письма. Она уже не знала что предпринять и у кого спросить, когда он, наконец, позвонил и сообщил, что в конце августа собирается начать свой отпуск с Грузии, что планирует начать его с Рача-Сванети и вообще грузинского высокогорья, где она к своему стыду ни разу не бывала, а дальше уже все будет, как она того захочет: либо он останется в Грузии до конца отпуска, либо они поедут на какое-нибудь знаменитое побережье. Она была вне себя от счастья. Не от того, что у нее появилась еще одна возможность увлекательного путешествия. Первый раз за все время их знакомства она знала точную дату его приезда, знала, что весь положенный ему отпуск она заставит провести его в Грузии, чтобы навсегда привязать его к себе. Это был добрый знак, и она больше не желала упускать своего шанса, который так великодушно послала ей Судьба.

Она вся звенела в предвкушении этой встречи и даже решила, несмотря на всю его нелюбовь ко встречам в аэропортах, встретить его чуть ли не у трапа самолета. Звонки опять прервались, но она, уже привыкшая, даже не обратила на это внимания. Двадцатого августа, она отправилась в аэропорт, даже не сомневаясь, что он прилетит. Она долго потерянно стояла после приземления Лондонского рейса, все еще не желая поверить, что территорию аэропорта покинул уже самый последний пассажир этого самолета. Обида жестоко захлестнула все ее существо. Она вдруг с болью поняла, что он никогда не утруждал себя тем, чтобы она узнала о нем чуть больше, чем он

хотел того сам. Она теперь, здесь в аэропорту, почти не сомневалась в том, что такие, как она, у него могли быть и в других бедных странах и что он, пресыщенный своей обставленной роскошью жизнью, время от времени устраивал себе развлечения, играя с ними в Золушку и доброго волшебника. Она с яростью вспомнила и то, что впрочем, никогда и не забывала - непонятно почему он скрывал от нее день своего рождения, не год рождения, а именно день. Это было очень странно и, когда она попыталась настоять, чтобы он открыл наконец ей эту тайну, то натолкнулась на такую необъяснимую ярость, что предпочла его больше не спрашивать.

Закончился август, на исходе был сентябрь. От него больше не было ни слуха, ни духа, если не считать того, что он приснился ей в канун Рождества Пресвятой Богородицы в ночь на 21 сентября. Во сне она, больше не боясь его ярости, пыталась уточнить день его рождения, а он как-то печально улыбался одними глазами, той одной из самых потрясающих его улыбок, которая сводила ее с ума и горячо шептал ей в шею, что она уже угадала. От этого сна она почему-то проснулась в полном смятении, подумав, что от каждого напоминания о нем, пусть даже во сне, можно и правда сойти с ума. Она пыталась больше не думать о нем и, так как у нее это плохо получалось, училась заново блокировать свою память, чему когда-то давно научил ее друг-психолог, который овладел искусством блокировки памяти у лучших специалистов в Японии. Честно говоря, на этот раз блокировать память у нее получалось плохо: то ли она подзабыла как это делается, то ли в этом конкретном случае память не желала ей подчиняться.

Она пыталась побороть свою гордость и спросить о нем у друга, который наверняка догадывался обо всем происходящем между ними, но из деликатности делал вид, что ничего не замечает. В день несколько раз она с нетерпением проверяла свою электронную почту, в надежде, что на этот раз все непременно встанет на свои места. Затем ее охватила такая тоска и безысходность, что она потеряла всякий интерес и к телефонным звонкам, и к своей электронной почте и вообще ко всему тому, что хоть как-то могло быть связано с ним. В ночь на

7 октября она опять увидела его во сне, он стоял в какой-то светло-прозрачной дымке и смотрел на нее удивительно ясными, полными бескрайней любви темно-голубыми, переходящими в стальной цвет глазами. Смотрел и укоризненно спрашивал, почему она больше не заглядывает в свою почту. Она проснулась, словно ее кто-то сильно толкнул, вскочила, как ошпаренная, и лихорадочно бросилась к компьютеру, уже ничуть не сомневаясь, что он ее всегда любил..

Почтовый ящик и правда был переполнен. Она быстро просмотрела адреса, но ни один ему не принадлежал. Ее била крупная дрожь от нетерпения, непонятной жалости к себе и чувства унижения, глаза застилал предательский молочный туман. Она еще раз с трудом начала просматривать адреса и наткнулась на письмо друга, которое было выслано всего несколько часов назад. Бестолково дергая мышку, пыталась открыть письмо, которое почему-то не хотело открываться, словно проверяя на прочность ее терпение и вытягивая последние нервы. Наконец-то письмо открылось и первое, что бросилось ей в глаза: «Марк погиб!» Дальше шло совершенно уже ей ненужное длинное описание причин его гибели, церемонии похорон и фраза, которая все сразу ей объяснила «похоронили Марка в день его рождения, 21 сентября». В конце письма друг сообщал, что пересылает ей по его просьбе его последнюю фотографию. Она открыла ее и окаменела - с экрана компьютера он смотрел на нее так, как несколько минут назад во сне. Бесконечно любящим взглядом, всей силы которого она при его жизни так и не смогла постичь...

ЛЮБОВНИЦА

Меня почему-то потянуло туда. К маленькому, тесному переулку, сдавленному двумя ветхими, неуклюжими зданиями, в одном из которых размещалась поликлиника, а в другом - забегаловка. Запахи прокисшего пива, дешевых сигарет перемешивались со специфическим запахом поликлиники, вызывая непонятное смятение перед подобным соседством. И радость от предвкушения встречи меркла каждый раз, как

только я подходила к этому месту.

Мы прошли через крохотную кухню-прихожую и оказались в маленькой, уютной комнатке, половину которой занимала широкая тахта. В углу стоял низкий столик, рядом - два глубоких кресла, с потолка свисал почти до пола замысловатый абажур, пол покрывал мягкий пестрый ковер, на стене висело зеркало под старину, на единственном окне - тяжелый занавес. Я пришла в восторг от квартиры, хотя понимала, что это кто-то из друзей в очередной раз уступил нам свою „берлогу“...

- Нравится? - хрипло спросил он, когда я, стоя у зеркала, причисывалась перед уходом.

- Какое это имеет значение? Все равно завтра окажемся в другом месте... - равнодушно протянула я.

- Да, да, конечно же... - в тон мне ответил он, и, как бы поторапливая, слегка подтолкнул меня к выходу, одновременно выключив свет.

Так мы уходили всегда. Как бы до этого мы страстно ни любили друг друга, уходя, он замыкался в себе и явно торопился побыстрее со мною расстаться, оставляя в моей душе саднящий, неприятный осадок и горечь. Это было как бы напоминанием о том, что дома его ждут законная супруга и любимые дети, а меня - темная, мрачная комната и одряхлевшая крохотная болонка Долли, которой от старости уже было лень даже лаять.

В машине он сунул мне в руку что-то металлическое.

- Что это?! - я очнулась от горьких мыслей.

- Ключи!

- Что за ключи?

- От нашей комнаты.

«Сколько же я ждала этого дня! Только теперь, кажется, мне это уже безразлично»... В хаосе беспорядочных мыслей мгновенно промелькнула одна и тут же погасла.

- Спасибо, милый! - несколько наигранно воскликнула я и чмокнула его в щеку.

И все же не зря мечтала я все это время о нашем „шалаше“, нашем убежище. Встречаться мы стали, правда, не каждый день, но довольно часто. Иногда могли принимать у себя и близких друзей. Такими счастливыми мы не были с ним

никогда. Он с удовольствием выполнял роль хозяина, а мне доставляло наслаждение повиноваться малейшим его прихотям.

Несколько притупились терзающие меня сомнения, я немного успокоилась.

Хоть у нас и появилась своя комната, но праздники и день его рождения мы опять отмечали врозь. Эти дни всецело принадлежали его семье, и я не позволяла себе высказывать претензии по этому поводу, тем более, он уже говорил, что не желает семейных сцен, не хочет травмировать детей и двойную жизнь предпочитает открытому конфликту.

В общем, мне ничего не светило. Я безвольно плыла по течению, всецело отдавшись своей любви и провидению.

Несколько раз в месяц я ненадолго становилась его „полновластной хозяйкой“, а остальные дни выла от одиночества и отчаяния.

Каждый раз я думала, что не вынесу всего этого и в конце концов поставлю вопрос ребром: „До каких же пор это будет продолжаться?!“. Но появлялся он, самоуверенный, властный, ласково целовал в глаза, и я совершенно забывала о своих истериках и опять млела от любви и счастья. И болтала, болтала, болтала, словно боясь упустить что-то важное.

А он жил своей жизнью, не позволяя мне во что-либо вмешиваться и о чем-либо расспрашивать.

Не помню где, но, кажется, в энциклопедии молодой женщины я прочитала что-то вроде того, что слово „любовница“ имеет уничижительный оттенок и что особенно жалки в этой роли незамужние девушки, влюбленные в женатых мужчин... А ведь я и не считала себя любовницей.

Со мной что-то стало происходить... Я стала все придирчивей за ним наблюдать и приходиться в ярость от его манипуляций перед уходом. Он внимательно разглядывал в зеркале свою шею - нет ли на ней следов от моих поцелуев. Старательно отряхивал рубашку, чтобы на ней не осталось ненароком моего волоса. В эти минуты передо мной стоял совершенно чужой мужчина... теперь я стала замечать, что он упорно уклонялся от моего прощального поцелуя. Конечно же, я прекрасно все понимала, ненавидела себя и все-таки не могла ничего с собой поделать. Оставалось только ждать того дня,

когда он сам скажет, что между нами все кончено, и он возвращается в лоно семьи (от которой, кстати, и не думал уходить)...

В тот день с утра шел снег, и у меня было паршивое настроение. Ненавижу снег, и мне трудно представить, как люди переносят длинную зиму, я бы, наверное, сошла с ума, если бы по полгода смотрела на снег. В общем, соответственно погоде, у меня было и настроение. Я бесцельно слонялась по квартире, не имея ни сил, ни желания чем-либо заняться. Под вечер позвонил он и весело предложил „отметить“ первый снег. Отправились на Мтацминда. Он, как бы не замечая моего настроения, дурачился всю дорогу, рассказывал анекдоты, сыпал шутками, забавляясь моим недовольством.

- Интересно, что ты будешь делать, когда меня не будет? - с улыбкой спросила я.

- А ты что, помирать собралась?

- Нет, почему же помирать... Просто мы не будем вместе!

Наступила пауза. Через некоторое время он еле слышно выдавил:

- Ты всегда будешь со мной...

И вдруг резко затормозил.

- Я сейчас слеплю тебе такого Деда Мороза, что ты запомнишь меня на всю жизнь!

- А что, в этом уже появилась необходимость? - с наигранным смехом спросила я.

Снеговик получился на славу. Правда, лепили мы его вдвоем, затем он насильно стащил с меня полушубок и шаль и накинул на снеговика.

- Но ведь это не дед, а баба! Ты не выполнил своего обещания! - закапризничала я.

- Неважно, зато запомнишь его надолго!

От свежего воздуха, возни в снегу мы здорово проголодались и направились в ресторан. Когда мы оживленно входили в зал, он вдруг резко остановился, больно сжал мой локоть и отрывисто бросил:

- Выходи! Быстро! Мой тесть! Я догоню!..

Я шла, словно в тумане. К счастью, какая-то парочка высаживалась из такси около ресторана. Я бессильно упала на

заднее сиденье и механически назвала адрес. Попросив водителя подождать, торопливо открыла дверь, кое-как собрала свои вещи, оставила ключ на столе и, не выключив свет, стремительно выбежала на улицу.

...А теперь я вновь вернулась сюда. К этому маленькому, тесному переулку, сдавленному двумя ветхими, неуклюжими зданиями.

Передо мной раскинулась большая строительная площадка... Здание снесли, переулку тоже не было... Может, и со мной ничего не было...

ЗАКОЛКА

„Беги на смерть, как зверь на ловца...“

Инна Лиснянская

Куда-то запропастилась заколка. Пришлось перевернуть всю квартиру и даже перетряхнуть кухонные шкафчики. «Черт возьми! Куда она могла подеваться! Ведь не сквозь землю же провалилась!..» - бесилась она, ожесточенно выдвигая ящики.

«Этот кран меня вконец доконает! Когда же придет сантехник?.. Нет, я чокнусь, если не найду эту чертову заколку!..»

Никакой ценности заколка не представляла, это был его последний подарок, привезенный из Индии года полтора назад. Тогда в моде были короткие стрижки, но, получив подарок, она поняла, что ему не хочется, чтобы она расставалась со своими роскошными волосами. Они всегда понимали друг друга и уступали во всем. Почему-то всегда ощущала себя рядом с ним ребенком. Может, поэтому и не стремилась заводить детей. Нет, аборт не делала, просто не беременела, а к гинекологам не обращалась. Только недавно спохватилась, но сказали, что уже поздно... С девичества она испытывала какое-то странное отношение к беременным, их отрешенно-счастливые лица казались глупыми и вызвали глухое раздражение, и тем не менее в последнее время иногда, подложив под рубашку

подушку, разглядывала себя в зеркале, прикидывая, как бы она выглядела.

Чужих детей любила, соседские дети не давали проходу, а на улице могла приласкать даже самого чумазого ребенка. Всегда представляла, что ее ребенок должен быть каким-то особенным, не похожим на других... Поздно спохватилась... Решила было взять на воспитание, но он заупрямился, настаивать не стала. Она хотела всецело принадлежать только ему, и, казалось, ничто не в силах омрачить их отношения...

Телефон звонил в одно и то же время. «Доброжелательница» сдавленным голосом, несколько затягивая слова, сообщала об их местонахождении. Не хотелось верить, но запавшая в душу тревога разрасталась, лишала покоя.

Было до боли жаль себя. Он ни о чем не подозревал, а она мучительно старалась скрыть от него свои терзания, незаметно наблюдая за ним, пытаясь уловить в нем хоть малейшую перемену.

После очередного звонка она не выдержала сводящей с ума глухой тоски и поехала за город, на дачу, где, по словам «доброжелательницы», они находились. Прежде чем вставить ключ в замочную скважину, с силой нажала на звонок. Открыла и увидела как из гостиной метнулась к балкону чья-то тень. Он растерянно шагнул навстречу. Уши совершенно заложило, и где-то внутри черепа нарастал непрерывный звон. Надо было что-то предпринять, но сначала необходимо хоть как-то подготовиться... Подготовиться к чему? Да-а, такое не увидишь и в самом кошмарном сне... А еще не верила... Непонятно, каким образом передвигая ноги, прошла мимо него на балкон и вздрогнула от наглого, вызывающего взгляда девицы, стоявшей в чем мать родила. Отшатнулась, бросила непонятно кому «извините» и ринулась из этого ставшего жутким, чужим и враждебным дома...

По городу поползли сплетни. Она безучастно выслушивала сочувственные слова друзей. Замкнулась, ушла в себя, не опровергая ни одной сплетни. Было решительно все равно, кто что скажет. Слишком назойливым отрезала: «Он хочет иметь ребенка. Никто не вправе ему мешать...».

Душа надрывалась от обрушившегося горя, разум не мог

полностью осознать случившегося. Легче бы перенесла смерть - по крайней мере замкнулась бы в своей любви и горе, и никто бы из друзей не донимал бестактными расспросами и идиотскими советами...

Всегда боялась боли, боли любой - физической ли, душевной ли. Поэтому боялась даже допустить мысль о самоубийстве. А душа надрывалась...

Поддельное и неподдельное сочувствие совершенно выматывало, так что лучше было вести себя так, как будто ничего не произошло. Ходить в гости, принимать у себя. Ощущая всем своим существом, что вызывала этим какое-то раздражение у окружающих. В таких случаях многим доставляет непонятное удовольствие несчастный, раздавленный вид «жертвы».

Как ни в чем не бывало уехала на Пицунду, хотя первые дни никак не могла отогнать от себя тоску и безысходность, все время ждала его, забывая о случившемся. Но постепенно отвлеклась, усилием воли загнала поглубже боль. Море успокаивало. Балкон комнаты выходил прямо на море, то ласково рокотавшее, а то неистово гудящее, но одинаково успокаивающе действующее на застывшую от страданий душу. Восход солнца просыпала, зато закат провожала всегда то с балкона, то с пляжа. Сверху, с балкона, море кажется матовым, рыжий шар лениво скатывается в воду, не отбрасывая никаких отблесков, словно скупясь проложить зыбкий, золотистый мостик к берегу. Зато снизу, с пляжа, прямо от самого берега тянется к горизонту сверкающая полоса, превращаясь после того, как привыкает к ней взгляд, в парчовую дорожку с розовато-сиреневым оттенком, а по мере того, как скатывается рыжий диск, по морю протягивается тусклая лиловая тропинка...

Понемногу ожила, стала замечать откровенные взгляды мужчин. Это, конечно же, тешило уязвленное самолюбие.

За одним столом сидели она, симпатичный молодой человек и пожилая чета. Каждое утро все вежливо раскланивались друг с другом, причем у молодого человека получалось это на редкость надменно, что очень забавляло ее. «Мальчишка!» - снисходительно-ласково проносилось в мыслях.

Обнаружила, что «мальчишка»- сосед не только по столу, но и по пляжу. Он всегда появлялся в окружении шумной компании молодых людей. Не выдерживая слишком больших солнечных доз, раньше всех покидала пляж, поймав себя на мысли, что провожающие ее восхищенные взгляды друзей «мальчишки» доставляют удовольствие. А «мальчишка» держался холодно, чем порядком тешил.

Закончились сигареты. В близлежащих ларьках их не было. Кто-то посоветовал обратиться к бармену диско-бара, у которого можно было разжиться даже фирмой.

Бармена на месте не оказалось. Присела там же на высокий стул у стойки.

- Шампанское со льдом или коктейль? - раздался чей-то голос, заставивший вздрогнуть от неожиданности. Обернулась и увидела перед собой «мальчишку». «Виски с содовой», - съязвила и сразу пожалела о сказанном, заметив растерянность на его лице. Вот откуда была его надменность. От излишней застенчивости.

Молодой человек стал верным, бесменным телохранителем. Их совместное появление вызывало все более осуждающие взгляды окружающих. Он был намного моложе ее, что заставляло как-то держать его на расстоянии, вызывая этим его бурный протест. На сердце стало полегче, ожидание того, что что-то должно произойти и довольно скоро, не вызывало ни малейшего внутреннего сопротивления. Чувствовала, что так хорошо не бывало, пожалуй, никогда. Только надо было преодолеть еще один барьер, который ни одному из них был еще не по плечу.

Прощальный ужин сопровождался обильным количеством шампанского. Хотелось забыться, напиться... Кто-то пригласил на танец, вопросительно взглянула на его побледневшее лицо и отказалась. Безудержно захотелось прижаться к нему, потащила его танцевать, чувствуя, что он неохотно повинуется. Обняла его за шею, он робко положил руки на талию, неторопливо привлекла его к себе. Его горячее, молодое дыхание обжигало ухо, сводило с ума. Чувствовала, как он напрягся и с усилием сдерживал бьющую его дрожь. «Поцелуй меня в глаза..» - умоляюще шепнула и мгновенно почувствовала на веках

осторожное прикосновение пылающих губ. Земля стала быстро уходить из-под ног...

Спросонья показалось, что все было жутким кошмаром, и они никогда не расставались... Пришла в себя от чужого мужского запаха. Память услужливо предоставила все последние кадры до мельчайших подробностей. Содрогнулась от омерзения к себе... Парень забормотал во сне, натянул на себя простыню и тихонько засопел... Бесшумно выскользнула из постели и, едва сдерживая подступившую к горлу рвоту, бросилась в ванную...

Окна были наглухо закрыты, жалюзи спущены. Подошла к плите, медленно открыла все конфорки, духовку. Села на свое излюбленное место в кухне, окинула ее хозяйским взглядом: «Все никак не дошли руки пришить к занавесям оборки, не достала красные кружева. Люстра что-то очень низко висит, надо бы немного поднять... И кран капает... Сантехник так и не пришел... А заколка так и не нашлась... Куда она запропастилась?..».

В дверь беспрерывно звонили.

МУЖЕИЗМЕННИЦА

Крик возник где-то в глубине, мельчайшими острыми иглами впился в сердце и, ледяной волной отхлынув от него, подкатил к горлу. Она, силясь подавить его, глухо застонала.

-Поддай нож к маслу. Сколько раз можно повторять одно и то же!

- А? Что? - вздрогнула она, торопливо засовывая газету на полку с кастрюлями.

- Нож. К маслу, - отдельно выговорил муж.

Лали суетливо положила перед ним нож и как подкошенная рухнула на стул, стараясь не смотреть в его сторону.. Она никогда не завтракала. Завтрак ей заменял стакан сырой воды и чашка кофе. Но кофе она пила уже позже. Так что, когда Ираклий завтракал, она находилась либо в ванной, либо в спальне, тем самым как бы избавляя себя хотя бы от одной

тягостной процедуры. Это у нее началось уже давно, чуть ли не на второй день после свадьбы. Тогда они были в свадебном путешествии и ее поразило, как он долго размазывал на хлеб масло, как долго размешивал чай, как обкладывался салфетками. Все это проделывалось с такой педантичностью, что становилось не по себе. Но шокировало ее другое. С каким шумом после всех этих процедур он пил чай. От этих прихлебывающих звуков она доходила иногда до исступления. На второй же день после свадьбы он уже прихлебывал чай, ничуть не считаясь с ней. Наверное, чтобы избавиться себя от чаепитий с ним, она вообще отучилась завтракать.

Сейчас она была просто не в силах встать со стула и поэтому пришлось мириться со всеми звуками, которые он издавал. Она сидела и ждала, когда же наконец закончится его трапеза и он благополучно уберется из дому, оставив ее наедине с собой. Сидела, уставившись в одну точку, стараясь не видеть его размеренно жующие скулы и выхолненные руки, аккуратно намазывающие бутерброд. О-о-о, своих бутербродов он ей не доверял.

Наконец, он со стуком отставил чашку, отодвинул стул, подошел к окну, что-то выглядывая, вышел в прихожую.

- Туфли вычистила? Что мне одеть, плащ или куртку?
- «О, Господи, да иди хоть голый!»
- Надень куртку.
- Приготовь что-нибудь на ужин. Жди гостей!

Наконец-то дверь за ним захлопнулась.

Некоторое время она прислушивалась к шуму лифта, затем с трудом встала, дотянулась до полки с газетой, посмотрела на снимок и опять рухнула на стул.

На Рождество она с самого утра собиралась пойти к золовке. Ираклий весь день был занят и должен был заехать за ней вечером. Попала она к Елене уже часа в три, хотя ее ждали раньше. Она уже истосковалась по солнцу потому, что где-то с конца октября солнце не баловало горожан. Тбилиси, казалось, посерел навечно. Рождественский же день выдался солнечным. Она уже давно не замечала улыбок на лицах прохожих, не слышала веселого смеха. И вот, вместе с солнцем все как будто вновь оживилось. И улыбки, и смех, и город как будто вновь

стал прежним, беззаботным. Она пошла пешком, жадно вбирая в себя ласковые живительные солнечные лучи.

- Где ты ходишь! Ираклий уже пять раз позвонил! - набросилась на нее золовка. У Елены были гости. Она торопливо поздоровалась и, не раздеваясь, стала звонить Ираклию.

- Моя невестка Лали, - представила ее Елена. Она окинула быстрым взглядом компанию - девицу и двоих парней. „Актеришки“, - решила она и улыбнулась одной из своих очаровательных улыбок. Как только она вошла, один из гостей, высокий бородатый парень почему-то встал и не спешил садиться. Она отметила про себя, что он великолепно сложен, пожалуй, даже лучше, чем ее Ираклий, хотя Ираклия многие считали чуть ли не эталоном. Елена усадила ее рядом с Лашей, так звали этого парня. Он обжег ее быстрым внимательным взглядом и продолжил беседу, прерванную ее появлением. Елена была театроведом и у нее часто собиралось интересное общество. У нее был какой-то особый дар находить молодых безвестных актеров, которые вскорости потрясли публику своей игрой. Не дожидаясь тоста, Лали пригубила свою рюмку. Она любила выпить, но с незнакомыми людьми старалась сдерживаться. Солнце же настолько ее раскрепостило, что она отступилась от своего принципа. Елена подбодрила ее ласковой улыбкой, поддерживая разговор с гостями. Еще раз выпили за Рождество, за Новый год. Затем Лаша попросил разрешения произнести тост. И он заговорил, заговорил о солнце, заговорил чуть ли не ее словами, так, как думала она по дороге сюда. Это было невероятно. Значит, рядом был человек, который в точности, как она, заметил исчезновение солнца, совсем как она истосковался по нему. На душе у нее стало как-то радостно-светло, она не отрывала от него ласкового взгляда. Он это заметил, взял ее руку в свою и продержал ее некоторое время. Она блаженствовала. Пожалуй, в первый раз в жизни она захотела, чтобы Ираклий заехал за ней как можно позже, чтобы как можно дольше продлился этот вечер. Он рассказывал о смерти своей матери. Ей стало не по себе. Он даже смерть матери пережил как она. Он рассказывал о своих переживаниях так же, как рассказывала и она. Он был таким же одиноким, как и она. Она почувствовала,

что он рассказывал это ей, одной. Что здесь были только они - он и она... Как она того не хотела, Иракий приехал довольно рано и, несмотря на уговоры Елены остаться, забрал ее домой. Вышли все вместе, но он отказался от предложения его подвезти, сказав, что предпочитает пройти пешком. Это ее почему-то больно задело. Она с горечью смотрела ему вслед, пока он независимой походкой не скрылся из виду.

Всю ночь она не могла уснуть. Она наяву ощущала его руку на своей, не давал покоя его ласковый медовый взгляд. Она терзалась страхом, что Елена что-то заметила и что она больше никогда его не увидит. Тихое похрапывание Иракия доводило ее до бешенства, она была готова его прибить. „Тоже мне, примчался. Когда не надо, так до утра его где-то носит..“ - кипятилась она.

Два дня она героически продержалась, но на третий не выдержала и помчалась к Елене в надежде что-то выведать. Ухищрений не понадобилось. Елена сама заговорила о нем, о том, как он талантлив.

- Он женат?
- Кажется, в третий раз...
- Ну, и? Какова третья по счету?
- Похожа на приплюснутый блин. И, вообще, я не понимаю, как такой красивый парень мог жениться на такой дурнушке.

- Может, он альфонс.

- Нет, просто, по-моему, слишком порядочный.

Конечно же, сходство его жены с приплюснутым блином несколько удовлетворило ее любопытство, хотя она смутно себе представляла, что это такое „приплюснутый блин“. Но, во всяком случае, ее желание, чтобы его жена не была привлекательной, в какой-то мере исполнилось. Елена пошла варить кофе, в дверь позвонили и она пошла открывать. На пороге стоял Лаша. Она даже не попыталась хотя бы из приличия скрыть свою радость. Он обдал ее восхищенно-сияющим взглядом и, быстро наклонившись, поцеловал ее в губы долгим жадным поцелуем. Она задохнулась от этого запаха, должно быть знакомого еще с детства. Внутри нее разлилась какая-то теплота, сладостно сжавшая сердце, жаркая

волна желания захлестнула тело, ноги подкосились и он успел ее подхватить.

- Пойдем отсюда, - жарко зашептал он на ухо, щекоча ей шею мягкой, ухоженной бородой.

- Куда?! - испуганно пришла она в себя, пытаясь освободиться из его объятий.

- Куда хочешь. Хоть просто так. На улицу. Я хочу быть с тобой вдвоем. Ты мне нужна...

- Кто там? - крикнула из кухни Елена.

- Это Лаша пришел, - каким-то не своим голосом ответила она.

Он стремительно прошел на кухню.

- Елена, отметим старый Новый год?

- У нас еще впереди три дня.

- Меня здесь не будет, так что я хочу отметить сегодня. - Раз хочешь, отметим. Только кроме кофе и «сигуа»* ничего не смогу предложить. - Остальное за мной!

Как замужняя уважаемая женщина, она должна была уйти, сославшись на домашние дела. Но она не могла сдвинуться с места. От его поцелуя сладко горели губы. Все тело как-то напряженно звенело. Такого она никогда не испытывала. Он, уже не стесняясь Елены, завладел ее рукой, ласково перебирал ее пальцы. Она таяла, но испуганно поглядывала на золовку, которая, казалось, ничего не замечала. У нее не было сил и желания отнимать у него руку, она едва сдерживала себя, чтобы не прижаться к нему. Какая-то сверхъестественная сила влекла ее к нему, толкала к нему в объятия. Елена попросила его почитать стихи. Он, конечно же, знал, что прочесть, чтобы добить ее окончательно. Господи, сколько темперамента, страсти было в его голосе. Ее охватила мелкая дрожь. Она со страхом чувствовала, что еще немного и она не выдержит и побежит за ним без оглядки, забыв о своем уважаемом муже, о родне, о знакомых. Побежит за ним, не думая о последствиях. Он же читал не переставая, страстно

* Сигуа – Постный яблочный пирог, который называли тбилисцы в трудное время после обретения независимости в бытность Звиада Гамсахурдия, когда главой правительства был Тенгиз Сигуа.

бросая к ее ногам весь мир, привораживая ее своим бархатным голосом и призывным блестящим взглядом медовых бездонных глаз. Она терзалась сладкой мукой и изо всех сил сдерживала себя, чтобы вот здесь же, в присутствии золовки, не броситься в его крепкие объятия. Она почти явственно ощущала, как кольцо его сильных красивых рук сомкнется на ней...

К счастью, в дверь позвонили. Елена пошла открывать.

- Ты мне нужна, нужна, - моляще-торопливо прошептал, прохрипел он. Вошел Иракий. Она содрогнулась от его взгляда, полного самой неприкрытой ненависти, брошенного на ее мужа. Она моментально опомнилась...

Душевный покой, казалось, был навсегда утерян. Без Иракия она к Елене больше не ходила, хотя больше его там не встречала. Она подсознательно хотела, чтобы Елена хоть что-нибудь о нем сказала, но золовка молчала, словно никогда и не была с ним знакома. Она ходила по улице, мечтая случайно с ним встретиться. И чем больше ненавидела себя за это, тем сильнее его хотела. Она стала ловить себя на мысли, что, возможно, ей бы стало легче, если бы заподозрила в измене Иракия. А Иракий стал еще внимательнее, не хотел ступить без нее ни шагу. Он раздражал ее все больше и больше. Его педантичность и аккуратность доводили ее до умопомрачения. Она бесчувственно принимала ласки мужа, упрямо уклоняясь от его поцелуев. Муж недоумевал, в сердцах обзывая ее бревном... А по ночам, когда он засыпал, она отдавалась Лаше. Она явственно ощущала на шее прикосновение его бороды, его страстный шепот обжигал ухо, кольцо его сильных, красивых рук все теснее смыкалось на ней...

Казалось, она уже бредила наяву. И, уже не таясь, ненавидела ничего не подозревающего мужа. Ненавидела себя и исступленно хотела того, кто приходил к ней по ночам. Она даже не могла себе представить, что могло случиться, встретиться они еще один раз.

В таком угаре она прожила месяцев пять. И вот, Елена как-то сказала ей, что у него умер отец.

- Пойдем на панихиду! - как-то слишком торопливо предложила она, обрадовавшись возможности наконец-то его увидеть.

Елена с удивлением посмотрела на нее и пожала плечами. Они решили пойти в день похорон. Как она ни старалась, чтобы Елена шла впереди, та все равно оказалась сзади. Впереди шел какой-то грузный мужчина. Она, кажется, забыла, где находится. Она пришла сюда его увидеть и неистово искала его взглядом. Мужчина, идущий впереди, вдруг остановился, принялся кого-то обнимать, отошел и она очутилась перед ним. Он устремил на нее взгляд, полный муки, зрачки его чудовищно расширились, она, подавив в себе дикое желание броситься ему на шею, торопливо протянула вдруг вспотевшую руку, разрушительная жаркая волна желаний захлестнула все ее тело, сзади кто-то на нее наткнулся, она, с ужасом почувствовав, что он не отпускает ее руки, прошла дальше, судорожно высвобождая руку...

А теперь в газете этот его некролог. Крик возник где-то в глубине, мельчайшими острыми иглами впился в сердце, отхлынув от него ледяной волной, подкатил к горлу и выплеснулся истощенным жутким, нечеловеческим воем...

НАВАЖДЕНИЕ

Человек всю жизнь ищет любовь... Ищет, думает что находит, какое-то время блаженствует, а потом оказывается, что это не совсем то, что было нужно. Кто-то на этом останавливается, довольствуясь тем, что, как он думает, послал ему Бог, кто-то же упрямо продолжает искать другие ощущения, хотя находит или нет, это уже точно, как Бог пошлет. И, увы, не так уж много тех, кому дано познать, что любовь - это Бог. Что не надо ее где-то искать, просто потому что она в тебе. Люби все вокруг себя, и она никогда от тебя не уйдет, она всегда будет с тобой, даря каждый день совершенно неповторимые ощущения. Только дается это не так просто и каждый проходит свой путь к любви. Хотя на это терпения хватает не у всех...

Услышать от меня подобное многим знакомым покажется странным. Еще бы! Я наверняка не похожа на особу,

которая может носить любовь в себе. В представлении многих, я скорее женщина-вамп, которая не дарит, не носит в себе, а напротив, выкачивает из других любовь. Мой образ жизни, устроительницы самых раскрученных музыкальных шоу и тусовок, может ввести в заблуждение многих. Еще бы! Разбитная, цепкая девица, владелица самых крутых в городе авто, красующаяся на обложках гламурных журналов и уводящая из-под носа конкурентов самые выгодные контракты, никак не вписывается в то, о чем я с вами делюсь.

Не знаю каким образом, но я с самого детства подозревала, что нас двое, вернее, я одна, но поделена на две половинки, что ли... Одна напоказ, для всех, которая никогда не даст себя в обиду и будет стараться во всем быть первой, а другая, о которой никто не догадывается, для меня, которая очень боится, чтобы ее не обидели и поэтому тщательно скрывает свой хрупкий мир от чужих бесцеремонных глаз и рук. Может, поэтому, в детстве, мама искренне пугалась моего поведения. На людях, с другими детьми я была сорвиголовой, зачинщицей самых невероятных приключений, от которых здорово влетало моим сверстникам от их родителей, и дома, тихоня, ищущая уединения в книжках и не очень детских забавах. Мама иногда делилась со своими многочисленными подругами, которые часто тусовались в нашем доме, убивая время сплетнями, поглощая невероятное количество кофе и дымя дорогими сигаретами. Мама искренне недоумевала: "У всех дети как дети - и приласкаешь, и накричишь, и отшлепаешь, если надо, а у меня сплошное недоразумение. Иногда мне кажется, что не я ее, а она меня родила. У меня даже замечание ей сделать, язык не поворачивается!" Подружки сочувственно хлопали глазами и в знак солидарности налегали на кофе и сигареты.

Конечно же, мама не договаривала, что в моем характере, не поддающемся родительскому воспитанию, она винила мою бабушку, кстати ее родную мать. Хотя не думаю, что если бы это оказалась бабушка со стороны отца, мама сочла бы нужным перемывать ей косточки даже в кругу своих близких подруг. Она всегда предпочитает говорить людям в глаза, тем более близким, всю правду о том, что о них думает и при случае

подчеркивает, что это у нее от мамы. Но что ей не нравилось в маме по отношению ко мне и моему воспитанию, до сих пор для меня загадка.

С Библией, вернее, библейскими сказаниями и легендами, благодаря бабушке, я познакомилась в довольно раннем возрасте. И буквы узнавать учила она меня по детской Библии, которая была иллюстрирована замечательными рисунками. И день своего первого причастия я запомнила на всю жизнь! Еще бы, ведь тогда бабушка настояла, чтобы мне специально к этому дню купили ослепительно белый наряд, а после причастия дома накрыли праздничный стол как в день рождения и я пригласила чуть ли не весь класс! Это уже потом, спустя годы в Европе я увидела наряженных во все белое, как ангелочков, детей идущих в церковь на первое причастие. Только спустя годы я, кажется, поняла, почему бабушка устроила мне тогда такой светлый незабываемый праздник. Не потому ли, что в далеком ее детстве и ей устраивала праздник ее бабушка, происходящая из польских аристократов?

Библейские сказания и легенды я любила больше сказок, хотя совру, если скажу, что стала от этого слишком набожной и все время рвалась в церковь. Ведь есть же дети, которые наравне со взрослыми отстаивают длинную православную службу и не прочь за каждую проделку обращаться к батюшке, испрашивая у него прощения, а потом продолжают проказничать в том же духе. Совсем недавно я стала свидетельницей разговора двух соседских мальчишек пяти и семи лет. Семилетний отказался от игры с другом, объясняя причину: "Надо успеть маме исповедь написать". "А что такое исповедь?" - оторопело спросил пятилетний. "Это когда нашалишь и честно напишешь маме и расскажешь батюшке" - важно пояснил старший...

Примерно с такой же логикой приходят на исповедь и взрослые: придешь в церковь, исповедуешься, а завтра будешь делать то же самое...

В церковь, я конечно же, ходила, ставила свечи перед всеми иконами, на Пасху и Рождество могла постоять и на литургии, но если честно, к большему я, наверное, не была готова. Постоянного духовника у меня не было, поэтому меня тянуло в тот храм, поблизости от которого я находилась в тот

момент. Но больше всего я любила бывать в тихих и скромных церквях с небольшой паствой. Мне почему-то кажется, что много народу в храме, конечно, за исключением больших праздников, еще больше подчеркивают всю суетность происходящего на земле. Потом, как я заметила, в скромных храмах и священники человечнее и смиреннее. Там, куда приходит много народу, священники мнят себя чуть ли не заместителями Бога на земле и чванством, и самоуверенностью ничуть не уступают государственным чиновникам. Вот только, что страшнее, равнодушный священник или равнодушный чиновник, судить, конечно же, не мне. Хотя я глубоко убеждена, что испорченное дело легче исправить, нежели излечить больную, оскорбленную душу. Конечно, у меня иногда возникало мимолетное желание подойти к какому-нибудь батюшке, но оно мгновенно исчезало, стоило мне взглянуть в его не слишком праведные глаза, заметить ненадлежащую истовость во время службы и увидеть брезгливо отдернутую руку, к которой хотел приложиться кто-нибудь из не совсем приятных ему прихожан или вовсе незнакомых посетителей храма, во время его неохотного вынужденного благословения. Можно и дальше перечислять все грехи нашего духовенства, только вряд ли я смогу этим, что-либо исправить. Вот только одно я знаю почти наверняка: тяга людей к расплодившимся у нас в последнее время сектам, плод не только тяжелого экономического положения, а скорей всего результат равнодушия служителей Бога к людям, которые в тяжелые для себя времена ищут утешения и спасения в лоне церкви, ищут, но, увы, не всегда находят... Человек, к сожалению, слишком слаб и, ища Бога, заикливается на визуальных, по большому счету несущественных вещах, упуская из виду главное. Человек забывает, что для того, чтобы прийти к Богу нужно любить и быть готовым к любому испытанию. А может, как раз для этого испытания у него просто не хватает терпения? Ведь путь к Богу дан всем, вот только кто как им воспользуется, это уже другой вопрос...

В первый раз я причастилась в семь лет. С семи лет я уже знала, что я христианка и должна жить по христианским канонам. Не хочу выглядеть нескромной, но в отличие от

многих моих сверстников я довольно сносно знала церковную литературу и много читала Библию, с каждым разом открывая для себя все новые и новые пласты человеческого бытия. Несмотря на то, что христианские заповеди я старалась исполнять, ритуал исповеди и причащения я все время откладывала на завтра. А тем временем исповедовались и причащались даже те, кто имел весьма смутное представление как о религии, так и Библии и тайнах христианского учения. После долгих лет запрета на религию, походы в церковь и отстаивание длинных православных служб, для подавляющего большинства народу, к сожалению, было всего лишь неосознанной данью постсоветской моде.

Вообще, в церковь меня тянет именно тогда, когда мне особенно хорошо, хотя не секрет, что большинство вспоминает о Боге, когда бывает очень плохо. Я же, когда мне было особенно плохо, вспоминала о причащении. И сколько раз не пыталась к этому подготовиться, столько же раз мне что-то мешало. Все это меня уже стало тяготить, и я даже поделилась своими страхами с едва знакомым священником с маленьким приходом в некотором расстоянии от города. Страхи мои оказались небезосновательными, священник очень серьезно отнесся к беседе со мной и посоветовал направить все мои усилия в это русло, объяснив, что для меня это очень серьезное испытание и что возникающие препятствия на этом пути не что иное, как дьявольские козни.

Ушла я от священника с серьезным намерением непременно подготовиться и причаститься в этом храме, но, завертевшись в круговороте моей повседневной бурной деятельности, опять стала откладывать дело, казалось бы окончательно решенное мной еще вчера. Время от времени я набиралась решимости подготовиться к причастию и вот однажды, когда я в полной готовности приехала в тот храм, оказалось, что священника перевели в Тбилиси с повышением по церковной иерархической лестнице и я, из опасения быть неправильно понятой тем священником, который, как я думала, мог расценить мой порыв, как мое особое отношение к его теперь высокому сану, опять осталась без духовника.

Как я тогда оказалась в том храме, где впервые в жизни

причастилась в детстве, никак не могу вспомнить. Может, потому что я и раньше довольно часто приходила в этот удивительно сильный по своей энергетике храм. Я только помню, что пришла сюда в начале Рождественского поста, полная решимости во что бы то ни стало причаститься. На улице уже очень рано темнело и меня постоянно преследовало ощущение какой-то неприкаянности. Здесь же зимний сумрак и холод перетекал в теплое, светлое сияние лампад и свечей, усиливающихся светом огромной люстры, висящей прямо под куполом. Здесь как-то по-особому светились прихожане и какое-то особое теплое и светлое состояние, царящее вокруг, охватило и меня. Вообще, кто близко воспринимает церковь, поймет меня без слов, хотя чаще всего такое состояние всеобъемлющей любви охватывает человека в дни великих церковных праздников. Служба в храме уже шла и когда я зажигала свечу перед иконой Божьей Матери, двери алтаря распахнулись и вышел священник в сопровождении алтарника и служки с огромными зажженными свечами. Я не успела понять, что со мной произошло, сердце вдруг сладко подпрыгнуло, а тело охватило состояние пьянящей невесомости и только потом я увидела лицо алтарника словно сошедшего с иконы. Я не сочиняю, но мне показалось, что это был лик с Мандилиона, лик Спаса Нерукотворного. Я не могла отвести от этого лица зачарованного взгляда, не думая, что в церкви подобный взгляд был не совсем уместен. Следующий за кадящим священником алтарник, поравнявшись со мной, неожиданно встретился со мной взглядом и словно обжегшись об мои светящиеся, восторженные глаза, торопливо опустил голову. Меня затопило блаженство, я истово молилась со всеми, ни на секунду не забывая о божественном лике простого алтарника.

Посещать храм я стала почти каждый день. С утра старалась уладить все неотложные дела, чтобы отстоять вечернюю службу. Я вся светилась от всеобъемлющей и всепоглощающей меня любви, даже не думая о том, что во время поста меня должны обуревать несколько иные чувства. И место я выбрала себе в храме - становилась под иконой Спаса Нерукотворного и простаивала со свечей в руке всю службу. Правда, временами я совершенно не могла молиться и, не

отрывая глаз от алтарника, мечтала о знакомстве с ним за пределами этого храма... Временами, в самый разгар службы, я почти физически ощущала на своих губах его горячее, ароматное дыхание, прикосновение его красивых сильных рук к моим грудям. Я понимала, что все это переходило за какую-то грань, но ничего не могла с собой поделать... Во снах парень с иконописным ликом всецело принадлежал только мне, он приходил каждую ночь, наполняя все мое существо пьянящим ликованием.

Моя жизнь превратилась в сплошной кошмар. Я готова была отказаться от всех окружающих меня благ, лишь бы все время находиться рядом с ним. Я ловила себя на том, что готова на любую жертву, только бы заполучить его себе. Я бы не задумываясь пошла к нему даже в услужение, только бы он на это согласился. Каждый день я мысленно просыпалась рядом с ним, тая от его лучистого, словно пронизывающего насквозь взгляда, любовно готовила ему самые потрясающие обеды и ужины, благоговейно разглаживала горячим утюгом складки на его церковной одежде.

Наверное, мои горящие лихорадочным блеском, полные какой-то неземной любви глаза возымели свое действие, и я почувствовала, как он безошибочно стал угадывать мое присутствие в храме. Я даже, чтобы в этом убедиться, стояла в разных местах храма. Начиналась служба, он появлялся в алтаре следом за батюшкой и его неземной взгляд сразу устремлялся именно в ту сторону, где я стояла. В такие минуты меня пронзало такое ликование, что я не могла и не хотела сдерживать счастливые слезы заливающие мое лицо и окрылялась надеждой на счастливый исход наших отношений. Пожалуй, никогда в жизни я не желала ничего более, чем заполучить себе это создание с иконописным ликом.

К Рождественской литургии я готовилась особенно возвышенно. Специально для этого Дня купила белый кружевной платок и бесконечно представляла, как выгодно оттенит в церкви белый цвет все мои страдания и чистую любовь. Еще в эти дни меня подгоняло какое-то смутное и до сих пор неразгаданное мной тревожное ожидание. Вообще я с детства, в предновогодние дни всегда почему-то бывала в

каком-то нетерпеливом ожидании, это наверно из-за того, что не терпелось увидеть, что принесет мне под елку Дед Мороз. Взрослого своего нетерпения я, пожалуй, не могла объяснить. В те предрождественские дни я совсем не могла есть и вообще, для меня остается загадкой, как после стольких глубоких переживаний я держалась на ногах. Меня сильно тревожила предстоящая исповедь, я мысленно повторяла все мои ошибки, но рассказать батюшке об этом наваждении не представляла себе возможным...

Исповедь, к моему величайшему облегчению прошла очень легко. Почему-то в большие религиозные праздники происходит своего рода коллективное отпущение грехов. То ли народу в эти дни много приходит в церковь и священники просто не успевают всех выслушать, то ли небеса в такие дни и вправду отверзаются... Такой бесконечной любви и радости, как в то Рождество в церкви, я не испытывала, пожалуй, никогда. Теплый, искрящийся свет заливал весь храм. Причем, казалось, свет исходил не только от горящих свеч, лампад и огромной люстры под куполом, но и от икон и молящихся истово людей. Я горячо молилась, испрашивая прощения у Бога за мою непрощенную любовь. При этом я была не в силах оторвать взгляда от иконописного лика предмета моей потрясающей любви. Мне казалось, что его переполняли те же самые чувства и он также, как и я, готов был взмыть куда-то ввысь от этого неземного света, радости, любви и пения заливающего церковь. Причащающиеся с благоговением принимали из рук священника причастие, а он стоящий рядом, с таким же благоговением промокал их губы белоснежным полотенцем. Я как зачарованная следила за движением его словно точенных рук и замороженно двигалась в очереди за причастием. Стук моего собственного сердца, казалось, смог бы заглушить даже праздничный звон колоколов. Вдруг я остановилась как вкопанная, вызвав ропот недовольствия причащающихся. Все! Больше я не могла сделать ни шагу. Я вдруг совершенно четко ощутила прикосновение его тонких пальцев на своих губах, которое обожжет меня даже через полотенце. Мое сердце, казалось, издавало последние громкие аккорды, а потом стало медленно затихать. Какая-то сила неумолимо начала

подталкивать меня к выходу. Я, заливаясь слезами, продиралась через плотную толпу наружу, не понимая, что со мной происходит.

Больше я в эту церковь не возвратилась. И причастилась я уже в другой раз, в другой церкви и рассказала незнакомому священнику о своей большой и странной любви, которую до сих пор не смогла вытравить из собственной памяти. Он больше не прислуживает в той церкви, его рукоположили в сан и дали свой приход. Жизнь идет своим чередом и я опять играю свою роль успешной женщины-вамп, вызывая жгучую зависть у окружающих. А мне же иногда кажется, что истинное счастье Бог мне дал испытать в те предрождественские дни и безумно хочу еще один раз в жизни пережить те минуты, хотя наверняка знаю, что, как бы мне этого ни захотелось, я ни за что в жизни не нарушу покоя священника с иконописным ликом. Не стану себя и его искушать...Из любви к Богу...

ПУСТЫНЯ

Когда я наконец с трудом достала тебе лекарство, тебя уже не было. Довольная, что у тебя хоть некоторое время не будет проблемы с лекарством, я лихорадочно соображала, через кого бы тебе передать, чтобы оно как можно скорее попало к тебе.

Помнишь, как мы с тобой познакомились? Почему ты так не любил об этом вспоминать? Может потому, что ты „снял“ меня в той сомнительной забегаловке?.. Город изнывал от несентябрьской жары. Воздух был накален до предела. Мы с Маико буквально ввалились в спасительную сень полуподвальной забегаловки, предварительно договорившись, что в случае, если будет много народу, повернем обратно, чтобы на кого-нибудь не нарваться. А в те дни что было и не удивительно. В Тбилиси понаехало из районов много сторонников Звиада Гамсахурдиа. Отделанный под старину полу подвальчик, как ни странно, был почти пустым. В углу у входа сидела небольшая шумная компания подвыпивших

парней и в глубине зала было занято 2-3 столика. Видимо, мы не вписались в этот антураж, так как парни проводили нас удивленными взглядами и возгласами. Мы с Маико с самым независимым видом расставили тарелки на соседнем с ними столике, так как поблизости крутился вентилятор. Я очень люблю дочерна перченный хинкали. Баночка с перцем оказалась пустой, на других столиках перца и вовсе не было видно. Я вознамерилась попросить его у подвыпивших соседей, но Маико, угадав мои мысли, сразу же пресекла меня: „Ешь так, а то прицепятся – не отвалят!“ Через некоторое время от того столика встал один высокий, плотный парень, лениво, вразвалку подошел к стойке. Я успела разглядеть, что задний карман его брюк оттягивал какой-то тяжелый предмет. „Фу, черт! Пистолет“, – со страхом подумала я и старалась больше не смотреть в его сторону. Парень перекинулся словами с буфетчиком, отошел, подсел к какой-то паре, встал, направился к своей компании и почти сразу возник около нас, поставив нам на стол бутылку с перцем. Мы с Маико вежливо поблагодарили его, но он, даже не спросив разрешения, бесцеремонно уселся за наш столик, окидывая нас пристальным взглядом. У меня от напряжения взмокла спина. Я ни на секунду не забывала о пистолете. Видимо от страха, на меня напал безудержный аппетит. Ты, улыбаясь, смотрел, а я глотала хинкали за хинкали, не забывая при этом поперчить из принесенной тобой бутылки. Маико не выдержала: „Остановись, – лопнешь!“. Ты весело расхохотался: „И каким же ветром вас сюда занесло?“ – „Господним“, отпарировала я с набитым ртом. – „И часто вас сюда заносит?“ – „Сюда в первый раз“. – „У нас отличное вино, будете?“ – как старым знакомым предложил он. – „Спасибо, мы не пьем“, – отрезала Маико. – „А чего бы вам сделать приятного?“ – „Приятного?..“ – мило улыбнулась я, – „Если оставите нас вдвоем“. „Вот как“, – в тон мне сказал ты. – „Как раз этого я не смогу сделать“. – „Тогда нам придется уйти!“ – „Пожалуйста, если у вас это получится...“ Маико почувствовала, что я начинаю злиться, и попыталась сгладить ситуацию: „Вы знаете, мы с ней так давно не виделись...“ – „Я бы этого не сказал.“ – „Почему мы перед ним отчитываемся!“ – опять взвилась я. – „До сих пор вы этого не делали, но, по-

моему, пора.“ Я задохнулась от твоей наглости. – „Как вас зовут? Только не врете, потому что я вас все равно узнаю...“ – „И что дальше?“ – вызывающе спросила я. – „Ничего. Просто узнаю ваши настоящие имена“. „Маико, Ия“, – поспешно сказала подруга. Я не смогла скрыть своего возмущения. Ты заметил мою реакцию и весело улыбнулся. – „И чем же Маико и Ия занимаются, если не секрет?“ – Я опять принялась поглощать хинкали, полностью предоставив тебя Маико. – „Журналисты.“ „Вот как? И где же вы работаете?“ Маико ответила. С соседнего столика стали тебя звать: „Нодар, иди сюда. Оставь девочек в покое“. – „Я не буду вам долго надоедать, оставьте мне телефон и я уйду“. Я опять не выдержала: „Вы что, думаете, что мы так и раздаем свои телефоны?“ „Я этого и не подумал. Впрочем, я и сам смогу узнать. Тбилиси не такой уж и большой“. Вдруг, совсем неожиданно для себя я ляпнула: „А по какую сторону баррикад вы стоите?“ – „По эту“. – „Как это понять?“ – „Перед Домом правительства“. – „В таком случае не получите“. – „Я так и понял“. Маико, кажется, проткнула мне каблуком ногу. Я явно лезла на рожон и никак не могла остановиться.

И вообще все те дни я была как одержимая, с ужасом чувствовала, что делила свой народ на две части – на „ту“ и „эту“ стороны баррикад. Я знала, что никто мне не давал такого права и все же ничего не могла с собой поделаться. И „та“ и „эта“ стороны поносили друг друга, поливали друг друга грязью, обвиняли друг друга во всех мыслимых и немыслимых грехах. И мы все были вольными и невольными участниками этого безумия. Мы все больше отдалялись друг от друга по „ту“ и „эту“ стороны баррикад. Мы разделились на „кучку оппозиции“ и „звиадистов“. Мы, дети одной матери – земли Грузии – патологически ненавидели друг друга. Почему так с нами случилось? Откуда в нашей нации накопилось столько черного безудержного зла? Откуда?! Наверное, вина за это лежит на каждом из нас, независимо от того, по какую сторону „баррикад“ мы тогда находились.

Ты уже деловито записывал наш рабочий телефон. На улице я набросилась на Маико: „Совсем спятила?! Какого черта дала ему телефон!“ – „Чего ты бесишься? Нормальный мальчик. И когда ты только научишься распознавать людей?“ – „Тебе-то

что, ты завтра слиняешь с работы на целый месяц, а что мне прикажешь делать?“ – „Ничего. Встретишься“. – „На кой черт он мне сдался! И вообще, он не в моем вкусе“.

Ты позвонил на следующий день. Оставил мне и свой телефон. Так звонил несколько дней подряд, а потом исчез, видимо, думал, что я позвоню тебе сама, но, так и не дождавшись моего звонка, ты стал опять ко мне названивать.

Это были какие-то тревожные, бурные непредсказуемыми событиями дни. Воздух, казалось, был накален ненавистью до предела. Творилось что-то невероятное. „Агентов Кремля“ и „путчистов“ вылавливали прямо на улицах, со страниц прессы и экранов телевизоров обрушились на нас потоки лжи и ненависти; неугодных депутатов толпа не впускала в зал заседаний Верховного Совета, их оплевывали, щипали, поносили грязными ругательствами; созывали людей со всей Грузии на защиту законно избранного президента; пьяные экзальтированные толпы рвались расчищать проспект Руставели от баррикад, устроенных оппозиционерами. И митинги, митинги, бесконечные митинги на „той“ и „другой“ стороне баррикад. Город лихорадило, люди были возбуждены до умопомрачения...

А нас с тобой закружило в водовороте любви. Помнишь, как ты надо мной смеялся, что я сверх меры политизированная особа и дразнил „путчисткой“ и что меня при первой же возможности вздернут на первом же попавшемся суку. Кажется, у меня начинался сдвиг, и ты при малейшей возможности вывозил меня за город. С тобой я как-то забывалась, не помнила о том, что в городе каждую минуту может случиться что-то страшное, непоправимое, что каждую минуту брат на брата может поднять руку. Ты никогда не анализировал при мне происходящее. Однажды мы чуть было не поссорились, удрученные тем, что власти, применив силу, разогнали митинг оппозиции. Я бросила тебе в лицо, что, наверное, и тебя скоро направят разгонять демонстрации. Я почувствовала, как ты напрягся, но ты, не теряя равновесия, ответил мне: „Я не милиционер“. Я полезла на рожон: „Подумаешь. От вас все можно ожидать. На выборах 28 октября твой шеф был настроен иначе, а сейчас, вон, что творит!“ – „Ненормальная“. –

„Спасибо!“ – „Ты уже заиклилась на одном и том же. Не дай Бог, если все так будут думать. Ты что, и правда думаешь, что страна должна остаться подонкам на растерзание? Ведь кто-то же должен делать настоящее дело. Министерство обороны будет нужно при любом правительстве и если профессионалы откажутся там работать, ты соображаешь, к чему это может привести, и вообще, по-моему, военные не должны вмешиваться в политику“.

Больше мы с тобой об этом не говорили. Ты ласково дразнил меня „путчисткой“, а я тебя в отместку – „наемником“ (наверное, потому, что ты служил в Афганистане).

Ты любил бешенную езду и высоту. Ты выискивал такие кручи, откуда весь город раскидывался как на ладони. „Посмотри, нас трое во всей вселенной – наш Тбилиси и мы с тобой. Что может быть прекраснее?“ Я, пожалуй, ревновала тебя к городу, мне казалось, что ты любил его больше, чем меня. А я хотела, чтобы больше всего на свете ты любил только меня, меня одну. Я чувствовала свою власть над тобой, ты позволял мне все. Господи, какое же я испытывала наслаждение отчитывать тебя, а ты стоял передо мной, как провинившийся ребенок, и молчал. Ты, такой сильный, бесстрашный, бескомпромиссный превращался в маленького ребенка, и, когда я окончательно входила в роль, как пушинку, подхватывал меня на руки, поднимал высоко: „Замолчи, а то сброшу“. Я замолкала.

Рождество мы с тобой собирались отпраздновать на широкую ногу, строили планы, составляли „список“ приглашенных...

Но 22 декабря случилось непоправимое. Брат пошел на брата, грузин пролил кровь грузина. И эта пролитая кровь еще долго нам не даст покоя, еще многие поколения не простят нам этого. И они будут правы. Случилось непоправимое.

Ты исчез. Я не находила себе места от горя и безысходности. Я боялась позвонить тебе домой. Каждый день ходила на проспект Руставели, в надежде увидеть тебя или кого-то из твоих друзей. Президент со своим окружением забился в бункер. Телевидение безмолвствовало. Все эти дни я жила как в аду. Сердце разрывалось от тоски и отчаяния. Все эти дни капля

за каплей проливалась моя, наша кровь. Проливалась кровь, за которую мы все в ответе, мы все по обе стороны баррикад. Проспект Руставели был охвачен пламенем, расстреливали людей, здания и церковь Кашуэти. Конца не было видно этому безумию.

Наконец, стало известно, что Георгадзе в качестве заложника после его телеобращения к народу находится в бункере, что он попал в опалу и вряд ли останется в живых. Я уже не сомневалась, что и ты будешь там, что никто бы тебя насильно туда бы не смог затащить, и что ты никогда не оставишь в беде близкого тебе человека.

Ты появился заросший бородой, в каких-то солдатских то ли сапогах, то ли полусапогах, с автоматом. Я ни о чем тебя не спрашивала. Помнишь, как я прижалась к тебе, не в силах оторваться, вымолвить хоть бы слово. Так мы простояли, кажется, вечность. Потом ты бережно отстранил меня от себя: „Ну, ладно, путчистка, а то на всю жизнь так и окаменею“. Я ни о чем не расспрашивала. И ты мне ничего не рассказывал. Только бросил: „Видела бы ты, как президент в бункере собственноручно вручал нам автоматы. Маньяк...“

По телевидению стали прокручивать кассету, запечатлевшую встречу Нового года в бункере. Впечатление после этого просмотра осталось жуткое. Но мне навсегда больно врезался в память один эпизод. Оператор заснял пятнистого черно-белого щенка на лестницах в бункере. Какой-то парень с автоматом, расположившийся там же на лестнице, занес над щенком руку. И мне вдруг показалось, что пьяный молодчик ударит беззащитное животное. Я вся напряглась от почти физической боли. Но парень принялся поглаживать прижавшуюся к нему собачку. Кадр был моментальный, и мне стало стыдно за себя, как я могла так подумать. Я уже, кажется, забывала, что и в бункере были такие же, как и я, грузины. Такие же грузины, разве что с той разницей, что стояли по другую сторону баррикад... Помнишь, когда я тебе это рассказала, ты молча погладил меня по голове.

Сформировали Военный Совет. В Тбилиси и Западной Грузии начались волнения, провоцируемые сторонниками бывшего президента. Демонстрации жестоко разгонялись с

применением силы. Самые большие волнения проходили в Самегрело и Сухуми. В Самегрело были срочно введены войска. Ты опять исчез. Я совершенно обессилела от постоянного напряжения и тревоги. Мы, грузины, все больше отдалялись друг от друга и, казалось, никакая сила не сможет нас больше слить воедино. Господь, словно навсегда, отвратил от нас свой благодатный лик. Мы все больше уподоблялись каннибалам и, наверное, с радостью перегрызли бы друг другу глотки. По городу ходили самые невероятные слухи, мне было страшно, и вспыхнувшая была надежда угасла с катастрофической быстротой. Пропать между нами, грузинами, с той и другой стороны баррикад все более углублялась.

Ты появился где-то в середине марта. На мои упреки ты коротко ответил, что был в Зугдиди. Ни на какие мои вопросы ты не хотел отвечать, и я оставила тебя в покое. Таким мрачным я тебя никогда не видела. Мне казалось, что и встречаться со мной ты продолжал по какой-то инерции. Ты часами мог находиться около меня, не произнеся ни слова. Меня уже начали тяготить наши отношения, как тебя однажды прорвало. Ты рассказал мне то, о чем я уже знала. В Самегрело проводили экзекуцию, чинили расправу над ни в чем не повинными людьми, грабили, убивали. Словом, вместо закона встал беспредел. – „Ты знаешь, я, кажется, кого-то убил...“ – „Что-о?!“ – „Какой-то тип стягивал с убитого дубленку. Я выстрелил в него и, кажется, убил“. – „Туда ему и дорога!“ – безапелляционно заявила я. Ты горько улыбнулся и с облегчением прижался ко мне.

Ты хотел поменять работу, я тебя не удерживала. Ты сам должен был во всем разобраться, я в этом деле со своими эмоциями была плохим советчиком. Работу ты себе нашел быстро. Я была на десятом небе. Теперь у тебя было уйма времени, которое ты проводил со мной. Я видела, как ты мучаешься, но делала вид, что ничего не замечаю. Наверное, все любящие женщины – эгоистки и для них состояние души любимого ничто в сравнении с их личным благополучием.

В мае мы поженились. Ты не захотел пышной свадьбы и я не стала настаивать. Теперь ты всецело принадлежал мне. И почему мы, женщины, такие глупые, если верим, что, узаконив

свою связь, мужчина начинает полностью принадлежать нам...

С настоящими испытаниями я столкнулась в браке. Мы с тобой оказались совершенно разными. Я – такая эмоциональная и вечно разбросанная, а ты – такой уравновешенный и всегда собранный. Я – любительница шумных компаний, а ты – всегда ищущий уединения со мной. – „И когда я только тебе надою, чтобы и мы, как нормальные люди, ходили в гости?“ – наигранно кипятилась я. – „Никогда“, – на полном серьезе отвечал ты. Мне нравилось, что ты меня так любил. Ты любил меня как-то особенно. Не так, как я читала это в книгах или видела в кино. Ты любил меня как-то по-своему... И это мне безумно нравилось.

Помнишь, как я дико испугалась, когда обнаружила у тебя шприц. Меня как громом поразило: „Почему ты скрывал, что ты наркоман!“ – билась я в истерике. – „А почему я должен был тебе докладывать?“ – „Подонок! – взвизгнула я. – Не подходи ко мне, а то я выпрыгну в окно!“ Ты подошел ко мне и с силой прижал к своей груди мое разгоряченное лицо. – „Умоляю, успокойся. Я должен был тебе сказать, но не мог. Я диабетик.“ Я рухнула перед тобой на колени, и ты с трудом отодрал меня от своих ног. Я так и не научилась делать уколы. Да ты что, я не могла уколоть не то что тебя, а даже тряпичное чучело на военной кафедре в университете, где мы проходили медицинскую подготовку и считались военнообязанными. – „Представляю, если вдруг начнется война и тебя мобилизуют. Там раненые не от твоих уколов, а от смеха помрут“, – весело поддевал ты меня. Инсулин ты делал себе сам.

В конце августа мы собирались с тобой на Пицунду. 14 августа в Абхазии начались все эти события. Уже 15 августа „Союз афганцев“ объявил мобилизацию и ты, забыв обо всем на свете, бросился по первому же зову. Ты забежал домой на несколько минут и принялся собирать необходимое. С меня толку было мало, и ты это сразу понял. – „Но почему ты?!“ – как-то произвольно вырвалось у меня. – „А почему другие?!“ – прикрикнул ты, а потом, видимо, устыдившись своего срыва, подошел ко мне, ласково прижал к себе: „Ну, что ты, глупышка, вот увидишь, через несколько дней я буду дома. Это просто какое-то недоразумение“. Я плетью повисла на твоих руках. Ты

положил меня на диван и, даже не поцеловав, поспешно вышел из дома. „Недоразумение“ затянулось. Из зоны конфликта шли настоящие фронтовые сводки. Я боялась включать телевизор. После сводки новостей в эфир выходила программа „Вечная память“, где назывались имена погибших в зоне конфликта парней. У меня кровь застывала в жилах, я каждый раз ждала, что вот-вот объявят и тебя, хотя знала, что объявления дают родственники погибшего. Я каждый день умирала вместе с этими парнями. Однажды я тебя увидела по телевизору. Ты и правда был похож на наемника с этой лентой, перетягивавшей тебе лоб. Где-то через неделю после этого ты появился дома. Я поняла, что ненадолго, но мне и этого хватило, главное ты был цел и невредим. – „Послушай, почему ты нацепил эту ленту? Хочешь походить на настоящего боевика из американских фильмов?“ – съязвила я. – „Да ты что, – расхохотался ты. – Эта лента для того, чтобы потом глаза не заливало“. Я пристыжено умолкла. Это был ты и не ты. Раньше я могла только предполагать, а теперь я уже точно знала, что этими руками, моими любимыми сильными, добрыми руками ты мог убивать. Ты мог и ласкать и убивать. У меня никак это не укладывалось в голове. Я хотела, чтобы это было кошмарным сном, который вот-вот прервется и все войдет в свое русло.

Помнишь, как мы возвращались с тобой поздно с одного дня рождения, ты не вывел нашей машины, сказав, что собираешься выпить. Хотя гвардейцы могли развезать по городу вдрызг пьяные и никто не смел их останавливать. Ты никогда не позволял себе этого. Мы стояли с тобой и останавливали машину, наконец кто-то остановил и водитель заломил такую цену, что я ойкнула. Я испугалась, испугалась за тебя, что ты не выдержишь и водителю не поздоровится, но ты только сощурил глаза, больно сжал мне руку и сказал: „Нет, браток, у меня нет таких денег“. Кое-как мы добрались до дому.

О войне ты мне не рассказывал, да и я не приставала к тебе с расспросами, чувствуя, что около меня ты понемногу отходил от тех ужасов (насколько это было возможно). Иногда ты появлялся дома на час-полтора, затем полигон, а затем опять аэропорт и Сухуми. А в транспорте, в очередях, словом, везде, где только было можно, какие-то разжиревшие амбалы

доказывали друг другу, что в Абхазии сражаются одни наркоманы и мародеры, и чего ради им там умирать. И после программы новостей в эфир выходила „Вечная память“, объявляющая каждый день имена гибнувших в зоне конфликта парней.

Помнишь, как я после нашей очередной стычки спросила: „Ты что, ненормальный?!“ Ты серьезно ответил: „А ты что, сомневалась? Нормальные в коммерческих будках сидят, конфеты и сигареты продают, а ненормальные ползают с автоматом на брюхе и родину защищают“.

Ты затронул то, что уже давно не давало мне покоя и что до сих пор мучает меня. Ты оставил мне вечный вопрос, на который, наверное, никто, кроме Всевышнего, не знает ответа.

И там на войне мародеров и грабителей было предостаточно. – „Черт возьми, не убивать же их! Выловишь, отведешь в комендатуру, а через пол часа идут они тебе навстречу при своем оружии. А ты стоишь болван болваном и ничего сказать не можешь, хотя бы на два-три дня, на худой конец, на „губу“ бы их сажали!“

С конца ноября задули холодные ветра. Я без конца мерзла и на холоде у меня сильно болели груди. Мне что-то нездоровилось. От тебя приходили скудные известия: „Жив, здоров, целую.“ Мне становилось все хуже и хуже. Пришлось идти к врачу. Меня обследовали отправили на эхоскопию. Я не поверила обрушившемуся на меня счастье. У нас с тобой должен был родиться ребенок. Ему уже было целых три недели и четыре дня. Господи, как я ждала твоего приезда, чтобы тебя обрадовать, я даже не хотела писать этого в записке, я сама должна была тебе обо всем рассказать...

Когда я, наконец, с трудом достала тебе инсулин, тебя уже не было... Тебя убили на рассвете. Ваш батальон вместе с бойцами „Авазы“ брал деревню Лабра. Впереди шел парень из „Авазы“, его сожгли огнеметом. И зачем только с вами на операцию отправили новичков. Новички, увидев живой горящий факел, оцепенели от ужаса. На этой местности нельзя было медлить, она была совершенно открытой и враг бы всех уничтожил. Тогда вскочил ты, выбежал вперед и пустил

автоматную очередь в сторону врага. Люди очнулись и устремились вперед. Деревня была взята. А ты остался там изрешеченный пулями. Тебе дали героя – посмертно.

Когда инсулин с моей запиской принесли по месту назначения, тебя уже не было. Твои ребята думали, что ты скрытый наркоман...

Говорят, что в цинковом гробу, который стоял в нашем доме, было твое тело. Не знаю, я не верю. Знаешь, ты и нашего ребенка забрал туда с собой... А я так хотела тебя обрадовать...

Говорят, что смерть помолодела. Не знаю, я никогда ее себе не представляла. Я только знаю, что смерть – это война, страшная, гложущая, изводящая душу тоска и какая-то безумная надежда хоть еще раз в жизни увидеть наяву и услышать любимого и дорогого тебе человека...

ЗНАМЕНИЕ

Телефонный трезвон и журналистов он ненавидел больше всего на свете. Где-то в глубине души он знал, что эта ненависть произрастает из какого-то подсознательного мохнатого ужаса, затаившегося в недрах его нутра.

Он не выносил долгих, длинных звонков еще с тех пор, когда так неожиданно погиб его единственный и, как оказалось, на всю жизнь, друг. Всю ночь ему звонили, чтобы сообщить об этом, а он, ничего не подозревающий, не брал трубку, думая, что это либо кто-то из подвыпивших приятелей, не может уснуть и хочет поплакаться ему в жилетку, либо кто-то хочет позвать его на очередное ночное пиршество.

Наконец кто-то сообразил нагрнуть с известием к нему домой. Он до сих пор не может простить себя, как он не почувствовал всей ледящей тревоги тех ночных звонков, которые преследуют его ночными кошмарами, и, проснувшись, он долго не может сообразить, эти звонки – сон или явь. В смерть друга он долго не мог и не хотел верить, не мог находиться возле его гроба, не мог поверить, что буквально вчера этот молодой, жизнерадостный красивый человек подбивал его махнуть на недельку на море, чтобы хоть чуть-

чуть отойти от городской изнуряющей августовской жары и какой-то нелетней политической суеты.

Со смертью он познакомился рано. Ему было пять лет, когда повесился отец, которого он почему-то совсем не помнит. Наверное, потому человек, приходящий к нему по ночам и называющий себя отцом, никогда не показывает ему своего лица и на все просьбы сына отвечает, что еще не время. Зато он четко запомнил, как его, весело играющего у соседей с другими детьми, вдруг почему-то поволокли к длинному ящику, в котором лежал чужой синий холодный человек, накрытый белым, и потребовали, чтобы он попрощался с отцом. Никакая сила в мире не смогла бы его приблизить к этому странному ящику и он закатил такую истерику, что ослабевшая у гроба мать, от его душераздирающего, обреченного вопля, упала в обморок. Мать убивалась недолго, и довольно скоро в их доме появилась замена – пузан с толстой золотой цепью на волосатой груди и болтающимися чуть ли не на брюхе массивным крестом, тоже, конечно же, золотым. И только тогда, своей неокрепшей детской душой, он осознал, что смерть – это самое страшное предательство, что своей смертью отец предал его и, наверное, мать, что смертью отца мать предала их обоих – отца и сына, и это он, сын, предал отца потому, что не захотел с ним тогда попрощаться и терпел в его доме материнского хахаля. Потом его предал своим уходом друг, и он понимал, что он опять совершает предательство, никак не желая находиться рядом с ним в последние дни его пребывания на этой земле. Даже утром, в день его похорон, он вспомнил, что ему непременно нужно быть на работе для встречи с клиентом, которому назначил встречу почти месяц назад. Рядом с их адвокатской конторой располагался корпункт то ли „Свободы“, то ли „Голоса Америки“, но журналисты оттуда переехали, видимо, подыскав офис посolidнее, нежели этот в аварийном здании, где сотрудники и посетители с каждым хлопаньем двери со страхом ждали удара кирпичом по голове, в лучшем случае, изрядного шматка штукатурки, так обильно откалывающейся от обветшалого потолка и стен.

С клиентом он разговаривал в коридоре, не желая, чтобы сотрудники были в курсе всех его дел. Он был скрытным по

своей природе и не любил, когда у окружающих возникало много вопросов по отношению к нему. О себе он особо не распространялся, но обладал удивительным даром выслушивать и поддерживать впавших в отчаяние людей. И за это ему завидовали. Клиент что-то ему горячо доказывал, он никак не мог вникнуть в суть, охваченный каким-то непонятным беспокойством. Вдруг он обнаружил причину своего беспокойства. В опустевшем корпункте требовательно звонил телефон. Он пытался отмахнуться от этого звука, но тщетно. Заметив его отрешенность, клиент удивленно-обиженно умолк. Ему показалось, что он начинает сходить с ума, что этот звонок слышится только ему. „Сколько можно звонить, неужели непонятно, что никого нет!“ – раздраженно пробормотал клиент. Настойчивый трезвон постепенно перешел в зловещий, леденящий душу. На мгновение ему показалось, что это – message с того света.

Говорить о деле стало бессмысленно. Звонки словно напоминали о том, что его другу всего пару часов осталось на этой земле и его место не здесь, в этом обшарпанном коридоре за пустой, в общем-то, беседой, а там, у гроба, среди провожающих в последний путь друзей и близких. Он торопливо закруглил беседу, еще раз перенес встречу и спешно покинул это ставшее вдруг зловещим здание, под этот непрерывный звон.

Подчиненные знали о его нелюбви к телефонным звонкам. Многочисленные телефоны в его кабинете были поставлены на самый низкий звук. В кабинетах сотрудники старались как можно скорее хватать телефонную трубку, чтобы не дай Бог шеф не услышал долгого звонка.

Никто из подчиненных не осмеливался входить к нему в кабинет с включенным мобильным телефоном, те же, кто не усваивал этих элементарных требований, надолго не задерживался в его вотчине будь он хоть семи пядей во лбу. Зато тот, кто выдерживал этот экзамен, обеспечивался потом блестящей карьерой. У него была настоящая кузница кадров, с каждым годом его подопечные завоевывали все более высокие вершины власти. Он же сам пока ничего не хотел для себя, в

глубине души зная, что самая безраздельная власть сосредоточена в его руках.

Друзей у него не было. Когда ему нужно было посоветоваться, он мысленно разговаривал с тем, единственным находящимся вне пределов земного досягания, потом во сне он обсуждал все, что его беспокоило. Порой он путался между явью и сном, но советам друга почти всегда следовал и почти никогда не проигрывал за очень редкими исключениями да и то, из-за собственной непоследовательности. Этого он никому никогда не рассказывал, даже жене, с которой духовно был довольно близок.

Он был сильный, всемогущий и его побаивалась даже вездесущая пресса. Он был, пожалуй, одним из немногих, кого пресса не доставала. Пресса добралась уже до Первого, придумывала ему разные клички, приписывала всякое, в том числе и небылицы. А ему не смела. Пока не смела. Журналистов он ненавидел. Была у него одна журналисточка. До сих пор он не может простить себе той слабости. Не может простить себе того, что кто-то узнал его так близко, как, пожалуй, не знали его мать и жена. Не послушался он тогда своего друга, который знал всех этих женщин как облупленных. Он явился к нему в каком-то прозрачном тумане, сожалеюще предупредил „Не ошибись!“ и растворился. Он проснулся с обидой в душе на друга, который, наверное, не захотел понять его любви. Ему не хотелось расставаться с тем, что было елеем для его очерстневшей души. Но этот сон все же посеял в нем смутное беспокойство, от которого невозможно было отмахнуться. Спустя некоторое время он решил проверить себя, а заодно и сон. В сейфе лежала информация, которую он, посоветовавшись с Первым, решил спустить. Документ под грифом „секретно“ лежал на столе на видном месте, когда она пришла. Он извинился и на несколько минут оставил кабинет. Через пару дней пресса пестрила крикливыми заголовками. Он прекратил с ней всяческие отношения, хотя где-то в глубине души прекрасно осознавал, что информатором могла быть и не она. Документ весь день пролежал на видном месте и информацию мог бы украсть и кто-нибудь другой. Она ничего не понимала, звонила. Он, зафиксировав ее номер, не отвечал. Эти молящие,

требовательные звонки доводили его до иступления. Несчастливая не знала, что своим настойчивым звоном только пробудила и разожгла в нем ненависть, которая перешла затем в ненависть ко всей журналистской братии.

Он знал все обо всех. Вся информация стекалась к нему, а потом уже к Первому. Он знал, что в этом заключается его сила – все обо всех и ничего, почти ничего – о себе. Порой ему казалось, что он сильнее Первого, по крайней мере, видел его несколько раз в минуты растерянности, когда на улицах города проводились многотысячные митинги доведенных нищетой до отчаяния людей. Он, по крайней мере, догадывался о слабых точках Первого. О его же слабостях не знал, как он думал, никто, кроме друга, которого уже давно не было на этой земле. Ни одна душа на этой земле не могла знать, что он на самом деле испытывает по тому или иному поводу.

У него был редкий дар и дар этот был дан ему свыше. В принципе, ему более ничего не было надо, у него было все. Единственное, чего он хотел, так это полной независимости своей родины, хотя прекрасно понимал, что на данном этапе это невозможно. Это – слишком маленькая страна, занимающая, увы, слишком лакомое место. В его ведомстве была задействована мощная пропагандистская кухня, согласно которой страна должна была следовать своим особым курсом, сохраняя со всеми дружественные, добрососедские отношения. Он был очень умен для того, чтобы не понимать, Россия не позволит ущемления своих интересов, даже в угоду самых высоких идеалов ею декларируемых.

Не восторгала его и дружественное отношение Америки, хотя бы и потому, что Америка была слишком далеко, и начини Россия свою агрессию, опять будет страдать его маленькая страна и ее без того измученный народ. Но он прекрасно понимал, что раздираемая вдобавок внутренними противоречиями страна не сможет долго находиться в подвешенном состоянии. Из двух зол нужно было выбрать меньшее.

Пожалуй, только сейчас он проникся искренним сочувствием к Первому, простив ему все слабости, так как выбирать прежде всего должен был он. Но как ни странно,

мощные механизмы давления направили почему-то на него. Какие-то люди звонили, настойчиво добивались встречи, убеждали, угрожать пока не смели. Пока. Выслушивал всех с непроницаемым лицом. В Москве не церемонясь раскрыли перед ним все карты. Дворцовый переворот обойдется почти без жертв, тем более, что на всех ключевых постах сидели его люди. Ему же как „освободителю“ своего народа сулили первенство и памятник при жизни от благодарных соотечественников. Дали на раздумье небольшой срок. Время не ждало.

Благодаря чьим-то усилиям, пресса стала подбираться к нему. В одно утро жена положила перед ним газету, кем-то подброшенную прямо к дверям. Кровь прихлынула к голове. Какой-то Дата Тетраули со смаком описывал его любовные похождения. Разумеется, в статье не было ни одного слова правды, поскольку никто не знал их отношений, кроме ее имени. Он равнодушно-непроницаемо бросил мечущейся в истерике жене „Не верь!“ и громко хлопнул дверью. Ненависть к той, так растрезвонившей об их отношениях вспыхнула с новой силой. Он пока не знал, какую расправу над ней учинить. Первым делом, начал наводить о ней справки и ненависть вытеснила запрятанная все эти годы колючая ревность и боль утраты. Выяснилось, что уже два года, как она вышла замуж в Италию... Теперь, что ни день появлялись новые „компрометирующие“ его материалы. Он ни с кем не мог поделиться своей болью. Даже друг больше не хотел приходить в его сны. Жена, довольная тем, что и та первая статья оказалась таким же компроматом, совершенно не замечала его состояния. Кажется, только сейчас он наконец-то осознал, что совершил большую глупость, отрекшись любя...

Отец наконец-то явил ему свое лицо. Он страшно удивился, обнаружив их поразительное сходство. Газеты откопали историю самоубийства его отца, называя причиной легкое поведение его матери и ерничая по этому поводу. Этого стерпеть он уже был не в силах. Какая-то страшная сила вторглась в его святая святых, сокрушив миф о его неуязвимости.

Поздней ночью в одном из кабинетов самого главного в стране здания раздался сначала длинный телефонный звонок, а

затем слабый выстрел. Почти в это же время в Италии, с разницей в три часа, врачи возвращали к жизни попавшую в катастрофу молодую женщину, бредившую на незнакомом языке...

ТВОЙ

Наконец-то я могу тебя рассмотреть. А ты красивая... Вот ты какая... Женщина, укравшая мое счастье. Я знаю, что когда-то, в другой жизни, он был моим. Его лицо накрыто саваном и поэтому я не отвлекаю своего взгляда от твоего лица, ловлю каждое твое движение, каждый твой жест. Твой голос доставляет мне нечеловеческие муки, и я никак не могу забыть и простить ему тот день, когда я в первый раз позвонила к вам домой и услышала твой голос. К телефону подошла ты и, когда я попросила его, ты без лишних вопросов позвала его каким-то скрипучим голосом, мне было слышно как он спросил „Кто?“, ты безразлично ответила: „Какая-то женщина“. Услышав мой голос, он заговорил со мной недовольным официально-деловым тоном, обращаясь ко мне на „вы“. С тех пор я больше никогда не звонила к вам домой и до сих пор не простила ему того случая.

Я ловлю каждое твое слово. Слушаю, как он тебя любил, как не мог прожить без тебя ни дня, как отвозил тебя на работу, как встречал с работы, как не отпускал тебя одну никуда, как баловал детей. Ты не врешь. Ведь за все время он ни разу не остался со мной на всю ночь. Я всегда знала, что он тебя любил, хотя не говорил мне этого. Наверное, он любил по-своему и меня, но не в ущерб тебе. Ты не должна была ни о чем догадаться, а со мной можно было не церемониться. Когда я забеременела в первый и последний раз в своей жизни, вместо того, чтобы разделить со мной переполнявшую меня радость, он грубо меня оборвал: „Только этого не хватало! А может ты ошиблась? Сходи на эхоскопию“. Я никогда не могла ему ни в чем отказать и сделала так, как он велел. Когда врач подтвердил, что я беременна, меня захлестнула волна счастья. Увидев мое счастливое лицо, врач сказал: „Это первенец? Может, не надо

будет определять пол“. Я только смогла из себя выдавить: „А на „мини“ я не опоздала?“. Я боялась, что, если мне придется вынашивать плод месяц-два, я просто не в силах буду потом убить нашего ребенка. Я не знала, что потом во мне перевесит любовь к нему или к нашему ребенку...

Ты устала. Устала плакать и причитать. У меня слезы текут беспрерывно и сердце разрывается на тысячи, нет, на мириады мелких жгучих осколков. Я уже замечаю, как ваши родственники с недоумением косятся на незнакомую горько плачущую женщину. Если меня будут тащить отсюда на аркане, я все равно отсюда не уйду. Сегодня наш с ним последний день, и я все равно провожу его в последний путь. О-о, как мне хочется упасть на этот гроб и умереть вместе с ним.

Почему ты ни разу его не поцеловала? Почему не гладишь его волосы? Не зарываешь лицо в его руки? Ты что, брезгуешь? А может, боишься покойников? И все равно, как ты можешь сидеть рядом с ним и не прикасаться к нему? Неужели, ты его не так любила как я? Только один раз у нас был с ним разговор об этом. О-о, как он оскорбился, когда я сказала ему, что сильнее меня его никто не может любить. „Она меня любит не меньше, чем ты“. И тогда я ответила: „Да, она тоже тебя любит, но для нее ты еще и источник благосостояния, благополучия, высокого положения“. Я потом долго не могла простить себе этих слов. Я ведь тогда заметила, как больно ранила его в сердце. Я не знаю, что бы со мной было, если бы ты пластом лежала на его гробу, может быть, я с ума бы сошла от ревности. А теперь я тебя умоляю, поцелуй его хотя бы один единственный раз, но нет, ты почему-то поминутно поправляешь черный платок на голове и картинно ломаешь руки. Мне нужно выйти на улицу, а то я больше этого не вынесу и вместо тебя упаду на этот проклятый гроб. Вот уже и священника привели. Нет, нет, мне надо выйти на улицу.

Я только на несколько шагов отстаю от вашей родни, стараясь не упускать из виду его головы. Как я любила ласкать его за волосы, наверное, у меня это получалось потому, что в такие минуты он напоминал мне ласкового, пушистого котенка. Ты что-то хрипло-истерически выкрикиваешь. Твой голос доставляет мне неземные муки. Вокруг тебя какое-то волнение:

„Валерьянки! Валерьянки!“ Ты что, потеряла сознание? Нет. Кажется, это его невестка.

На кладбище я стою чуть поодаль от могилы. Я боюсь подойти ближе. Я почти наяву вижу как прыгну за ним в его могилу. Душераздирающие хриплые выкрики, истерические рыдания родни. Что такое? Ты уже уходишь? Ах, да. Женщины не должны смотреть, как зарывают гроб. До меня доносится звук ссыпаемой в его могилу земли. Я делаю над собой нечеловеческое усилие и делаю вид, что ухожу вместе со всеми, потом незаметно иду по чьим-то могилам в глубь кладбища. Мне ничуть не страшно. Мне нельзя сейчас уходить, я должна остаться здесь. Должна дожидаться ухода всех и упасть на еще не остывшую могилу моей горькой несчастной любви. Я всегда знала, что в этой жизни он мне никогда не принадлежал. Ни живой, ни вот теперь, мертвый. Он твой...

МАЛЕНЬКАЯ МИЛАЯ ДЕВОЧКА...

Я одеваюсь, стараясь не смотреть в ту сторону и не слышать как он кряхтя прыгает на одной ноге, просовывая другую в штанину. Сейчас он, застегивая короткими, пухлыми, как сосиски, пальцами сорочку на бледном дряблом брюхе, похозяйски подойдет ко мне и мокро поцелует в губы, пустив какую-то омерзительную кисло-горькую слюну. Я вся напрягаюсь, хотя пора уже привыкнуть к этой сцене повторяющейся как минимум два раза в месяц. Я каждый раз мило улыбаюсь ему навстречу и страстно подставляю губы, внутренне содрогаясь от отвращения. Эта последняя сцена мне всегда удается труднее всего, но он никогда не чувствует моего гадкого состояния. Я прекрасная актриса и довольно хорошо умею скрывать свои истинные чувства. Что-что, а этому искусству в институте нас обучили классно. Повязав галстук и натянув пиджак, он принимает неприступное номенклатурное выражение, что означает „свидание окончено“. Ну и слава Богу! Как будто это не он каких-то девять минут назад похрюкивал от удовольствия и пускал омерзительную слюну. Во всей нашей

„любви“ у меня только два возбуждающих фактора – его почти безграничная власть и его деньги, которые всегда бывают кстати.

Кстати же надо сказать, что если бы год-два назад кто-то предсказал мне подобную жизнь, я бы наверное проломила ему голову. Нет, не потому, что я когда-либо была пуританкой или не достаивалась благосклонного внимания мужчин, или осуждала женщин, способных на подобное... Я просто верила в любовь. Я просто знала, что без любви ни с одним мужчиной мира не будет счастья. Может и потому, через каких-то два года после замужества я бросила мужа, который готов был носить меня на руках, который обожал меня и который так и не смог до сих пор понять мой уход. А я искала своей любви и до последнего верила, что она меня не обойдет. Я с самого детства, еще с тех пор, когда все меня звали „маленькой“ милой девочкой; а я, упиваясь собственной неотразимостью, кокетливо сверкала огромными глазницами и заставляла маму в день по несколько раз завязывать мне разноцветные банты то в форме розочек, то в форме бабочки; любила, что меня любили и всегда ждала своей любви.

После развода с мужем претендентов на мое сердце было хоть отбавляй. Но я ждала своей любви и мало обращала внимания на своих воздыхателей. Наконец-то и меня осияла великая любовь. Я была самой счастливой женщиной на всей планете, творила такие безрассудства, о которых даже сейчас больно вспоминать. А потом он женился. Женился на другой и зачем-то потом валялся у меня в ногах... Меня же все еще не покидала надежда, что моя настоящая любовь меня еще найдет. Он был женат и старше меня на шестнадцать лет, но я не видела в этом преграды и любила, любила его так, как не способна на это ни одна женщина во всей вселенной. А потом он ушел от своей больной жены и женился на своей молодой любовнице, которая, оказывается, у него была параллельно со мной...

С тех пор я больше не жду и не ищу большой любви. Я вдруг поняла, что ее нет на этой земле. Во всяком случае, нет для меня. И чего ради испытывать душевные муки, непременно сопутствующие даже некоему подобию любви, когда можно испытывать всякого рода наслаждения от отношений, которые,

по крупному счету, ни к чему не обязывают... Самое же большое наслаждение доставляет мысль о том, что ты сама сможешь уйти, когда тебе заблагорассудится, и никто, больше никто на свете не сможет причинить тебе той безысходной боли, которая лишает тебя потребности жить. Я сильная женщина и жизнь научила меня брать от нее все, что мне нравится и нужно. Теперь я настоящая женщина, а не некое существо, парящее где-то в небесах и отпугивающее мужчин. Теперь я уже знаю, что мужчины предпочитают женщин примитивных, по своему подобию. И я играю, строю из себя простушку и становлюсь доступнее для них. А мне это надо, мне уже за тридцать и я должна наверстать все, через год-два на меня никто не будет обращать внимания, а басни вроде той, что в сорок пять баба ягодка опять, рассчитаны на дурочек...

Я уже с нетерпением жду его последних приготовлений и вызова водителя, который должен доставить меня домой. Мне главное сейчас услышать, во сколько водитель должен заехать за ним: „В половине одиннадцатого будь внизу!“ – отрывисто бросает он и величественным кивком дает мне понять, что свидание окончено. Прекрасно, значит, в моем распоряжении целых три с половиной часа потрясающего секса с крепким парнем с одурманивающим запахом молодого самца, лишённого всяких маний и, соответственно, комплексов. От одной только мысли о его водителе меня охватывает сладкая истома и твердеют соски. Я благосклонно принимаю доллары из его вечно потных рук и, многообещающе улыбаясь, покидаю высокий кабинет, чтобы тотчас же броситься в объятия водителя хозяина этого кабинета, всласть потратить сегодня же его доллары и стать опять маленькой, но уже противной девочкой...

КОМ

*„Где-то там в стороне
Говорят о войне...“
(Из песни)*

А началось все опять третьего января. Тот парень в полутемной комнате, едва освещаемой единственной оплывшей свечой, пел песни из твоего „репертуара“. Подвыпившая „публика“ требовала от него чего-нибудь легкого, беззаботного, а он, казалось, не слыша их, пел, пел о войне. Тот парень, как и ты, воевал. До этого дня я была почти уверена, что ты давно уже отошел в мое прошлое, к которому я никогда не возвращаюсь. Но то ли лицо того парня, то ли песня из твоего „репертуара“ безжалостно опять толкнули меня к тебе. Ведь у вас у всех одинаковые лица. Лица интеллектуальных мальчиков, вернувшихся с войны...

Я никогда, наверное, не смогу себе объяснить, что же это было? Любовь, страсть, жалость? Не знаю... Знаю только одно, что я никогда так безоглядно не окуналась в водоворот. Воспитанная в несколько строгом духе, я не сомневалась, что для того, чтобы убедиться в любви, нужны чуть ли не годы. И уважающая себя девушка не должна вешаться на шею первому встречному. Эта формула была чуть ли не моим жизненным кредо. И так или иначе до встречи с тобой я жила именно так.

Я никогда не любила незнакомых кампаний, мне казалось, что в таких сборищах я теряю свою индивидуальность, кажусь серой, незаметной, косноязычной. Поэтому, чтобы избавиться себя от лишних, отрицательных эмоций, я всячески этого избегала.

С Сашкой мы не виделись около года. Он был в Англии. Когда он зашел ко мне на работу, я чуть не свихнулась от радости. В машине у него сидела какая-то экстравагантная девица. Сашка познакомил нас, сказав, что это его близкая подруга и добавил, она нам с ним ничуть не мешает. Девица бросила на него быстрый, удивленный взгляд. Тогда Сашка решил ей пояснить: „Она у нас со странностями“. По дороге он вдруг вспомнил, что ему надо заехать за ключами.

– Мы так давно не виделись и нам о стольком нужно

поговорить, что я сейчас не вынесу ни ресторанной обстановки, ни семейной.

– А ключи где?

– У моего школьного друга, – бросил он и скрылся в здании банка.

Застрял он там надолго. Мы с девицей, имени которой я не разобрала, а переспрашивать было неудобно, переговорили уже обо всех тряпках и „звездах“. Меня уже охватила скука.

– Что он там, новые ключи кует что ли? – как-то невпопад брякнула я. Девица снисходительно посмотрела на меня и закурила очередную, наверное уже пятую по счету сигарету.

Пришел Сашка со стройным парнем в очках, который в это августовское пекло был почему-то при пиджаке и галстукке. „Тоже мне, банковский служащий!“ – иронично подумала я и холодно процедила свое имя, когда Сашка церемонно представил нас друг другу.

В дороге мужчины говорили о делах, ничуть не обращая на нас внимания, а я нетерпеливо ждала, когда же мы наконец высадим этого очкарика. Но как выяснилось, Сашка и не собирался его высаживать и ключи принадлежали именно ему.

Благодаря Сашкиной бесцеремонности я должна была очутиться в незнакомой компании и, как нетрудно себе представить, была далеко не в восторге. Я подумала было сойти около своего дома, но Сашка метнул в меня такой свирепый взгляд, что я больше и не заикалась. Просто мы очень давно не виделись и не хотелось его обижать. Накупив всякой всячины, Сашка бросил мне блок „Стиморола“.

– На, жуй и молчи.

„Стиморол“ я до этого не пробовала. Мне почему-то казалось, что он не сладкий и я избегала его покупать.

– Ой, сладкая, да при том еще моя любимая мятная, – для чего-то оповестила я всех. – А почему тогда рекламируют, что „Стиморол“ без сахара и не разрушает зубы.

Очкарик с улыбкой посмотрел на меня.

– Изготовлена на сахарине, только и всего.

Когда мы уже подъезжали к дому, парень стал извиняться за беспорядок в квартире, оправдываясь, что его

несколько дней не было в городе. Первое, что меня поразило, идеальный порядок, царивший в этой по существу закрытой квартире. Только на кухне в мойке лежало несколько кофейных чашек и бокалов. Девица сразу же взяла бразды правления в свои руки, предоставив мне тихонько примоститься в кресле. Сашка был явно в нее влюблен, он оставил меня наедине с хозяином и отправился на кухню ей помогать. Парень застенчиво улыбнулся мне и спросил:

– Можно я поставлю Виктора Цоя?

– Ради Бога, – пожалала я плечами.

– Вам нравится Цой?

– Не знаю. Он почему-то меня пугает.

– Раз пугает, значит, как-то на вас действует. А некоторых он просто раздражает.

Девица оказалась слишком активной и после нескольких бокалов не могла усидеть на месте, поминутно утаскивая Сашку танцевать. Танцевать я не собиралась и мы сидели и говорили. С легкого трепа мы перешли на серьезную тему и, честно говоря, я уже ничуть не жалела, что попала сюда.

Наконец Сашка утомился. Он решительно выключил магнитофон, вышел в соседнюю комнату и вернулся с гитарой. Парень запел. От его голоса у меня почему-то обмерло сердце. Мои друзья почти все поют и поют недурно. Но такого пения я, пожалуй, не слышала. Я не могла отвести глаз от его лица, он пел и с ним что-то происходило. Я почти была уверена, что сейчас он не здесь, не с нами и не скоро еще вернется. Он пел о войне. Я никогда не слышала этих песен и почему-то думала, что у нас их и не сочиняют. Ни по радио, ни по телевидению за все время войны таких песен, видимо из каких-то соображений, не передавали. Слезы градом текли у меня по лицу и я ничего не могла с собой поделаться. Гитара умолкла. Мы все сидели не двигаясь, не смея произнести ни слова. Парень с легким стуком осторожно отложил гитару и виновато-застенчиво улыбнулся:

– Испортил всем настроение?

– Нет, что ты, – в один голос воскликнули мы.

На следующий же день он мне позвонил...

Я и сейчас не знаю, сколько же времени это длилось. Я знала и боялась только одного, что ни одно земное существо

попросту недостойно такого счастья, но если оно все же будет дано тебе свыше, то это будет кратковременным мигом. Мы никогда не встречались в людных местах, мы всегда были одни и упивались каждой минутой нашей близости. Я даже и сейчас не могу припомнить, мы с тобой говорили или же читали мысли в глазах друг у друга. Я не могла долго без тебя обходиться, считала часы, прошедшие после нашей встречи, и минуты приближающие встречу. Я почти бредила мигом, когда ты возникал в дверях после моего звонка, и я моментально повисала у тебя на шее, вдыхая только твой неповторимый запах, а ты со счастливым смехом пытался закрыть за мной дверь. Все время, которое я была без тебя, меня неотступно преследовали твой запах и твой голос. Ты со смехом отбивался от меня:

– С ума меня свела, я уже начал обнюхивать собственные плечи, чтобы понять, чем я пахну.

Я не буду длинно распространяться о своем счастье, говорят же, что все счастливы одинаково... Не знаю, может быть. Я помню только, что внутри, во мне постоянно радостно звенело и я горела тонким дрожащим пламенем свечи.

Ты ничего не рассказывал мне о войне. О войне ты только мог мне петь. А потом сидел часами неподвижно, уставившись в одну точку, страдальчески морща лицо. Я не знаю, куда ты уносился и никогда, наверное, не узнаю, но я почти явственно ощущала ту черную точку, которая застилала тебе глаза. Я сидела рядом, боясь шелохнуться и всячески подавляла в себе желание уткнуться носом в твою по-мальчишески тонкую, беззащитную шею. В эти минуты ты был комком боли, страдания и безысходности и я до глубины души ненавидела сытых, самодовольных политиков, развязавших эту проклятую войну и втянувших в нее таких, как ты, парней. Ведь подобные тебе мальчики с интеллектуальными лицами меньше всех были пригодны убивать...

И тебя во сне убивали каждую ночь. Каждая ночь вытягивала из тебя душу, изматывала и без того расшатанные нервы. Ты ненавидел и боялся ночи... Я страдала вместе с тобой, но помочь тебе ничем не могла.

Я никогда не прощу себе того дня, когда ты наконец-то решился мне рассказать. Разведка донесла, что деревня броше-

на. Вы вошли в пустую покинутую деревню. Стояла напряженная звенящая тишина. Казалось, весь мир вымер и в какое-то наказание осталось только пятеро, шагавших по обезлюдевшей улице. Вдруг в одном из домов мелькнуло что-то светлое. Натянутые до предела нервы не выдержали и ты пустил автоматную очередь в том направлении. Раздался жуткий душераздирающий детский крик. Не слушая предупредительных окриков, ты бросился туда, не разбирая дороги. На полу лежала девочка лет семи-восьми, прижимая к груди тощего, замызганного, окровавленного котенка. На голове у нее был завязан огромный когда-то белый бант...

Я никогда не прощу себе невольного жеста протеста и укоризненного взгляда, длившихся всего миг. На какой-то миг, вместо сочувствия и поддержки, я отгородилась, заложила между нами стену отчуждения. Несмотря на то, что это были какие-то мгновения, от тебя это не укрылось...

Помнишь, как я в первые дни нашего знакомства попросила тебя не причинять мне боли. Я никогда об этом никого не просила, тем более, казалось, ты менее всех был способным на это. Я до сих пор не могу понять, почему я это попросила. Никогда не забуду твоего торжественно-серьезного лица и голоса:

– Я никогда, никогда не причиню тебе боли.

Но я первой причинила тебе боль и жестоко за это поплатилась.

Что-то сломалось в наших отношениях. Хоть мы по-прежнему встречались, ты уже упрямо отдалялся от меня. Теперь мы уже все чаще оказывались в разных компаниях. Я чувствовала, что ты хотел быть со мной, но моим быть больше не хотел и не мог. Я невольно оттолкнула тебя, как бы подчеркнув свою гуманность и, тем самым, преимущество над тобой. И песен о войне ты мне больше не пел. Когда я об этом просила, ты нетерпеливо отмахивался от меня, наигрывая что-то веселое, бесшабашное.

Тот день остался в моей памяти навсегда, оставив жгучую, саднящую боль. После долгого молчания, ты как ни в чем не бывало позвонил и попросил, чтобы я не опаздывала. Я летела к тебе как на крыльях, почти поверив, что все уже позади и ты мне простил. У тебя были гости. Твой друг и две какие-то

девицы. Я тебя всегда ревновала, ревновала даже к друзьям. И тогда при виде тех непонятных девиц у меня больно кольнуло сердце, но я не подала виду. Такого я тебя не знала. Ты никак не хотел уgomониться, танцуя то с одной, то с другой девицей, упорно меня не замечая. Я собралась было уйти, но твой друг, который не отходил от меня ни на шаг, попросил меня остаться и я смалодушничала. Все-таки надо было тогда уйти...

Когда вечеринка близилась к концу, одна из девиц, закинувши ногу на ногу, капризно вскрикнула:

- Ну и натанцевались, у меня все сапоги оттоптаны.
- Почистить? – неожиданно для всех пьяно вызвался ты.
- Почисть! – неуверенно-кокетливо хихикнула девица.
- Дай ногу!

Девица, все еще не веря в происходящее, картинно протянула ее. И ты начал медленно, с сальной улыбкой стягивать с нее ботфорты.

Я сидела как посторонняя, воспринимая происходящее в черно-белых кадрах. Обалдевшее, напряженное лицо твоего друга. Девица, которая осталась сидеть босиком. Ты, который скрылся в ванной с ее обувью. Как я тогда смогла оставаться такой спокойной? Неужели я тебя разлюбила? Не знаю, но мне стало вдруг все равно. Ты вернулся все с той же сальной улыбкой и натянул на девицу ботфорты.

Уходили мы все вместе. Я поймала твой испытующий взгляд, но мне было уже все равно...

С тех пор я тебя больше не видела и не хотела. Тебя попросту уже не было в моей жизни, ты был уже в прошлом, к которому я никогда не возвращаюсь...

А теперь все опять началось. То ли интеллектуальное лицо того парня, который, как и ты, вернулся с войны, то ли эти песни опять возвратили мне твой запах, оживили во мне твой голос. Опять каждую ночь я хочу, чтобы ты пришел ко мне во сне. Но тебя нигде нет. Всю ночь я ищу тебя, толкаюсь в чьи-то двери, но открывают мне какие-то чужие, незнакомые люди. Я мечусь по каким-то лестницам, ищу тебя, беззвучно зову во весь голос. Бегаю за чьими-то тенями. Но тебя нигде нет.

Где ты?..

СТАРОРОДКА

Голоса доносились откуда-то издалека. Не могла разобрать ни слова, да и не пыталась этого делать. Голоса нарушали какое-то неземное блаженство и тянули туда, куда она в общем-то пока не торопилась. Голоса становились все тревожнее и громче, словно пытаюсь вызвать в ней беспокойство. Беспокойство пришло, когда послышался плач младенца. Вдруг смутно начала осознавать, что непременно нужно отреагировать на этот плач. Сознание начало тяжело проясняться и она как-то отрешенно подумала, что это должно быть плачет ее ребенок, которое она так долго ждала и родила вопреки всем установленным биологическим законам. В ее возрасте женщины почти не рожают. Напряглась, пытаюсь по плачу определить, кто появился на свет, сын или дочь. Трудно, конечно, в это поверить, но она наотрез отказалась заранее определять пол ребенка, считая, что узнает об этом, когда придет час. Беспокойство усилилось, вместе с громовыми, близкими к истерике незнакомыми голосами. Хотелось открыть глаза и посмотреть, отчего эти люди так истерично кричат, но веки, как залитые свинцом, не желали повиноваться. Тревожный плач младенца не затихал, словно пытаюсь вывести мать из состояния невесомости и какой-то отрешенности. И этот зов только что отторгнутой от нее частички победил, но она не смогла даже шевельнуться, чтобы хотя бы взглянуть, кого она родила – мальчика или девочку...

Возраста никогда не скрывала, бесилась, когда ей об этом напоминали из «благих побуждений» близкие и не совсем, чтобы уж очень близкие. Пресекала малейшие разговоры о том, что пора подумать завести ребенка, неважно от кого, но чтобы было кому в старости за ней присмотреть. После своего одного неудачного и недолгого брака уже не утруждала себя понимать женщин, которые высказывали замуж за кого попало, чтобы, как им казалось, «исполнить свою миссию матери и жены на этой земле». Впрочем также не могла понять легких (какими бы трудными они не были) разводов и бесконечных разговоров о том, что это не была любовь, хотя плоды этой «нелюбви», дети, чаще всего были предметом раздоров и спекуляций уже

бывших супругов. И давшие друг другу обет вечной любви перед Богом, считавшие себя когда-то одной половиной, люди бросались на поиски «настоящей» любви. Кажется, знала всегда, что любовь не надо искать, любовь в нас самих и если кто этого не понимает, никогда не найдет того, что ищет. Уверовала в это окончательно, придя по чьему-то совету к священнику, слышшего особо благодатным и мудрым. Внимательно глядя на нее, он спросил: «Замужем?». «Нет...», - сказала она, почему-то не договорив, что раз уже сходила замуж но, на удивление всем, наотрез отказавшись венчаться в церкви. «Ну и Слава Богу!» - выдохнул священник – «Вот, оказывается, почему ты такая светлая и счастливая...». Слова эти поразили до глубины души, ведь шла к нему, в надежде, что священник поможет преодолеть терзавший последнее время смутный страх остаться одной, уйти из этого мира, не оставив после себя своей частицы... Страх после этих слов и правда исчез, но смысл своего «счастья и светлости» очень долго отказывалась понимать. Хотя глядя, на первый взгляд, на благополучных в семье подруг, там и понимать было нечего... По крайней мере не нужно было играть и изображать безумную любовь к мужу, которая у большинства женщин заканчивается чуть ли не вместе с медовым месяцем в шикарном отеле.

Так и жила в этом непонятном для всех, кроме нее и того священника, «свете и счастье», пока вдруг неожиданно не встретила «своего» мужчину... Мужчину, которого искала всю жизнь и в чем не признавалась даже самой себе... Внешне он никак не вписывался в те критерии, которыми наделяла воображаемого избранника. Как ни стыдно признаваться, но он привлек внимание темно-шоколадными замшевыми шузами. Почти такими, от которых у нее чуть не снесло крышу в Праге, но которые так и не смогла себе позволить купить. Никогда не забудет, как долго примеряла это так сладко обхватившее стопу и щиколотки шоколадно-замшевое чудо и с сожалением стягивая с себя обувь не по карману, пожалуй, впервые ощутила себя чуть ли не Золушкой, теряющей судьбу. И потом уже словно в напоминание, буквально через полгода в Тбилиси увидела почти такие же шоколадные шузы, но только на мужской ноге. До этого как-то и не представляла, что у

мужчины может быть такая изящная стопа и даже не подумала, что красивой она могла показаться из-за так понравившихся ей шуз, которые она тогда не осмелилась приобрести.

Лица его не видела. Ее вызвали на встречу в качестве запасного переводчика с немецкого и обратно, и поэтому она села не за стол переговоров, а примостилась за участниками встречи, среди которых и обнаружила «свои» шузы. К тому же второй день подряд изводила мигрень и она с трудом воспринимала происходящее. Помощь переводчика не понадобилась, эти функции почему-то возложил на себя мужчина в «ее» шузах. Такая удача ей еще не выпадала и наполнила благодарностью к мужчине, лица которого не было видно. После заседания подошла к «своему» немцу, который представил их друг другу. Он любезно улыбнулся, скользнув по ней равнодушным взглядом. Вдруг поймала себя на мысли, что хотела бы произвести на него большее впечатление.

Встретились буквально через несколько дней на банкете устроенном в честь этой делегации. Готовилась к банкету тщательно, смутно надеясь на встречу. Ледяным кивком ответила на его приветствие и устроилась на предоставленном ей за столом месте, рядом с немцем. Он сидел прямо напротив. Но, казалось, ее не замечал и даже обращаясь к ее соседу, в упор не видел сидящую рядом с ним даму. И она не больно утруждала себя томными взглядами в его сторону, однако успела заметить в его светло-карих глазах точно такие же как у нее крапинки и необыкновенно красивые кисти рук, от которых все труднее было оторвать взгляд. Поймав себя на этом, решила раньше всех уйти с банкета, со злорадством заметив тень неприкрытого сожаления на его лице.

Она знала только его имя и место работы. Больше ничего. Наверняка он был женат, вряд ли такой на вид успешный мужчина в возрасте, да при том с такой внешностью мог остаться незаарканенным, а то что у него на руке не было обручального кольца ровным счетом ни о чем не говорило, многие современные мужчины ношению обручального кольца не придают сакрального значения. Справок о нем наводить не собиралась, но сам факт, что ее, вопреки всем ее принципам, зацепил совершенно незнакомый мужчина (если не считать,

конечно же, шоколадных шуз), немного напрягал.

Жизнь закрутила в повседневных проблемах и уже было не до воспоминаний о мужчине в «ее» шузах. И конечно же, никогда бы больше не вспомнила, если бы почти через год после той встречи, близкая подруга, уже лет семь-восемь, мотавшаяся по заграницам не решила наконец-то опять пожить в Тбилиси. Бежала она к подруге как на праздник. С самого детства обожала она этот дом и двор и все эти годы ей очень не хватало всего этого. Красивого, аристократического лица Цисаны, матери подруги, ее всяких изысканных деликатесов и безобидных светских сплетен, которые только она умела так блестяще преподносить. Цисана не смогла оставаться одна в огромной квартире и укатила в заморские страны вместе с дочерью и внучками. Не переводя дыхания, совсем как в детстве, она одним духом взлетела на четвертый этаж добротного сталинского дома и попала в радостные объятия ничуть не изменившейся за эти годы Цисаны.

- Кетеван выскочила ненадолго, так что нам никто не помешает посплетничать! – ворковала Цисана, чуть ли не одновременно помешивая кофе, заглядывая в духовку и нарезая потрясающей красоты и духа пирог. – Опять куришь? В твоём возрасте я бы уже перестала этим баловаться, а то сморщишься так, что никакая пластика не поможет!

- Да ладно, Цисана! Меняй репертуар, а то и в двадцать слышала от тебя этот же текст, только с той разницей, если «пластику» поменять на «не сможешь родить»!

- Ну и скажи, что была не права!

- Ты прекрасно знаешь, что это не так. От того козла не только я, но и четвертая по счету жена не смогла родить. А мне с того развода, просто рожать не от кого.

- Не понимаю... Никогда не смогу тебя понять. Симпатичная, умная, современная баба, а размышляешь как в средневековье какое-то. В жизни бы не представила, что у тебя могли возникнуть такие проблемы... Кого угодно, только не тебя, столько мужиков за тобой все время волочилось, а тебе видите ли переспать не с кем, чтобы хотя бы ребенка для себя же дуры завести!

- Запомни, Цисана, это не проблемы, а моя жизненно-

нравственная позиция. И вообще, давай закроем эту тему, если хочешь со мной пообщаться! А то ведь знаешь, мы с Кето и в другом месте сможем потусоваться!

- Все! Молчу-молчу...

Цисана хлопотала, накрывая на стол бегая из кухни в гостиную и обратно, не забывая по дороге ласково потереться головой.

- У вас что много гостей намечается?

- Достаточно. Представляешь, нашего Левана одноклассник купил прямо над нами квартиру.

- Как над вами? Над вами же крыша!

- Так вот, к твоему сведению, над нами уже давно пентхауз!

- Да что ты?! Ну Цисана, ты даешь! Надо же! Даже одноклассников своего любимого зятя знает. Одноклассников Левана мы с Кето, кажется, не знаем, а ты откуда их надыбала?!

- Леван в Лондоне познакомил. Он в гостях у нас там был.

- А, понятно! В гостях у вас в Лондоне жил!

- Представь себе, это тот редкий случай, когда он приходил к нам в гости в Лондоне, чтобы пригласить нас всех в дорожный ресторан.

- Не знала, что у Левана могли быть такие одноклассники. Приятно удивлена.

- И кстати, неженатый...

- Цисана, мы кажется, договорились?..

- Молчу-молчу.

Одноклассником Левана оказался мужчина «в ее шузах». Странно, но это ее совершенно не удивило. Восприняла она это как нечто обычное... Но вот только он опять словно ее не замечал. Разве что, в первый момент встречи его взгляд ликующе вспыхнул, впрочем, это могло ей показаться, если учесть то, что он ничем не выказывал особого к ней внимания, абсолютно одинаково распределяя его ко всем присутствующим гостям. Она, наплевав на все свои принципы, пыталась хотя бы раз перехватить его взгляд, но напрасно, он все время смотрел мимо нее. Это больно задевало и угнетало. В ней как будто что-то погасло и она вяло реагировала на тосты и разговоры за столом. Несколько раз ловила на себе недоумевающий взгляд Цисаны,

которая никак не могла взять в толк ее столь непонятную смену настроения. Зато она в этот вечер нашла объяснение красоты его рук, его виртуозная игра на рояле покорила всех гостей. Не зная она места его работы, ни на минуту бы не засомневалась, что перед ней профессиональный музыкант с многолетним стажем. На сей раз он откланялся раньше всех, сославшись на то, что в шесть утра должен быть в аэропорту. Ушел, даже не оставив хоть самого слабого повода для надежды.

С детства любила бывать в этом доме, а теперь буквально не могла прожить и дня, чтобы не наведаться сюда, в надежде его увидеть. Все было настолько естественно, что даже проницательная Цисана ни о чем не догадывалась. Пару раз Цисана заикнулась, а не подумать ли ей завязать отношения с их новым соседом Шио, но получив ответ, что мужчины с такими старинными именами априори ее не интересуют, оставила ее в покое.

Время шло, изматывая от охватившей непрощенной любви. Страстно молила Бога, чтобы это наваждение поскорее прошло. Короткие, мимолетные встречи во дворе во время парковки машины, пару раз у лифта, когда «по закону подлости» выходила как раз тогда, когда он входил. Один раз встретила с молодой, лет до двадцати пяти, нагловатой на вид, крашеной под блондинку девицей. Тогда земля чуть не ушла из-под ног в прямом смысле слова. С ужасом понимала, что, как одержимая ищет с ним бесплодных встреч и ничего не могла с собой поделать... Довольствовалась этими ничего не значащими мимолетными встречами и казалось, больше по жизни ей ничего не было нужно. Соседи поговаривали, что он не прочь поволочиться за юбкой, но, похоже, слишком разборчив и девиц водит исключительно молодых и сногшибательных. Информация была неутешительной, сногшибательной внешностью она никогда не отличалась и тем более не могла похвастаться молодостью, хотя все время ощущала себя на двадцать семь лет. Ни больше и не меньше, насколько она помнила, в юности, когда совсем девчонки, почему-то (за редким исключением) пытаются сбивать себе года, при этом изо всех сил стараясь корчить из себя взрослую, она и правда всегда ощущала себя старше своего возраста, но тогда она не могла знать, что ровно на двадцать семь. Иногда казалось, что это какая-то навязчивая

мысль, но услышав однажды интервью своей любимой поэтессы в более чем преклонном возрасте, которая со всей серьезностью рассказывала, что ощущает себя (тоже почему-то именно) на двадцать семь и объяснила почему, успокоилась, значит не одна такая и перестала задаваться этим вопросом...

Но началась другая крайность: она панически стала бояться надвигающейся старости. Это, в первую очередь, стало проявляться в боязни прекращения менструального цикла, как ей думалось в этом неумолимом предвестнике наступающей старости. Тревожно прислушивалась к своему организму и незначительные задержки на пару дней, вызывали состояние глубочайшего стресса и нежелания общаться с кем-либо вообще. Знала, что глупо из-за этих пустяков доводить себя до такого состояния, что вечного рецепта молодости человечество не заслужило и тем не менее ничего не могла с собой поделать...

Временами, когда было совсем не вмоготу, безудержно хотелось броситься к нему на шею и рассказать о своей поздней непрощенной любви. Но внутренний голос, не покидающий ее ни на миг подсказывал, как будет выглядеть в его глазах: стареющая женщина пытающаяся во чтобы то ни стало вскочить на подножку последнего вагона уходящего поезда. И как будто в подтверждение этого, совершенно случайно наткнулась на бездарную, на ее взгляд, передачу «Что хочет женщина?» Вот только о том, «что хочет женщина» рассуждали почему-то в основном мужчины и в числе гостей студии находился и он. Что-то колюче шевельнулось в глубине души, первое желание было переключиться на другую кнопку, но внутренний голос, потребовал досмотреть передачу до конца. Гости и гости студии несли полную околесицу, во всяком случае по ее глубокому убеждению по этой теме готового рецепта быть не могло и вести с умным видом беседы на подобные темы казались непозволительной тратой времени, как эфирного, так и приглашенных гостей. Телеведущая больше занятая демонстрацией собственного бюста и длинных ног, нежели собственного профессионализма, кокетливо обратилась к нему. Ждала всего что угодно, но только не того, что «каждая женщина прежде всего хочет быть защищенной (!) и конечно же, для подавляющего большинства женщин эта защищенность выра-

жается в размерах мужского кошелька (!)» Жалеть себя не привыкла, но пожалуй, чуть ли не в первый раз в жизни, стало искренне жаль себя. За то, что так могла ошибиться и навоображать себе о человеке, который эту жизнь мерил размерами кошелька, пусть даже и собственного...

Это было настолько сильное потрясение, что даже не поняла, что произошло. В душе образовалась пустота, которая появляется, в основном, после смерти очень близкого человека и сроки затягивания которой пока еще никто не сумел предсказать... Сколько предстояло ходить с этой страшной пустотой не знала, но одно знала уже наверняка: такого счастья она не искала никогда. Жила по инерции, встреч с ним больше не искала и не знала, как поведет себя, если увидит его. В любимый дом ходить перестала и на настойчивые приглашения Цисаны, отвечала, что безумно занята. Выглядело это вполне естественно и самые близкие люди знали ее привычку иногда исчезать с их горизонта.

Вспомнилось, как обиделась на Кети, которая, кажется в какой-то момент врубилась, что подруга воспылала любовью к однокласснику ее мужа. За ней тогда начал ухаживать один врач, практиковавший в одной из ведущих европейских клиник. Кети очень хотелось, чтобы у них с ним что-то получилось, но все ее усилия ни к чему не приводили. Отговаривалась, как могла. То ее не устраивало, что он разведенный, то его внешний вид оставлял для нее желать лучшего, то еще что-то... Мужик выдался настырный, не желал отступить и атаковал Кети, почувствовав ее влияние на подругу. Кети истратив все свои аргументы в пользу их союза, однажды беспощадно выдала, что «не на того глаз положила, ведь он в полном своем имидже смотрится с молодой, длинноногой моделью!». Договорить ей не дала, но эти слова больно хлестнули по самому сердцу...

Чтобы избавиться от страшной пустоты, старалась все свободное время проводить в храме, но рассказывать о своей боли больше не торопилась. Произошло это как-то само собой в один из дней Великого поста, перед Вербным воскресеньем. Очень хотелось причаститься, но исповедь бы не получилась, скрой она то, что так ее изводило. Ответ священника опять поразил, но дал смутную надежду: «На все воля Божья. Если Он

пожелает, обретешь ... Рядом с тобой должен быть достойный мужчина. Но сможет ли он выдержать исходящий от тебя свет... Так что выбор остается за тобой». В Вербное воскресенье, после причастия ее вдруг неодолимо потянуло в тот дом. В душе наконец-то воцарилось ощущение праздника, усиливающееся приближением Воскресения Христова. Она как на крыльях летела к сокровенному дому, прижимая к груди охапку освященной вербы. У дома стояла карета «Скорой помощи», сердце вдруг тревожно екнуло, не дожидаясь лифта стремительно взлетела по лестнице. Лестничная клетка была пропитана запахами корвалола, которые пугали ее чуть ли не с самого детства и почему-то ассоциировались со смертью. Дверь в квартиру была распахнута настежь, колени подкосились и первая мысль была «Цисана!». Как ненормальная влетела в прихожую и натолкнулась на Цисану, которая с полотенцем и еще чем-то в руке торопилась к выходу: «Ой, Слава Богу, появилась! Пошли быстрее, у Шии сердечный приступ!» Забыв обо всем, она побежала за Цисаной, моля Бога, чтобы с ним ничего не случилось.

Часто пыталась представить, как переступит порог дома, куда он никогда ее не приглашал. Воображала разные ситуации, но только не эту, сопряженную диким страхом и сопровождаемую запахом ненавистного корвалола. Не выпуская из рук освященной вербы и цепляясь за нее, как за спасительную соломинку, не видела ничего вокруг, только его смертельно бледное лицо с закрытыми глазами. Оттолкнула суетящихся вокруг него людей в белых халатах и судорожно дотронулась до взмокшего от холодной испарины лба, едва сдерживая себя, чтобы не прижаться губами к этому до боли родному лицу. Веки дрогнули, он приоткрыл глаза, посмотрел на нее долгим взглядом, пытаясь изобразить на обезображенном от боли лице, ласковую улыбку... Только теперь смогла оглядеться и заметила испуганную девушку, которую видела с ним у лифта. Поймала себя на злорадной мысли, что малолетка ей не соперница да и никогда не могла ею быть...

Почти с первых же минут знакомства, хотя бы за год счастья с ним, готова была отдать всю оставшуюся жизнь. Молилась и горячо обращалась к Богу с просьбой соединить их через небеса и хоть ненадолго испытать с этим человеком

земное женское счастье. И Господь услышал. И исполнил даже то, о чем и просить не решалась...

Она стремительно неслась к манящему искрящемуся голубыми лучами спасительному свету, который при большем сближении вдруг стал беспощадно обжигающим и отталкивающим ее назад. Попыталась еще раз войти в спасительную голубоватую сень, но ослепительный, горячий огонь неумолимо заставил отступить. Сначала увидела просторное помещение, одинокий малюсенький комочек, много людей в белых халатах, толпящихся около нее, и его, в отчаянии склонившегося над ее телом. Затем расслышала слабый плач новорожденного и надрывистый раненый крик самого родного на земле человека...

ЗАНАВЕС

И тогда, – сострадательным покрывалом
Долу, знаменем прошумя.
Нету тайны у занавеса – от зала
(Зала – жизнь, занавес – я).

М. Цветаева

С утра по окну гулко барабанил дождь. Вставать не хотелось. Какое-то неотвязчивое состояние подавленности преследовало все это последнее время. Тешилась, что это от переутомления, перегруженности, не желая признаваться себе, что дело не только в этом.

„Сегодня суббота. И дождь... И вставать неохота... Суббота. И наконец-то можно будет прочесть кипу накопившихся журналов. Дверь никому не открою. Устала от людей. Могу же я куда-нибудь „уехать“. Позвоню маме, чтобы она не вздумала нагрянуть с уборкой и стиркой. Скажу ей, что уезжаю загород. Телефон надо будет отключить“.

Сладко потянулась в постели, лениво взглянула на часы и подскочила, как ужаленная. Стрелки часов показывали половину первого. Ощувив приступ голода, поставила чайник на плиту и, чтобы не терять время, влетела в ванную. Если почему-то не удавалось принять утром душ, она целый день находилась

в сомнамбулическом состоянии и никакой кофе, ни в каком количестве не мог ее взбодрить. Пока она была в ванной, в комнате трезвонил телефон. „Господи, наверное, мама атакует, только бы не вздумала прийти прямо сейчас, надо ей позвонить...“ Накинув на себя полотенце, она устремилась к телефону, оставляя мокрые следы на паркете. Но словно опережая ее, опять раздался звонок „Ну, что за женщина! Видимо, втемяшилась ей в голову уборка! Начнет сейчас выяснять про мастику, мыло, порошок, продукты. Примется за нотации, что в мои годы пора бы уже стать и похозяйственной...“

– Ты куда пропала? – раздался мужской голос.

– Куда вы звоните?

– В квартиру Накашидзе! Ну и дела, уже не узнают...

– Ой, Тенго, ты откуда? Привет!

– То-то же! Привет, старуха! Как дела? Мы тут решили собраться. Не все, конечно. Честно говоря, всех даже не обзванивали. Не десятилетие же празднуем сегодня. Короче, собирается наша компашка. Мы хотели зайти в ресторан для „переговоров“, но потом решили завалить к тебе, как в старые добрые времена.

– Вы что, прямо сейчас?! У меня же ничего нет! Мне на рынок надо сбегать! Тенгуля, давая перенесем мероприятие на завтра, а?

– Через два часа мы будем у тебя. На рынке мы уже побывали. Каха должен подъехать с вином и мы сразу к тебе. Ты лучше марафет наведи, старуха, а то однокурсники не узнают! Ну, пока!

Тенго, всеобщий любимчик Тенгуля. Первый заводила и задира. В школе, в институте все дружно завидовали его друзьям. Еще бы! Его неумеренной энергии надо было куда-то выплескиваться и он ни минуты не сидел в бездействии. Благодаря этой энергии они исколесили всю Грузию, облазали каждый ее уголок. Он устраивал небольшие „турне“ по Союзу, удачно подбирая времена года для тех или иных поездок. Во время экзаменов, после очередного похода в публичку, устраивал „мини экзамен на дому“. Рядом с ним невозможно было унывать, грустить, падать духом. Казалось, эта беспечная

жизнь будет длиться вечно, не задумываясь над тем, что, к сожалению, человек не всегда может себе принадлежать и что многое в жизни зависит от случая. Один из случаев и отделил ее от близких друзей. И осталась бы, наверное, совсем без друзей, вовсе не потому, что была к ним равнодушна, а из-за непонятной ей самой душевной лени. К счастью, они звонили, навещали, порой раздражая своей назойливостью, готовые всегда прийти на помощь.

„Дети“ пришли вскоре после телефонного звонка. Едва она забросила в духовку кекс, как шумная компания ввалилась в квартиру. Ее захлестнула безудержная радость, словно не было этих лет, они по-прежнему беззаботные дети и вообще, в жизни „нет проблем“, кроме той, где бы прилично посидеть или достать машину для очередной загородной поездки. Квартира ожила, повеселела. Девочки, ворча спихивали со стола книги и журналы. Накрыли стол. Тенго с трудом вытащил из-за шкафа запылившуюся гитару, к которой она не прикасалась целую вечность. Стол накрыли царский. Вино было великолепное, чуть-чуть вязало рот и как шампанское пощипывало язык. Пилось удивительно легко, но все удивительно быстро и опьянели. Пьянели не столько от вина, сколько от радости общения. Разгорелся спор, кому играть на гитаре. Все любезно уступали друг другу. Невольно улыбнулась, вспомнив, что раньше доходили чуть не до драки, вырывая гитару друг у друга, а потом кидали жребий, кому все же играть. „Кинем жребий“, – спокойно сказала Нино и все весело расхохотались. Жребий пал на Эку. Она принялась было отказываться, но, не устояв перед дружным натиском, взяла первый аккорд. Пальцы, словно одеревенели, не подчинялись. Решила отбросить гитару, но тут Бека затянул сладким голосом их „коронную“. Казалось, гитара заиграла сама, без ее помощи.

– То играть не хотела, а теперь не остановишь! – донесся до нее голос Тенго. Она опомнилась, никто уже не пел и все, улыбаясь, смотрели на нее.

– Ты что, старуха, влюбилась, что ли? – поддел ее Тенго.

– А что, нельзя?! Или я уже так стара, что не способна на подобные чувства? – отпарировала она.

– Ну, это как сказать... Вообще-то в нашем возрасте, „мамзель“, я бы не советовал.

– Это почему же?

– Потому, что за этим может последовать...

– Что?

– Замужество.

– Ой, как напугал!

– Если мне не изменяет память... Господа, прошу не перебивать! Вы же всегда шарахались от мужского пола, опасаясь, чтобы кто-то не посягнул на вашу драгоценную свободу и честь... Эка, выходи за меня замуж, а?

– Непременно. Сегодня же обдумаю ваше предложение.

– Я, кажется, предлагал ей руку и сердце раньше тебя, – воскликнул Бека.

– Помолчи, ты уже женился! Господа, предлагаю тост за нашу ЭКУ! – торжественно провозгласил Тенго.

– А что, вы позабыли все тосты и вам больше ничего не остается, как выпить за хозяйку? – съязвила она.

– Я пью не за хозяйку, а за Эку, нашу Эку, которая, помните, устроила нам истерику из-за котенка. – Выпили и за Эку и за того котенка. Затянули песню. А она вспомнила тот летний, предэкзаменационный день...

Уже который день в городе свирепствовала, необычная даже для этого времени года, жара. Казалось, солнце измывалось над людьми, все больше накаляя белесое небо. Пешеходы передвигались как в кадре замедленной съемки, стараясь как можно невесомее касаться асфальта, от жара которого жгло пятки. Мозг как будто атрофировался и ни о чем, кроме холодного сока, мороженого и прохладной комнаты с кондиционером, не думалось. Она тащилась по улице, вожделенно мечтая об этом, как ее внимание привлек неподвижный грязно-серый комочек у запыленной стены здания. „Крыса!“ – панически подумала она и, забыв от ужаса о жаре, проворно ускорила шаг. „Надо же! Сидит как ни в чем не бывало в таком многолюдном месте и даже не шелохнется“, – с любопытством подумала она и, поборов страх, рискнула подойти поближе. К стене дома беспомощно жался тощий до

умопомрачения котенок и затравленно озирался по сторонам. Она неловко присела над ним, схватившись за занывшее от жалости сердце, котенок испуганно зажмурился в ожидании удара. Шерстка котенка была грязной и тусклой, а белые метки на лбу и на грудке казались излишней роскошью на этом забитом, замызганном существе. Изможденный, какой-то старческий взгляд огромных желтоватых глаз и припухший то ли от побоев, то ли от голода нос, придавали этой мордашке какое-то странное, неживотное выражение. Он сидел неммым укором этой вконец обалдевшей от жары толпе и равнодушно ожидал своей участи.

В сумке не оказалось ничего съестного. Она тяжело поднялась, цепляясь за раскаленную стену дома, успокаивая себя тем, что завтра принесет ему чего-нибудь съестного, надеясь в глубине, что завтра его здесь уже не будет. Утром, направляясь в институт, она совершенно забыла о вчерашнем голодном котенке и, только приблизившись к тому месту, вспомнила о нем. Котенок сидел на том же месте. Она и какая-то женщина в черном подошли к нему одновременно. Котенок обратил на них огромные, отсутствующие от голода и жажды глаза. Но когда люди склонились над ним, он заковылял на кривых слабых ножках к щели, которую она вчера даже не заметила, и забрался в нее. Щель была сантиметров в пятнадцать. Вероятно, это было окошко захламленного и заваленного различным сором подвала, забитого настолько, что туда мог втиснуться разве что котенок. Она лихорадочно соображала, что бы принести ему поесть, стыдясь собственной забывчивости. А тем временем пожилая женщина, не обращая ни на кого внимания, подоткнув под колени подол платья, опустила прямо на пыльный раскаленный асфальт. Сдавленно причитая, она пыталась просунуть в щель загоревшую, натруженную руку и дотянуться до котенка. Котенок забился еще глубже и теперь его совсем не было видно. Пешеходы плелись по жаре, скользя флегматичным взглядом по стоявшей на коленях женщине. Она неловко топталась рядом, не решаясь уйти. Возле них остановилась элегантная дама. Она со снисходительным любопытством взглянула на причитающую женщину и спросила: „Она что-то потеряла?“ „Ничего...“ „Чего

же тогда убивается?“ „Тут котенок с голоду умирает...“ Элегантная дама оскорбленно вскинула плечи и, обдав их испепеляющим взглядом, удалилась. „Ой, что же это я...“ – засуетилась женщина. Она вскочила проворно для своего возраста и бросилась к черной хозяйственной сумке с потрепанными ручками. Все это время она, казалось, не замечала ее, но сейчас деловито взглянула и спросила: „Как думаешь, он сможет поесть хлеб?! У меня и яйца есть вареные.“ „Хлеб, наверное, сможет. Большой уже. А яйца не знаю, разве что желток. Кошки белок не едят,“ – как-то излишне торопливо ответила она. Женщина, опять забыв о ней, проворно освобождала яйцо от скорлупы, сбрасывая ее прямо в сумку. Затем она опять опустилась на колени и принялась крошить яйцо в щель. Эка, не обращая внимания на окружающих, присела на корточки рядом с женщиной. Котенок все не появлялся. Через некоторое время показалась его лапка и прихватила кусочек желтка. „Воды ему надо, а то он долго не протянет,“ – опять запричитала женщина, – „хоть бы взял его кто-нибудь. Я бы забрала, но он такой слабый, что вряд ли до Чиатуры дотянет.“ Эке стало неловко и она промямлила, что с удовольствием бы забрала, но ей некуда его забирать. „Еду я буду ему приносить. Сейчас молока принесу!“ –словно оправдывалась она. Женщина взглянула на нее удивительно теплыми карими глазами и с надеждой в голосе сказала: „Ты, детка, принеси ему попить, хотя он больше не жилец...“

Все это время Эку душил горьковатый ком. Она едва сдерживалась, чтобы не зарыдать посреди улицы. Она даже не могла разобраться, что же ее больше взволновало: бездомный умирающий котенок или же эта незнакомая женщина, так неподдельно горевавшая над этим жалким серым комочком.

Вся в слезах она добралась до института. В аудитории с ней началась истерика. ребята сначала ничего не могли понять, решив, что ее кто-то обидел и дознавались, кто же это, чтобы как следует вздуть. Но уразумев, что все дело в умирающем котенке, оперативно решили принести его пока в институт, а затем отнести к Резо, у которого был свой двор и целая „псарня“. Посадили котенка в полиэтиленовый пакет, купили ему молока, раздобыли где-то блюдце и принесли в аудиторию.

Котенок от молока отворачивался. Он был настолько истощен, что не в силах был даже есть. А может был обижен на вероломность людей, так безбожно оставивших его посреди улицы? Он прожил еще день, так и не притронувшись к пище...

Настроение опять испортилось. Она принужденно смеялась, все чаще пригубляя стакан. Старалась вести себя так, чтобы друзья не заметили ее состояния. Она была бы счастлива остаться сейчас совсем одной. Нет, с ней начало происходить то, чего она так боялась, избегала и о чем старалась не думать все эти годы.

– Ты что, перебрала?

– С чего ты взял?!

– Да посмотри на себя в зеркало!

– Что-то в последнее время неважно себя чувствую, а до врача все никак не доберусь. Вы не обидитесь, если я ненадолго прилягу? Полежу и мне станет лучше.

* * *

Она прилегла. Из комнаты доносились возбужденные голоса. Кто-то монотонно перебирал струны гитары, в дверях показался чей-то силуэт. Она притворилась спящей. Дверь бесшумно прикрылась. На кухне загудела кофемолка. В окно гулко барабанил дождь. Опять дождь...

Он, как она сама думала, умер в ее жизни навсегда. Да нет же, она была просто уверена в этом. Вычеркнула раз и навсегда из своего сердца и даже думать о нем запрещала себе...

Теперь ей не кажется странным, почему не познакомила его со своими друзьями, друзьями, с которыми проводила все свое время. Она полюбила и почему-то боялась, что он может кому-то из них не понравиться. Временами даже себя ловила на мысли, что иногда он может оттолкнуть своими манерами, но тут же гнала непрощенную мысль, сваливая все на свою привередливость.

Роман закрутился стремительно. Познакомились они в кафе. Все столики были заняты и он попросил разрешения сесть за их столик. Понравился он с первого же взгляда. Она смотрела на него в упор, не в силах оторваться. Парень, видимо,

почувствовал и, если сначала бросал в ее сторону мимолетные взгляды, перестал обращать на нее внимание. Подруга несколько раз порывалась уйти, куда-то торопясь, но молящие глаза Эки каждый раз пригвождали ее к месту. Наконец, немного подвыпив, он решил удостоить их вниманием, предложив коктейль. Подруга отрицательно замотала головой, но Эка, придавив ей под столом ногу, любезно согласилась. Парень одарил их ослепительной улыбкой и позвал официантку. Он был потрясающе красив: темные, зачесанные назад густые волосы, прямой классический нос, крупноватые губы, тяжелый мужской подбородок и удивительное сочетание темных бровей, густых черных ресниц со светлыми глазами стального цвета. Держался он больше, чем уверенно, видимо, зная себе цену. Настораживало лишь то, что улыбаясь, он одновременно обжигал ледяным холодом глаз.

Вдруг ее осенило, что их дальнейшее пребывание в кафе может быть истолковано иначе и заторопилась. Он удивленно взглянул на нее, но тоже встал и предложил их проводить. Подруга опять было заупрямилась, но она согласно улыбнулась и они втроем покинули кафе. По дороге он разузнал все ее координаты... Она и сегодня не сможет объяснить, что же это с ней происходило. Ярая противница „уличных“ знакомств словно попала под влияние чьих-то гипнотических чар, начисто забыв о своих принципах.

Он заполонил все ее существо. Он был самый красивый, самый умный и, вообще, самый-самый... Она и не пыталась скрывать своего преклонения, чем изрядно ему льстила, хотя он и не подавал виду. Рядом с ним она просто не могла воспринимать других мужчин. Да их просто для нее не существовало. С ним было удивительно спокойно, как ни с кем другим ни до него, ни после... Любительница шумных компаний, она стремилась с ним к уединению, часами могла молчать, наблюдая, как он работает, обожала слушать стихи, которые он очень любил читать и читал прекрасно. Каждый миг рядом с ним был восхитительным, неповторимым праздником. Все произошло намного проще, чем она ожидала. Не было ее унижительных мольб и его клятвенных заверений в „любви до гробовой доски“. Когда она почувствовала, что забеременела, у

нее от счастья словно выросли крылья. Он же, казалось, не замечал происходившей в ней перемены. Не замечал, а скорей всего не хотел...

Она чувствовала, что он стал сдержаннее, старался не звонить, старался избегать, ссылаясь на работу, на свою диссертацию. Интуитивно она все прекрасно понимала, но все же не хотела этому верить, тем более, что порою он становился так неистово ласков и подкупающе нежен, что она напрочь отметала все закрадывающиеся в душу сомнения.

Конечно же, находясь в таком двусмысленном положении, она старалась избегать всех своих друзей и даже ближайшую подругу. Такой одинокой она никогда не бывала, но это одиночество вовсе не тяготило, напротив... Оживала только от встреч с ним, которые становились все реже и реже. Приближался день его рождения. В душе она боялась, что он постарается исчезнуть в этот день, но вопреки ее ожиданиям он позвонил и сказал, что заедет за ней. Она приятно удивилась, когда он, вместо ресторана, пригласил ее к себе домой. Ей показалось это добрым предзнаменованием. Раньше она никогда не бывала в этом доме, но, казалось, она бы с закрытыми глазами нашла расположение всех предметов. Из гостиной доносились чьи-то голоса. Он заглянул на кухню и вывел холеную даму в переднике, который никак не сочетался со всей ее царственной внешностью.

– Мамочка, это – Эка. Я тебе о ней рассказывал.

Женщина надменно улыбнулась, обдав ее холодом стальных, как у сына, глаз.

Она смешалась, не зная, как вести себя дальше, но на помощь пришел он, легонько подтолкнул ее и она очутилась в просторной, со вкусом убранной гостиной. День рождения отмечали, видимо, в кругу родственников, так как никого из его друзей она не увидела. „Все это смахивает на смотрины“, – вдруг с отвращением подумала она, но собрала всю свою волю и постаралась держаться как можно непринужденной. Пригласили к столу. Он был предупредительнее обычного, но это ее не радовало, напротив, настораживало. Только теперь, через столько лет, она может объяснить то свое состояние: это было предчувствие надвигающейся беды... Скованная перекрестными

взглядами сотрапезников, она сгорала от неловкости, была не в состоянии поднять даже вилку, с трудом сдерживалась, чтобы не извиниться и не уйти. Его мать подчеркнуто вежливо обращалась к ней с какими-то вопросами. Она также подчеркнуто вежливо отвечала, болезненно ощущая, как он напрягался при каждом ее ответе. Провозгласили тост за хозяйку. Она величаво поблагодарила и, поднеся к глазам платочек, несколько театрально обратилась к сыну: „Все свои лучшие году я отдала тебе, заменяла и отца, была сумасшедшей матерью. Пора бы и тебе позаботиться теперь обо мне, снять с моих плеч хоть часть каких-то забот. Женись поскорей, дай и мне, наконец, понянчиться с внуками...“

– Да он со своей внешностью и умом приведет тебе в дом такую красавицу... – прошептала соседка Эки, не забыв при этом смерить ее взглядом.

– А я не хочу, чтобы он сам приводил кого-то с улицы. Я не хочу, чтобы он сегодня женился, а завтра развелся. Ведь так же оно бывает, когда они сами решают... Вот только больно он уж привередливый, я уже с ног сбилась, подыскивая ему девушку.

Эка замерла в ожидании его ответа, но он как ни в чем не бывало переговаривался с тамадой. В ушах звенело, тошнота подкатила к горлу. С ней что-то происходило. Сначала куда-то удалились голоса. Она в недоумении смотрела на эти незнакомые лица, беззвучно, как в немом кино, открывающиеся рты. Потом никак не могла понять, каким образом очутилась в этом чужом неприветливом доме.

– Вам нехорошо? Я провожу вас на балкон, – вывел ее бесстрастно-участливый голос его матери. Она беспомощно улыбнулась, опасаясь только одного, чтобы не упасть здесь в обморок.

– Нет, благодарю. Я приношу свои извинения, но мне придется вас оставить.

Мать предупредительно проводила ее до двери и попросила гнать ее сына как можно поскорей, ведь он виновник торжества и неудобно перед гостями. В лифте спускались как чужие. Впервые за все время их знакомства ее раздражало, тяготило его присутствие. К счастью, к подъезду подкатило

такси. Она бессильно опустила на сиденье: „Не надо меня провожать. Иди, гости ждут,“ – проговорила она, в глубине души надеясь, что он все же поедет ее провожать.

– Ну, пока. Я уезжаю в командировку. Приеду, звякну! – торопливо-облегченно проговорил он, сунул водителю деньги и, не дожидаясь отъезда машины, скрылся в подъезде.

Он больше не позвонил. Она прекрасно понимала, что при желании могла бы его женить на себе, но какой это имело смысл? Такой он был ей отвратителен...

Время шло. Надо было что-то предпринимать, но что, не имела понятия. В минуты тоски и отчаяния подумывала даже о самоубийстве, но, успокоившись, стыдилась своей слабости. Рассказывать обо всем этом никому не хотелось, да и кто мог ей в чем помочь, разве что пожалеть. А в жалости она не нуждалась. Это бы только оскорбило...

К счастью, на кафедре ей предложили интересное исследование, большую часть которого надо было проводить в Москве. Заведующая кафедрой сказала, что она самая подходящая кандидатура, поскольку не обременена семейными заботами. Она с радостью ухватилась за это предложение, удивляясь, почему у нее никогда не возникало мысли об отъезде из Тбилиси. На ее взгляд, это был самый оптимальный выход.

В Москве она сняла комнату, не сообщив никому адреса и телефона, опасаясь, что кто-нибудь нагрянет... Что и говорить, наконец-то она хоть немного вздохнула. По крайней мере не надо было постоянно дрожать, что кто-то заметит ее положение. Правда, по улице ходила она все равно с опаской, чтобы не столкнуться ненароком с кем-нибудь из земляков.

Она постепенно старалась приучить себя к мысли, что ребенка придется оставить. Нет, она не ненавидела существо, которое билось под сердцем, просто, была безразлична к нему, как и к своему недавнему прошлому... Смущала только сама процедура отказа. Она уже ежилась от презрительного взгляда врача, холодела от его назидательного тона, что государство, конечно, воспитает, но ребенку будет лучше с матерью. Эта сцена представлялась ей по несколько раз в день и очень изматывала. Самое страшное, от чего она до сих пор содрогалась, боялась она не того, что бросает плоть от плоти

своей, а того, что ее унижат, растопчут. И все же, для нее это был единственный выход. Главное, никто бы ни о чем не узнал...

Хозяйка была одинокая, пожилая женщина, добрая, отзывчивая. Присматривала за ней как родной дочерью, все время старалась приласкать, поддержать, чем-то помочь. Женщина понимала ее состояние, все время порывалась ей что-то сказать, посоветовать, но сдерживалась. Эка все прекрасно понимала и была тронута до глубины души. В родильный дом забрали ее дождливой ночью. Она попросила ничего не сообщать матери. Хозяйка понимающе кивнула.

Роды были ужасные. От дикой, нечеловеческой боли, казалось, можно было потерять рассудок. Она совершенно обессилела, но уже от мысли, что никогда не сможет расстаться с этим существом, которое причиняет такую боль, силы утраивались. Она становилась **м а т е р ь ю!**

... Наутро в палату стали вносить громко кричащие сверточки. Обессиленная, она с нетерпением ждала, когда принесут ее малыша. Спрашивать она боялась, но к полудню не выдержала. Медсестра бесстрастно ответила, что ребенок родился больным, но ничего страшного, его некоторое время подержат в боксе и потом принесут. Не принесли малыша и на второй день. Она вся извелась. От нервного напряжения у нее поднялась температура. Страшное предчувствие не оставляло ее. На третье утро в палату стремительно вошел врач, принимавший роды, в сопровождении практикантов и медсестры. Он подкупающе участливо справился о ее самочувствии, ласково потрепал по щеке и попросил зайти к нему. Ледяные тиски страха безжалостно ждали сердце.

Навсегда врезалась в память ослепительная белизна и какая-то странная прохлада в кабинете врача. Лица его она совершенно не запомнила, может потому, что он все время стоял у окна. „Вы еще молоды и такой груз вам будет не под силу. Вы должны подумать о себе, о будущих детях, наконец. Посоветуйтесь с мужем... Это – такая патология... Они, как правило, долго не живут... Уверяю, вас это только травмирует... Так что, самый оптимальный выход – оставить его здесь...“

„Вот она кара... Божья кара...“ – стучало в висках. Ей хотелось взвыть, но куда-то пропал голос, хотелось что-то сказать, но язык не поворачивался. Она медленно сползла со стула...

* * *

В дверь позвонили. Кто-то пошел открывать. Прихожая оживилась пьяным смехом и приветствиями. Она торопливо встала, провела, не зажигая света, расческой по волосам и вышла. Гия всучил ей в руки мокрый плащ:

– Извините, мадам, я, кажется, вас разбудил, – шутливо осведомился он, обдав ее тревожным взглядом. Она жалко улыбнулась.

– Знакомьтесь, Гия, – представила его гостям.

Вся компания была уже под сильным бахусом. Гия старался не пить, хотя ему, как опоздавшему, пытались всучить самые большие бокалы. Зато она пила за двоих, осушая все до дна. Он несколько раз попытался ее остановить, но безрезультатно. Вскоре девочки заторопились, ребята вызвались их провожать. договорились обзвонить однокурсников и встретиться в ресторане.

– Да, кстати, можете прихватить своих дам и кавалеров, – спохватился Тенго. Так что, мы вас ждем! – расшаркался он перед Гией.

В комнате наступила звенящая тишина. Она неподвижно сидела, уронив голову на руки. Гия принялся убирать со стола. „Надо взять себя в руки, а то он обидится!.. Господи, если бы он только знал, какая я дрянь... Если бы только знал!..“ На кухне зашумела вода. Гия вошел в комнату, распахнул окно, накинул ей на плечо шаль. „Может, кофе выпьем?“ – нарушил он молчание. Она благодарно кивнула и встала. „Когда он успел все это убрать? Ведь я присела всего на пять минут... Сейчас расскажу. Я ему все расскажу... Пускай он лучше уходит сейчас... Потом будет еще больше и хуже...“ Она машинально сварила кофе, разложила на вазе печеное и конфеты, позвала его.

– Что-нибудь случилось? Тебя кто-нибудь обидел?

– Да!

– Кто?

– Прошное...

– Что?!

– Прошное...

– Ну, да, конечно, а сегодня ты решила вспомнить...

– Да... Ты знаешь, у меня был... есть... ребенок...

– Что за чертовщина! Надо же было так набраться!

– Я говорю правду, у меня ребенок!

– Очень приятно было узнать об этом. Когда же ты нас познакомишь?

– Я сама с ним незнакома...

– Нет проблем. Значит, вместе познакомимся. Ты что, беременна?

– С чего ты взял?!

– Тогда какого черта забиваешь мне голову всякой ерундой! Она и так у меня забита! Вместо того, чтобы хоть как-то поддержать меня, ты вечно треплешь мне нервы! – взорвался он.

– Я не треплю... Это – правда. Ты можешь меня выслушать? Ты должен знать... Я не могу больше обманывать, хотя знаю, что это может повлечь за собой.

Он слушал, не поднимая на нее глаз.

– Который час? – вяло спросил он.

– Три...

– Иди, ложись. Поздно...

– А ты?

– Я? Мне домой надо... Спокойной ночи, – поднялся он.

От звука захлопнувшейся двери у нее что-то оборвалось внутри. Ноги и руки налились свинцовой тяжестью. „Все! Конец!“ – стремительно пронеслось в голове и она как подкошенная рухнула на диван.

Прошла целая неделя, целая вечность. Он не появлялся, не звонил. Впрочем, она была к этому готова, знала, что он ей этого не простит... Она не думала, что он был ей настолько дорог и только теперь, став перед фактом разлуки, поняла, что роднее человека у нее не было никогда. Несколько раз в день подходила к телефону и опять передумывала, внушая себе, что так будет лучше и что ее звонок ничего, кроме унижения, ей не принесет...

Ночами не могла уснуть, а если и забывалась коротким сном, то мучилась от кошмаров: она мчалась за Гией, он убегал,

а когда она его настигала, он отталкивал ее изуродованным детским трупиком.

Можно было сойти с ума от всего этого. Она стала принимать снотворное, которого всегда избегала. Но оно не помогало, так как утром она вставала совершенно разбитая.

Она шла по залитому солнечным светом, утопающему в буйной зелени божественному саду. Вокруг было множество красивых, пестрых птиц. Она все ждала, что они запоют, но они все не пели, а звенели, звенели, не переставая. Она никак не могла отделаться от этого звона. Ей стало плохо от этого все нарастающего звона. И она с трудом раскрыла глаза. В дверь настойчиво звонили. Она босиком подбежала к двери и, ничего не спрашивая, распахнула ее. На пороге стоял Гия. Она бессильно повисла у него на шее, вдыхая родной запах. Он ласково погладил ее по голове, подхватил на руки, пронес в комнату, посадил на диван, принес тапки и сказал:

– А теперь приготовь мне ужин или завтрак, не знаю как назвать, а то от голода проглочу тебя.

Она захлопотала. Он сидел, вытянув ноги, и ласково наблюдал за ней. Наконец, она спросила:

– Ты откуда?

– Из Москвы...

– Что-о?

– Ездил узнавать о ребенке.

– ?...

– Его нет. Он прожил всего три недели.

Слезы хлынули у нее из глаз. Слезы сожаления, горечи, радости. Они шли и шли, она не вытирала, не стеснялась их, зная, что все равно не сможет их остановить, пока не выплатит всю ту тяжкую боль, которая терзала ее все это время.

КОШМАР

Уходи. Зачем ты сюда пришел? Хочешь оправдаться перед собой? Сейчас это не имеет никакого значения. И никогда больше не будет иметь. Не подходи ко мне близко, не смей откидывать моего покрывала, я не хочу, чтобы ты смотрел на то,

что осталось от моего лица. Ты плачешь? Нет, ты просто играешь на публику. Ты не умеешь плакать, ты не способен на слезы. Ты ведь даже не плакал тогда, когда так унижал меня, наслаждаясь моими страданиями. Да, да. Я страдала, а ты наслаждался. Зачем ты сюда пришел? Чтобы пожалеть? Но ты же знаешь, что я никогда не хотела твоей жалости и, наверное, это чувство не давало мне скатиться окончательно, в самый последний момент у меня неизвестно откуда появились силы и я с достоинством могла принимать жестокие удары моего беспощадного рока. Моим злым роком был ты. Мне все завидовали за то, что у меня красивый, талантливый и удачливый муж. Но то, что это я создала тебя, знали только мы с тобой, хотя ты не хотел в этом признаться даже самому себе. Это я всегда внушала тебе, что ты самый умный и самый красивый, это я всегда вселяла в тебя надежду за успех всякого, казалось бы, безнадежного дела и у тебя все получалось. Я никогда тебе этого не говорила, даже тогда, когда ты меня так унижал. Я могу говорить это сейчас, ведь все равно ты не услышишь моего голоса. Хотя я знаю, что сейчас ты думаешь именно об этом, может и плачешь потому, что вместе со мной ушла и твоя опора, поддержка. И как бы далеко ты ни был, мои молитвы всегда оберегали тебя. Ты знаешь, о чем я молилась?

С тех пор, как ты ушел к ней, ни разу мне не приснился. Это чушь, когда утверждают, что о ком думаешь, тот и снится. Мысль о тебе никогда не оставляла меня, выжигала всю душу, но ты так и не снился. Я каждую ночь молила Бога, чтобы ты пришел ко мне хотя бы во сне, но ты не приходил. Я тебя ни в чем не упрекаю. Наверное, ты и не виноват. Все, что с нами произошло, было выше наших сил. Это был рок. И моим злым роком был ты.

Страшный грохот потряс всю квартиру. Я недавно заснула после ночного дежурства. «Господи, уже с утра стреляют...» – спросонья подумала я и попыталась восстановить сон. Казалось, в квартиру кто-то ввалился, меня охватил страх. Я попыталась проснуться, чтобы отмахнуться от жуткого сна.

– Вставай, сука! – отчетливо раздался чей-то ломкий голос.

«Кажется, не сплю...»- мелькнула безразличная мысль. Я с трудом разомкнула свинцовые от постоянного недосыпания веки. Надо мной стоял некто в маске, по квартире кто-то ходил.

– Пошевеливайся, а то разможу тебе голову! – бесновалась маска.

«Хорошо, что Нинка у мамы, а то бы я сошла с ума...».

– Выйдите, мне надо одеться, – как ни в чем не бывало произнесла я.

Маска оторопела.

– Даю минуту. Если что-нибудь предпримешь, убью, – бросил он от дверей.

«Кретин, что я могу предпринять, если вы уже в квартире», – вяло пронеслось у меня в голове.

Гостиную я не узнала. Нужно было быть мастером своего дела, чтобы за какие-то пять минут устроить такой погром.

«Моя» маска осталась в спальне, двое орудовали здесь. Один из них для чего-то отвинчивал люстру. «Неужели они и это унесут с собой?» – с любопытством подумала я. Страха я не испытывала, страх заменяло, кажется, уже мое естественное состояние, после невыносимой боли – полное безразличие. «Хорошо, что я не заскочила за Нинкой...»

– Давай, выкладывай все, что у тебя есть! – взревел один из погромщиков.

– А вы разве не все нашли?

– Попридержи язык, а то сейчас утюга попробуешь, – прохрипел возившийся с люстрой.

Я подошла к секретеру, содержимое которого было вывалено на пол.

– Здесь, в шкатулке были драгоценности...

– Это мы и без тебя нашли!

– В спальне, в моей тумбочке лежит восемьсот долларов. В кошельке моей сумочки деньги. Не помню, кажется, пятнадцать тысяч. Пожалуй, все. Да, еще в том же кошельке лежит ключ от моей машины. Остальное все перед вами.

– Не приbedняйся. Шляешься за границу как мы в Мцхету и не имеешь денег?

– Но у меня сейчас правда нет денег.

– А куда ты их дела?
– Купила шубу. Можете забрать.
– Это наша забота, что мы заберем. Обойдемся без твоих советов.

– Забирайте все, что хотите.
– Короче, где лекарство?
– Какое лекарство? – опешила я. – Вы что, думаете врачи домой уносят лекарства?

– Заткнись, сука. Не прикидывайся. Как будто не знаешь какое лекарство. То, что из Индии привезла! – больно дернул меня за руку погромщик.

Меня словно парализовало. Они искали наркотики и были охвачены этой мыслью. Напрасно я думала, что они ограбят меня и уйдут. Теперь я восстановила тот страшный грохот, разбудивший меня. Они открыли дверь автоматной очередью.

Под окнами раздался вой сирены. В гостиную ворвалась «моя» маска: «Ребята, менты!». Все трое бросились к окну.

– Хана. Откуда их столько набежало?!

Я бессильно опустила на пол: «Какого черта они сюда понаехали. Теперь эти типы так просто отсюда не уйдут. Да и куда им теперь деваться. Все одно, здесь их убьют или на улице...»

«Внимание! Дом окружен! Сопротивляться не имеет смысла! Бросайте оружие и выходите по одному!» – раздался голос в мегафон.

– Как же разогнались, держи карман шире! – отрывисто бросил один из них, грязно выругавшись.

«Господи, кто их, интересно, вызвал, кто это мне так «удружил», – воспаленно пронеслось в мозгу.

«Гости» бестолково металась по комнате, сшибаясь друг с другом, грязно ругаясь, казалось, напрочь позабыв о моем существовании.

Я вяло наблюдала за ними, силясь вспомнить сон, который снился как раз перед их визитом. Кажется, наконец-то ты мне приснился, только вот я никак не могла вспомнить как.

– Соседи, наверное, позвонили. Говорили тебе, не надо так открывать. Теперь сам расхлебывай! – набросились двое на одного.

Завязалась потасовка. Люстра, уже лежащая на столе, грохнулась на пол, брызнув хрустальными каплями во все стороны. «Гости», сначала не врубившись в чем дело, испуганно замерли.

«Туда ей и дорога, – без сожаления подумала я. – Давно надо было ее снять и отправить ему. Пожалуй, это – единственное, что по праву еще принадлежало ему в этом доме. Это он приволок ее из Праги“.

С улицы надрывался мегафон: «Выходите! Сопротивляться не имеет смысла! Дом окружен!»

«Господи, хоть бы он замолчал, а то эти от этого голоса потеряют остатки разума».

«Гости» были невменяемы.

– Что делать?! – выл один из них.

– Что делать, что делать, – передразнила его «моя» маска. Черт его знает, что делать. Не видишь, что ли, нам хана.

– Тогда и суку эту приедем. Все равно нам не жить. Как только мы отсюда сунемся, нас сразу же подстрелят!

– А она тут при чем! – заступилась «моя» маска.

Я безучастно прислушивалась к их разговору, желая только одного, чтобы как можно скорее закончился этот кошмар.

В мегафон уже требовали отпустить женщину, предлагая в заложники кого-нибудь из своих высокопоставленных сотрудников.

– Да она ведь наша заложница! – вдруг осенило того, кто предложил со мной покончить.

– Здравствуйте, приехали. А ты только сейчас догадался! – гоготнул специалист по люстрам.

Кажется они немного пришли в себя и принялись совещаться, что им дальше делать. Я оставалась безучастной, моля Бога, побыстрее закончить этот кошмар. За масками их лиц было не угадать, но, наверное, самому старшему из них было не более двадцати пяти лет. Сейчас самое главное было то, чтобы они опять не ударились в панику. Мне очень хотелось

закурить, но я с ужасом обнаружила, что не могу встать с пола. Мне как будто парализовало ноги.

– Ребята, дайте сигарету, кажется, на телевизоре была пачка, – миролюбиво сказала я, массируя ноги.

Один из них с готовностью достал из кармана пачку «Кэмэл» (кажется, мою) и дал мне прикурить. По ногам забегали мурашки. Встать, кажется, я бы уже смогла.

– Пусть она переговаривается с ними, нам нельзя показываться.

– Ты что бабу подставляешь, сволочь!

– При чем тут подставляю?! В нее стрелять не будут!

– В нас тоже пока не будут... А ну, двигай к окну!

Переговоры закончились быстро. И слава Богу. Голос из мегафона почему-то угнетал меня. Они помогли мне подняться, ноги все же не хотели мне повиноваться.

– Где ключи от машины?

– В сумочке, в кошельке...

– Послушай, не бойся. Мы тебя забираем, чтобы в нас не стреляли. Как только ты нас вывезешь подальше, мы тебя отпустим. Просто ты нужна, чтобы в нас не стреляли...

«Господи, что за чушь он несет. Ну, конечно же, я понимаю, что нужна им для того, чтобы в них не стреляли. Только вот, почему именно я, почему все это со мной?».

– Одевайся, а то простудишься, – накинули на меня мою новую шубу. «Надо же, еще и заботятся...», – непонятно с чего развеселилась я и в последний раз окинула взглядом свою разгромленную квартиру.

По лестнице спускались бесконечно долго. Они вздрагивали от каждого шороха и мне казалось, что скоро мне просверлят висок дулом пистолета. Я шла и молила Бога, чтобы поскорей закончился этот кошмар. До моей машины они бежали бегом и больно волокли меня, сверля мне дулом висок. Я открыла машину, почувствовав, как силы откуда-то возвращались ко мне. Наверное от мысли, что этот кошмар скоро кончится. Я только сейчас заметила, что кругом полно вооруженной милиции. Все напряженно следили за нами, в любую минуту готовые к самому худшему. Кажется, только я оставалась безучастной. Мы с бешеной скоростью сорвались с места.

- Ты хорошо знаешь этот район? – спросили меня.
- Я здесь родилась.
- Тогда вывези нас отсюда, мы тебя отпустим, а нам все

равно нет дороги обратно.

Я всегда любила бешеную езду и мне всегда сходило это с рук, наверное потому, что я была женщиной. Только когда в машине были Нинка и мама, я старалась ездить помедленней, хотя это не всегда у меня получалось. Маршрут нашего следования был оцеплен милицией, я мчалась, лихорадочно пытаюсь сообразить, в каком месте нам приказано было сворачивать, и тут меня осенило, что как раз в том месте мы попадем в тупик. Я резко завернула руль влево. В голове раскололся нестерпимо горячий огромный огненный шар, вызвав ощущение неземной невесомости во всем теле. Стало радостно, легко и свободно... Не знаю, может от того, что этот кошмар закончился...

– Гады, ее убили!.. – надрывно, нечеловеческим голосом взревел кто-то из моих пассажиров.

А теперь уходи. Зачем ты сюда пришел? Плачешь? Да. Ты оплакиваешь себя. Не надо, не откидывай моего покрывала, я не хочу, чтобы ты смотрел на то, что осталось от моего лица. Я не хочу оставаться такой в твоей памяти. Я тебя очень любила. Я боготворила тебя. Я тебя сотворила. Ты был моим злым роком и я умерла в день твоего рождения – 19 февраля.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГУГУШ!

Застолье было уже в той стадии, когда тамада несколько ослабляет бразды своего правления и, достаточно ощутив чувство своей значимости, хотя бы за этим столом, милостиво может позволить даже возникший у кого-то в компании тост экспромтом.

То ли от счастливых светящихся лиц жениха и невесты, то ли от таинственной радости переполнявшей подруг со стороны невесты, а может и вообще от воистину божественного молодого гурийского вина у нее возникло безудержное желание сказать тост. И это вопреки строгим правилам грузинского

застолья, где слабому полу не рекомендуется раньше мужчины произносить тосты (хотя цивилизация уже ушла вперед, и в одном кахетинском селе есть женщина-тамада, которая заткнет за пояс с десяток мужчин, претендующих на красноречие).

В общем, тост удалось выщеганить, теперь нужно было правильно преподнести его компании. Она держала бокал с вином, что-то обдумывая. Компания, еще минуту назад оживленно переговаривающаяся, застыла в ожидании.

- Чур, сначала все выпьют за сказанное, а пояснения последуют после! – проговорила она, внимательно разглядывая свой бокал с вином.

- Предупреждаю, за президента и остальных членов правительства пить не буду! – полушутя заявил один из сотрапезников, очевидно вообразив, что дама в строгих очках на более оригинальный тост не может быть способна. Она, пропустив мимо ушей плоскую реплику, предупредила:

- Пьем до дна!

Компания в нетерпении взвыла, требуя тост, и она, больше не заставляя себя ждать, выдала:

- Да здравствует... Гугуш!

- Что-о?! А мы то думали...Вместо ожидаемого тоста о высоком и прекрасном, услышали черт-те что!

Как и следовало ожидать, разогретая молодым вином компания почувствовала себя оскорбленной в лучших своих ожиданиях и потребовала от тамады вернуть себе полномочия.

- Но ведь вы не выполнили уговора! Выпьете и узнаете, какой потрясающий тост вам предложен!

Подружки невесты пищали от восторга, они уж точно знали цену этому тосту и почти не сомневались, что даже это застолье в какой-то мере было причастно к таинственному Гугушу, которого никто, за исключением Эки, не знал.

Тамада, достойно оценив сложившуюся ситуацию, отклонил требование большинства сотрапезников вести стол и заявил, что предлагаемые, тем более дамами, тосты дело святое и все должны им подчиняться.

- До дна, до дна! – напомнила она – Да здравствует Гугуш! - и первая осушила бокал...

...Эка крутила в руках крохотную бутылку с какой-то

жидкостью и торопила сообразить, на скольких может хватить это вино.

- Ты что, издеваешься?! Да она только мне на зуб еле придется! А ты – на сколько человек!

- Это вино не для того, чтобы им напивались!

- Расскажи, для чего еще нужно вино? Ну хотя бы распробовать его надо? Так вот эта твоя емкость, даже на это вряд ли сгодится...

Эка смерила ее испепеляющим взглядом.

- Ты хоть представляешь себе откуда это вино?

- А мне без разницы...

-Вино из Каны Галилейской. Его из Израиля друг моего брата Гугуш привез... Говорят, что вино из тех мест чудодейственное и если его выпьют незамужние и неженатые, то непременно обретут свою половинку!

- Ну и как? Этот твой Гугуш давно уже нашел свою половинку?

- Нет. Да при чем тут Гугуш?!

- А ни при чем! Себе бы лучше помог, чем другим мозги пудрить!

- Послушай, ты представляешь себе, что это вино из тех мест, где Иисус Христос свое первое чудо совершил, превратив на свадьбе воду в вино! Просекаешь, с какой глубокой верой оно должно быть выпито! Откуда мне знать, как Гугуш его пил! К тому же непременно должен быть прочитан акафист Пресвятой Богородице для иконы Цвет Неувядаемый!

Готовиться к ритуалу винопития начали тщательно. Первоначальная мысль собраться у кого-нибудь дома сразу же отпала. Договорились в ближайшие же выходные отправиться в Мцхету – древнюю столицу и по сей день храмовую колыбель Грузии. Наверное не случайно, но на молитвенном ритуале с чудодейственным вином их оказалось семеро: Аннушка, Ирочка, Ирина, Мака, Софико, Софка и Эка. Молебный ритуал совершали на территории древнего храма Самтавро, где находится женский монастырь Святой Равноапостольной Нино. На молитву встали в древней крохотной часовне, в которой много веков назад возносила молитвы к Богу просветительница Грузии Святая Нино. Всемером заняли все свободное пространство, так, что

желающим помолиться в этой святой каждому сердцу грузина часовне, приходилось чуть ли не бочком протискиваться вовнутрь, чтобы зажечь свечу перед иконостасом.

Молитву Богородице читали вслух поочередно. При этом бутылку с чудодейственным вином держали в руках. О чем каждая из них думала при этом, наверно никто не сможет передать, но то что в их жизни это была одна из самых горячих, трепетных и проникновенных молитв Деве Марии, пожалуй, почувствовали все. Испили вино там же во дворе храма, под ветвями многовекового дерева, пустившего корни в землю, где ступала нога равноапостольной Нино. Чтобы вина хватило на всех, Эка прихватила стаканчики размером с наперсток, так что драгоценная жидкость в бутылке еще осталась, и девочки великодушно решили поделиться с теми, кого не позвали на ритуал, из опасения, что всем может не хватить. Вкуснее они ничего не пробовали в жизни...

Вино распили в июне, и почти сразу небеса как-будто отверзлись...

Первой, в октябре, замуж вышла Софико. Сюжет замужества разворачивался стремительно, все были захвачены финалом и полусхватуя связывали эти события с вином, который доставил из Израиля Гугуш.

Второй, уже в ноябре, вышла замуж Мака. За ней последовала Аннушка... Похоже сила вина из Каны Галилейской не давала о себе забыть. Девочки, если еще и сомневались, теперь застыли в трепетном ожидании: «Кто следующий? А вдруг срок действия вина истечет?»

Впрочем, повода для беспокойства быть не должно, ведь это было первое чудо в Кане, которое словно положило начало всем чудесам, которые творил Иисус Христос, первое чудо, после которого уверовали в него его ученики. Тем более можно ведь и попросить: «Гугуш, еще вина!»

Но пока же нужно ждать продолжения чуда, силы галилейского вина, благословлять Господа нашего Бога, все Высшие силы, Пресвятую Богородицу, Святую Нино и конечно же, поднимать тосты за Гугуша, которого никто из них, за исключением Эки, не знает...

«Да здравствует Гугуш!»

МАМЫ-ПАПЫ

КОГДА УХОДИТ МАМА...

А в тот день от нас ушла мама...

Ранним утром примчалась тетя Саломэ и увела меня к себе. Вечером за мной не пришли, забыли обо мне и на следующий день. Только через несколько дней я смог наконец-то попасть домой. Что-то случилось, но я никак не мог понять, что же все-таки происходит и почему причитающая целыми днями бабушка к приходу отца улыбается как ни в чем не бывало, суетливо накрывает на стол и дотошно расспрашивает о делах на работе.

Я же был полностью предоставлен себе, бабушка временами начисто забывала обо мне, заливалась слезами и вела по телефону не очень-то понятные мне беседы, то и дело повторяя: „Ребенка ей не отдам! Дело принципа!“ . Отец избегал меня, старался не замечать, и если я слишком часто попадался ему на глаза, он раздраженно кричал матери, чтобы она пошла со мной погулять.

А я ждал маму, которая часто бывала в отъезде. Ждал, что она скоро приедет, тихо, тоскливо плакал по ночам в подушку и боялся расспрашивать взрослых, чувствуя, что это вызовет недовольство.

Во двор меня одного больше не выпускали. Я дожидался, когда бабушка освободится от домашних дел, и только тогда выходил с ней погулять. Бабушка то и дело останавливалась поговорить со знакомыми, предупреждая, чтобы я не отходил далеко. До меня доносился ее взволнованный, приглушенный голос и возмущенные восклицания собеседников: „Надо же, бросить такого человека! Променять умницу!..“ .

У меня сжималось сердце от непонятной жалости к себе, к папе, к бабушке... Постепенно из всех этих разговоров я представил довольно ясную картину того, что так тщательно скрывали от меня взрослые. Мама к нам не вернется. Моя мама, моя любимая, красивая, добрая мама, с такими ласковыми глазами и нежными, всегда прохладными руками... бросила отца, бабушку, меня и ушла к „другому“ . Он представлялся мне огромным, смуглым, волосатым детиной, с черными от вьевшегося мазута руками и грязным, черным ободком под ногтями. Я почти

физически ощущал преследующий его дурной запах. Запах табака, пота и бензина. Он обнимал своими грязными ручищами мою маму и скалил свои желтые кривые зубы.

Эта картина представлялась мне довольно часто. Я все еще не терял надежды, что мама не сможет долго любить такого грязного детину и скоро вернется к нам.

Дни бежали за днями, а я все еще в глубине души ждал маму. Видимо, от этого постоянного ожидания и напряжения я заболел. Меня охватила апатия ко всему, я совсем перестал есть, до того, что не мог проглотить даже маленького кусочка. Однажды ночью мне стало совсем плохо, я горел в лихорадочном огне, задыхался от жара и нехватки воздуха, бредил, звал маму... И только в ту ночь отец, казалось, вспомнил обо мне. Он не подпускал бабушку к моей постели, сам менял мне холодные примочки, укачивал на своих сильных руках, шептал ласковые слова, которые я в жизни от него не слышал. Болел я целую неделю, и всю эту неделю отец был дома. Он с надеждой и мольбой заглядывал в глаза врачам, беспрекословно выслушивал их наставления и неукоснительно проделывал со мной все процедуры, назначаемые ими, порой такие противоречивые. Бабушка возмущалась, что он меня угробит, но он не обращал внимания на ее слова. Я всегда стеснялся отца, видимо потому, что слышал с самого раннего детства: „Не шуми, папа работает“, „Туда нельзя, папа отдыхает“, и часто меня изолировали от него. На отдых родители уезжали одни, оставляя меня на попечение бабушки.

Теперь же, почувствовав всю свою власть над отцом, я закапризничал, не подпускал к себе бабушку. Только отец мог сменить мне белье, покормить меня, почитать сказки. Я, истосковавшийся по материнским рукам, млел от прикосновения отцовских сильных рук. В один из дней я услышал, как бабушка говорила отцу, что она (имя не назвали, но я понял, что речь идет о маме) хочет меня навестить. Бабушка кипела, возмущаясь „ее“ наглостью и беспардонностью, отец тихим голосом оборвал: „Ребенок болен. Она мать!.. Не твое дело! Пусть приходит... Но только в мое отсутствие“.

Всю ночь я ворочался, мечтал о встрече с мамой. Представлял, как она войдет в комнату, как склонится ко мне, обнимет меня прохладными легкими руками. А я... Я, конечно

же, крепко-крепко прижмусь к ней, расскажу, как хорошо вел себя без нее, как сильно скучал... Нет, лучше скажу, что скучали я, папа и бабушка... Покажу ей свой новый велосипед... А потом ей станет так хорошо около меня, она не захочет больше уходить и останется со мной и с папой. И мы опять заживем все вместе, и я буду любить их обоих еще сильнее.

Мама пришла днем, робко позвонила в дверь. Открыла бабушка и, не ответив на приветствие, хлопнула дверь в кухню. Пока мама входила в мою комнату, прошло много-много времени. Все внутри у меня ныло и холодело. Вместо предполагаемой радости меня охватила безысходная тоска. Мама внесла в комнату запах яблок, апельсинов и незнакомых духов, как-то жалко улыбнулась, нерешительно, виновато, и прижалась ко мне. Я чуть не задохнулся и замер, дикая злоба захлестнула все мое существо, перед моим взором предстал тот омерзительный детина, обнимающий маму, и я изо всей силы оттолкнул ее от себя. Я понял, что веду себя дурно, но почему-то ничего не мог с собой поделать. Я злорадствовал, что она мучительно пытается со мной заговорить, но из-за спазм, сжимающих ей горло, она не может произнести ни звука. Бабушка гремела на кухне посудой.

„Ушла... променяла... бросила!..“ – воспаленно звенели в голове чьи-то слова. Вся моя ненасытная любовь к маме, гложущая, нестихающая тоска по ней куда-то улетучились, уступив место дикой необузданной ярости. Я забился в угол постели и волчонком смотрел на нее, всем своим видом показывая, что если она ко мне еще раз прикоснется, я ее укушу. Мама тяжело поднялась и медленно направилась к двери, до меня донесся ее истерический крик: „Ну что, добились своего!“ – и громкий стук двери.

Из операционной появилась медсестра и чуть ли не бегом направилась по коридору. Страх утраты, казалось, парализовал Вaju, он был не в состоянии даже сдвинуться с места, только прислонился к стене, словно ища у нее поддержки. Через некоторое время за медсестрой в операционную проследовал высокий представительный мужчина с окладистой бородкой.

...Мама снилась каждую ночь. Она весело хохотала и ласкала меня, гладила по голове, щекотала шею пушистыми, ароматными волосами и крепко прижимала к себе, передавая по капельке все свое тепло. Я хотел, чтобы это продолжалось до бесконечности, и когда пытался задержать ее подольше, чтобы не ушла, она растворялась. Однажды я все-таки ухитрился поймать ее за руку и принялся неистово ее целовать. Я настолько реально ощутил тепло маминой руки, что открыл глаза. Над моей кроватью стоял отец.

Если раньше я был помешан на гоночных машинах, то теперь полностью их забросил и принялся играть с куклами. Куклы были мамыны, она их собирала, и я до сих пор не могу понять, почему она их с собой не забрала. Я целыми днями играл с куклами в „маму“. Бабушка запаниковала, уж не свихнулся ли я. Если я раньше с воем и бибиканьем носился по квартире, то теперь меня совсем не было слышно. Взрослые не знали, что я играл в „маму“.

Это было моей тайной. Я был заботливой и нежной мамой, которая всегда была рядом со своими детьми, а их у нее было много. Она целыми днями стряпала, убирала, стирала, ходила с ними гулять, читала им сказки. Вечером я укладывал детишек в постель. Их было так много, что мне самому не хватало места, и я садился на пол и плакал от жалости к себе.

„Господи, какая длинная страшная ночь... Неужели она никогда не кончится?! Эта неизвестность меня доконает. Хоть бы кто-нибудь опять вышел. И сигареты кончились... И рядом никого... Я один, один... Если его не спасут, я на всю жизнь останусь один. Ведь кроме него я больше никому не нужен. И мне никто не нужен!.. Господи, только бы пронесло...“.

Через год я пошел в школу. Папа с бабушкой больше меня радовались школьной форме, ранцу, букварю. А я беспокоился, как будут в мое отсутствие мои „дети“. Ведь теперь большую часть времени я должен был проводить в школе... Я

стал таким замкнутым ребенком и мне так хорошо было играть одному, что не мог понять радости бабушки и папы по поводу появления у меня школьных друзей.

Экссессы начались с первого же дня моего пребывания в школе. Со мной за одну парту сажали девочку с огромным красным бантом и почему-то испуганными глазами. Я заявил учительнице, что с девочкой не сяду, учительница растерялась: „Но почему, детка?“ „Не сяду и все!“ – упрямо бубнил я. Учительница, больше не вникая, насильно посадила меня на свое место. Девочка испуганно засопела в своем углу. Мне стало стыдно, и я, низко опустив голову, прохныкал все три урока: вспомнил маму, которая все не приходила, бабушку, которая так вероломно оставила меня среди этих противных детей, папу, который в командировке и которого я долго не увижу, своих „детишек“, которые уже, наверное, „проголодались“ и „соскучились“...

Учительница окрестила меня „плаксои“ и больше не глядела в мою сторону. Целую неделю я сторонился всех детей, и мальчиков и девочек, но постепенно втянулся в игры и забавы и по вечерам, захлебываясь от непонятого мне восторга, рассказывал папе с бабушкой о своих новых друзьях и подружках.

...А по ночам приходила мама. Ласково гладила меня прохладной, мягкой рукой по голове, и я, жадно вдыхая родной запах, пересказывал ей все события.

Однажды я случайно услышал, как бабушка говорила папе: „Сердце кровью обливается, когда вижу, как других детей молодые мамы приводят... женись, сынок. Ведь любит она тебя, и ребенку, знаю, заменит мать“. Я весь похолодел, сердце вдруг оборвалось и упало куда-то в живот, который предательски заурчал. Кто-то хотел отнять у меня папу... „Ладно, чтобы поберечь твои ноги, я сам буду отводить его в школу!“ – грубо оборвал отец.

С папой было хорошо, он был моим самым первым другом и никогда не уклонялся от моих вопросов – дескать, ты пока мал и тебе этого не понять.

Однажды я до того осмелел, что решил спросить: „Папа, а наша мама больше никогда не придет?!“ „Нет, не придет!“ – серьезно ответил он. „Почему?“ – отчаянно спросил я, чувствуя, как напрягся отец. „Видишь ли, в том доме ей лучше, чем с нами... Но ведь и нам хорошо, не правда?“ „Папа, а

почему бабушка сказала тебе женись!“ – храбрился я, сдерживаясь из последних сил, чтобы не зарыдать.

„А подслушивать нехорошо“, – твердо сказал он и сердито, растерянно сдвинул брови, как бы укоряя себя за неосмотрительность. Я пристыжено умолк. Больше мы никогда об этом не говорили.

Я был в классе пятом-шестом, когда в класс прибежали ребята и сказали, что меня в вестибюле ждет мама; я оторопел, подумал, что они что-то перепутали, но все же помчался туда. Да, это была она, моя любимая, нежная, красивая мама. Она нетерпеливо теребила в руках сумочку и тревожно вглядывалась в детей. Увидев меня, она тихо вскрикнула и рванулась ко мне. Я остановился, как вкопанный, четко увидел, как ее обнимают грязные, длинные ручища кривоzubого детины. Вся кровь хлынула мне в голову, я растерянно огляделся и увернулся от этих родных желанных рук. Оттолкнул свою родную, любимую маму, которая так нежно ласкала меня во сне, и ринулся вон из школы. Я бежал, не разбирая дороги, слезы застилали мне глаза, спазмы сдавили мне горло, и я только сейчас осознал, что моя мама, моя любимая нежная мама никогда-никогда не вернется к нам с папой...

В конце коридора кто-то показался. Важа, едва ворочая языком, попросил сигарету, прикурил, жадно затянулся и только потом бросил вдогонку незнакомцу „спасибо“. Стояла мертвая тишина, лишь изредка нарушаемая какими-то едва слышным металлическим дребезжанием. Он еще острее ощутил свое одиночество.

Дверь операционной распахнулась. Важа устремился к высокому, подтянутому мужчине в белом халате, который усталой походкой направился по коридору. „Ну, как?!“

– Видишь ли... – устало улыбнулся хирург. – По-моему, все должно быть хорошо. Он может выздороветь. Но посмотрим...

Важа изнеможенно прислонился к стене и закрыл глаза. Там, за этой стеной билось, хотя еще и очень слабое к жизни, сердце его отца, его родного и самого близкого после ухода мамы человека...

ВРЕМЯ СБЕРЕГАТЬ

Я ему не судья... Только вот никак не проходит саднящая душу боль, смешанная с унижительным чувством стыда. В наш стремительный век человеку за содеянный грех воздается уже при жизни, в отличие от старых времен, когда кара могла наступить даже в седьмом поколении.

Я, кажется, и сейчас с трудом верю в то, что это могло произойти со мной – любящей до беспамяත්ства, верной и покладистой матерью и женой. Для меня навсегда остался кошмаром тот, тысяча девятьсот девяносто первый год, который все в моей жизни поставил с ног на голову и заставил задуматься над смыслом библейских слов: „Что́ было, то́ и будет; и что́ делалось, то́ и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем“.

Я почему-то с детства не любила отдыхать в домах отдыха и санаториях и всегда радовалась, когда родителям не удавалось достать путевку и мы ехали „дикарями“. Я даже и сейчас толком не смогу объяснить ту свою детскую нелюбовь к подобному роду отдыха. Может, меня раздражали пронумерованные столики в столовой, куда нужно было приходиться в строго определенное время, кажущаяся однообразной пища и чопорные отдыхающие. А может, это было предчувствие того, что произошло со мной в доме отдыха уже позднее?

Словом, я уже и сама стала мамой и сама возила детей в дом отдыха и так же огорчалась, когда путевка мне не светила. Я уже поняла всю прелесть санаторной жизни, когда, настоявшись у плиты, накрутившись, как белка в колесе, по хозяйству, ты можешь хотя бы раз в год расслабиться и вспомнить, что ты, помимо домохозяйки, поварихи и прачки, к тому же еще и довольно привлекательная, беззаботная женщина.

В то лето мы отдохали в Боржоми в Доме композиторов. Я думала, что на меня свалилось безмерное счастье. Мужу удалось снять на все лето отдельный коттедж, который, казалось, затерялся среди вековых, величественных сосен. Питались мы в столовой Дома композиторов и застолья устраиваемые нами для наших многочисленных друзей, наезжающих по выходным из изнуренного жарой Тбилиси, были мне только в радость. Так хорошо мне, пожалуй, не было никогда. Я вся звенела от своего

женского счастья – счастья любимой жены и матери, стабильной, обеспеченной жизни и еще чего-то, что я не могу до сих пор себе объяснить. В то лето в Доме композиторов отдыхала молодая мама с двумя детьми, мальчишками четырех и пяти лет. Вопреки своей привычке ничего не замечать, я заметила ее в первый же день нашего приезда. Молодая мама была потрясающе красива. Ее элегантные наряды вызывали жгучую зависть обитательниц Дома композиторов, щеголявших в дорогих нарядах и увешанных дорогими побрякушками. Раз в 3-4 дня навещался невзрачный, вальяжный мужчина, нагруженный фруктами, прогуливал мальчиков и исчезал, никогда не задерживаясь на ночь. Молодая мама в мужских прогулках не участвовала. Она появлялась только тогда, когда разгружали машину, набитую продуктами, а затем околачивалась в баре в ожидании детей. Поговаривали, что она в разводе с мужем, но не может запретить ему видиться так часто с детьми потому, что он, используя свои влиятельные связи, способен лишить ее материнских прав. Я не вникала, ценой каких же связей можно отнять детей у матери, тем более, что она ни на минуту не оставляла детей одних. Было одно наслаждение наблюдать за их веселой возней на фоне величественной природы. Она напоминала мне встревоженную кем-то лань, пытающуюся защитить своих детенышей. Меня почему-то захлестывала жалость к этому прекрасному созданию, оставленному на произвол судьбы безжалостным роком, и в такие минуты я все сильнее любила своего мужа, который окружал меня заботой и вниманием и только одним своим существованием ограждал меня от неожиданных ударов судьбы.

Я уже сказала, что созерцание этого грациозного создания доставляло мне истинное наслаждение. Однажды за завтраком я обратила на нее внимание своего мужа. Он равнодушно скользнул по ней безразличным взглядом и неопределенно пожал плечами. Я готова была его убить за то, что он не разделил моего восхищения...

В тот вечер я никак не могла укачать Георгия. Он капризничал и звал отца, который куда-то запропастился. По негласному правилу Георгия, за редкими исключениями, спать укладывал отец. Я всю ночь не смогла сомкнуть глаз. Он никогда

нигде не оставался, не предупредив меня, и нынешнее его отсутствие выбило меня из колеи, вселило в сердце неосознанную тревогу и страх. Вернулся он под утро, бесшумно прокрался в спальню, взял плед и, крадучись, вышел. Я притворилась спящей, хотя чуть не взвыла от чужого запаха незнакомых слащавых духов, оставленного им после себя.

С тех пор потянулась непонятная, непредвиденная полоса моей жизни. Это была я и не я, это было со мной и не со мной. Я как-то отстранилась, стала сторонним наблюдателем событий, происходящих в моей семье. А в моей семье происходило нечто из ряда вон выходящее. Мой муж стал часто отлучаться. Даже не утруждал себя хотя бы предупредить меня об этом. Казалось, он совершенно забыл о детях, без которых раньше не мог прожить ни минуты. Дети же, ошарашенные подобным невниманием отца, вымещали всю обиду на мне, платя бесконечными своими капризами, истериками и бессонными ночами. Я ходила, как лунатик, ничего не понимая и продолжая жить по инерции ради наших же детей. В столовой я ловила на себе сочувствующие взгляды отдыхающих и ничего не могла понять. Хотя я и была поглощена собственным смятением, тем не менее я заметила отсутствие красавицы с детьми и удивилась, поскольку срок путевки еще не истек. Я не могла решиться на серьезный разговор с мужем во время его редких появлений, когда он торопливо передевался, оставляя ценные указания и, даже не пообедав, опять исчезал. Я ненавидела себя за это и при мысли от того, что он нас бросит становилась еще безвольнее и покладистее. Я докатилась до того, что чуть ли не собственноручно его передевала, подбирая и повязывая ему галстуки.

Как назло зарядили дожди. Я сидела в коттедже наедине с детьми и своими мыслями. Мне очень хотелось поверить, что это – какой-то кошмарный сон и стоит мне только проснуться, как все вновь встанет на прежние места и любовь опять воцарится в нашей семье. Мне не хотелось верить, что в жизни за все надо расплачиваться и вот, пришло время расплаты за мою безмятежную жизнь и любовь. За окном шел беспощадный дождь, немилосердно хлестающий ставшими вдруг какими-то беспомощными огромные сосны. Частые молнии, казалось, задались целью расколоть наш коттедж на мелкие части. Дети

испуганно притихли и вскоре заснули, почему-то ни разу не вспомнив об отце. В дверь кто-то оглушительно забарабанил. Я с радостью бросилась открывать, решив, что он вспомнил о том, как я патологически боюсь грозы и поспешил к нам с детьми. Я, даже не спросив „Кто там?“, рывком распахнула дверь и обомлела. В дверях стояли две девушки из Дома композиторов, с которыми я едва была знакома и бессвязно куда-то меня звали. Я до сих пор не могу понять, что на меня накатило, что я так бесстрашно побежала за ними в эту грозу, ничуть не заботясь о детях, которые могли проснуться и испугаться проклятой грозы унаследованным от меня страхом. Я бежала за ними и знала, что наконец-то смогу разгадать тайну моих бед. „Она собирает вещи и хвастается, что вышла замуж“, – пыхтела на бегу одна из девиц. „Кто она и причем здесь я?“ – как-то вяло пронеслось у меня в мозгу, но спрашивать я, почему-то, постеснялась, решив, что на месте разберусь. Мы одним махом взлетели на второй этаж и девица принялась барабанить в дверь одного из номеров. Дверь распахнулась и на пороге возникла длинноногая красавица, обжегшая меня ненавидящим, победоносным взглядом. К моему стыду, меня только сейчас осенило, что столь частые отлучки моего мужа связаны с этой „беззащитной ланью“. Я в смятении отступила от двери и только сейчас заметила, что холл Дома композиторов полон любопытствующими отдыхающими, жаждающими грандиозного скандала. Не помня себя, я выскочила на улицу, не обращая внимания на бушующую стихию и, может, в первый и последний раз в жизни, мечтая быть убитой какой-нибудь шальной сверкающей шаровой молнией.

С тех пор я его не видела. Я собрала все его вещи и передала через его сестру, попросив лишь об одном, чтобы он больше не появлялся. Со своими детьми он мог видаться через свою сестру в любое время. А я... Я для него умерла так же, как и он для меня. Я стала учиться жить без него. Сначала это было невыносимо, почти невозможно. Буквально все вокруг напоминало о нем и даже усилия нашего знакомого психотерапевта практически сводились к нулю. А потом, спустя месяцы я прочла в газетах, как он поздравлял любимую жену Саломэ с рождением сына, и все встало на свои места. Я вдруг поняла, что, как он должен жить со своей любимой женой Саломэ для

своего сына, так и я вдвойне должна жить для своих любимых детей. Потом я случайно узнала, что они уехали жить в Москву и вообще перестала интересоваться ими.

Ветер, казалось, намеревался вышибить оконные рамы. Страшные завывания ветра подкреплялись зловещими голубоватыми отблесками молнии. В такую погоду прошлое, как бы я этому ни противилась, безжалостно напоминало о себе. Ветер словно намеревался высадить оконные рамы, а кто-то барабанил в дверь. Я торопливо бросилась в прихожую и, даже не поинтересовавшись, кто за дверью, распахнула ее. В квартиру, едва не опрокинув меня, ворвался мой бывший муж с огромным свертком. Я потеряла дар речи и никак не могла понять, почему этот чужой для меня человек мечется по моей квартире. Он метался, не выпуская из рук сверток и твердил только одно: „Я убил ее, я убил ее...“. Я безвольно опустилась на диван и молила Бога только об одном – чтобы не проснулись дети. Вдруг он всучил сверток мне: „Пусть он побудет у тебя, никому не отдавай!“. Я обнаружила, что содержимое свертка составлял полуторагодовалый младенец. „Я убил ее. У меня его отнимут. У тебя никто не сможет его забрать!“, – бессвязно твердил он. Я поняла, что сейчас бессмысленно ему втолковывать, кто же мне оставит чужого ребенка. „Успокойся и расскажи мне толком, что случилось!“, – ледяным голосом приказала я, собрав в кулак всю силу воли. Ребенок завопил, оказавшись в чужих руках. Он выхватил его у меня из рук и прижал к себе, как некогда прижимал к себе моего Георгия. У меня больно кольнуло сердце... Оказалось, мать ребенка очередной раз сбежала замуж. Первые полтора года совместной жизни в Москве они провели как в раю. Все трое детей были с ними, и отец двух мальчиков оставил свои попытки отнять у нее детей, видя как она самоотверженно ограждала их от всяческих невзгод. А потом вдруг в одночасье все переменялось. Она была беженкой из Абхазии и встретила в Москве свою первую любовь, который все ждал своего часа и потому ни на ком не женился. Все произошло молниеносно. Однажды, вернувшись домой, мой бывший муж не застал ни жены, ни детей. Только бессвязная записка оповещала его о ее решении и просьбе никогда не искать. Совершенно ополоумевший от горя, он бросился звонить ее

первому мужу, который, конечно же, благодаря своим умопомрачительным связям, сразу их нашел и забрал своих мальчиков. Моему бывшему мужу пришлось, разумеется, сложнее, тем более, что ее новый муж работал в полиции. Она ни в какую не хотела отдавать ему своего ребенка. Не собирался отступить и мой бывший муж. И вот, после длительных бдений, дождавшись, когда ее очередной муж уберется из дома, он ворвался силой в дом, оглушил ее и забрал ребенка. Я не знаю, что привело его ко мне... Может то, что он хотел выиграть время, а искать ребенка у меня никому бы и в голову не пришло.

Разумеется, он ее не убивал. Да и она, опомнившись, и не подумала заявлять в полицию. Она оказалась еще „дальновиднее“, чем можно было предположить. Требовала у него жилплощадь для себя и своего очередного мужа, взамен на ребенка...

А пока мы с малышом постепенно привыкаем друг к другу. И только когда я укладываю его спать, он, как и некогда мой Георгий, капризничает, упрямится и зовет своего отца.

ГОД БЫКА

Год Быка по восточному календарю наступает в феврале и по поверью, чтобы он прошел удачно, его непременно нужно встретить с первыми лучами восходящего солнца. Как говорят, обычно год наиболее счастливо складывается для тех, кто родился под знаком этого года. У меня же все наоборот. Пожалуй, самые большие потрясения в моей жизни связаны именно с годом Быка – годом моего рождения.

Мне было двенадцать лет, когда я случайно узнала страшную правду. Я искала в отцовской библиотеке книгу, которую я обещала своей учительнице. Библиотека у отца была уникальная, но нужной мне книги не было видно. Наконец-то я ее обнаружила на самой верхней полке под увесистой Библией дореволюционного издания. Чтобы побыстрее закруглиться со своими затянувшимися поисками, я нетерпеливо стала вытягивать книгу, не удосужившись отложить в сторону Библию. Библия грохнулась на пол, выронив в полете какой-то пожелтевший листок. Я испуганно слезла вниз, опасаясь, что если

старинная книга рассыпалась по моей вине, мне влетит от отца. К счастью, книга была цела, а выпавший листок был не что иное, как старое письмо отца своему другу. Я, вообще, обожала читать всякие письма, тем более, что в нашем доме этого добра всегда было достаточно благодаря профессии моих родителей, журналистов. Я с любопытством принялась читать знакомый размашистый почерк отца и ... окаменела. Нет, не окаменела, а ... умерла. Нет, не умерла, а еще хуже ... опустела. Душа оторвалась от моего детского тела, оставив вместо себя черную зияющую пустоту. Такое чувство я испытала тогда впервые и не ведала, что испытаю это еще и еще, и именно в год Быка – год моего рождения. Отец писал своему близкому другу детства в Москву, что вынужден переехать из родного Сололаки в другой район города из опасения, чтобы Нинке (т. е. мне) никто не рассказал тайну ее удочерения. Письмо было датировано декабрем 1961 года и, по-видимому, так и не отправлено. По рассказам родителей я знала, что самый близкий друг отца погиб зимой 1961 года в автокатастрофе. Может, когда отец писал это письмо, его друга уже не было в живых.

С того самого момента я повзрослела, с той самой минуты моя веселая беспечная детская жизнь превратилась в ад. Я ни на минуту не могла забыть пылающие огнем строки отцовского письма. Меня снедала тайна моего рождения. Я никак не могла представить себе ту, родившую меня маму, хотя часами силилась это делать. Я забросила все свои игры и книги, большую часть времени проводя у зеркала, пытаюсь найти в своих чертах что-то, что помогло бы мне создать портрет той моей мамы. Снедающая меня тайна изводила, разрушала мою душу. Я замкнулась в себе, с завистью приглядывалась к подругам, которых окружали настоящие мамы и папы и которые никогда бы не смогли понять моего горя. Я до сих пор не могу себе объяснить, почему я всегда думала о той своей матери, изредка вспоминая о том своем отце. Может потому, что с детства я была уверена, что мой папа был самым лучшим на всем свете и я просто не могла себе представить себе другого? Не знаю ... С мамой все было иначе. Все в один голос твердили, что мы с ней похожи как две капли воды и может, поэтому мне было интересно, как могла меня родить другая женщина? Не

знаю ... Я знаю только одно, что уже с двенадцати лет я жила с чувством тяжелой, страшной вины. Нет, не моей, а той, которая меня родила и потом так вероломно от меня отказалась. Что заставило ее сделать что? Какая страшная ненависть ко мне могла гнездиться в ее сердце? Ответов на эти свои вопросы я так и не смогла найти за всю свою жизнь.

Родители встревожились, заметив во мне странные перемены. Они никак не могли понять причины происходящего и принялись таскать меня по врачам. Медицинские светила недоуменно пожимали плечами и в один голос советовали родителям переменить мне обстановку. Отец, как журналист-международник, выхлопотал командировку в Германскую Демократическую Республику и год мы провели там. Была масса новых друзей, новых впечатлений. Уютные, красивые немецкие города и деревушки. И мои родители, молодые, красивые, встревоженные моим состоянием, резкой переменой моего характера, моей непонятной вспыльчивостью, припадками необузданной жестокости и гнева. Я видела, что делаю им больно и становилась от этого еще неистовее и беспощаднее.

Моя бабушка, мамина мама, была очень набожная и с детства приучала меня к Библии. В свои двенадцать–тринадцать лет, в отличие от многих моих сверстников я знала почти все библейские сказания, знала наизусть Отче Наш и десять заповедей. И еще бабушка пыталась мне объяснить, что такое грех. В моем детском понимании самым большим грехом были двоедушие и причинение боли кому бы то ни было. Я же грешила вдвойне, причиняя боль и себе и родителям. Неискренность стала моей неизменной спутницей. В глубине души я понимала, что мама с папой не должны догадаться о том, что я знаю их тайну, иначе это бы их убило. Днем я, забывшись, могла ласкаться к маме, а ночью грезила о той, другой, родившей меня на свет. Лет в четырнадцать–пятнадцать я придумывала невероятные романтические истории о тех своих родителях. Отец мне представлялся почему-то испанцем, капитаном дальнего плавания, а мать юной девушкой славянского происхождения, которая не смогла устоять перед жгучими чарами мужественного красавца и всем сердцем отдалась ему. Его корабль поднял паруса на родину, капитан уезжал без матери, которую не выпустили из Советского

Союза, но он пылко обещал вернуться. До берегов Испании корабль, настигнутый страшнейшим штормом, так и не доплыл... Вскоре родилась я, и мать, ничего не знавшая о гибели моего отца, убитая горем от его вероломства, начала медленно угасать...

Как видите, с возрастом меня начала интересовать и моя национальность. Я злорадно ловила испуганную реакцию моих родителей на какую-нибудь мою выходку, которую не позволила бы себе воспитанная в добропорядочной семье грузинка. На следующий же день после своего шестнадцатилетия я закурила на глазах у мамы, пустив ей в лицо клубы дыма. Она побелела, схватилась за сердце и шепотом попросила не делать этого перед отцом и в школьном туалете. Я всячески вызывала родителей на то, чтобы они открыли мне правду, испугались моих генов, о которых так много начали говорить. Я хотела их на что-то спровоцировать, но тщетно, родители по-прежнему окружали меня любовью, заботой и вниманием. Моему положению, благодаря маме с папой, могли бы позавидовать многие. И только один единственный раз мне удалось, как мне показалось, вывести маму из равновесия.

На нашем курсе учился русский парень. Внешне он был ничем не примечателен, а если быть еще откровеннее, он был уродом. Зато все это компенсировалось его интеллектом. На какое-то время я даже им увлеклась и пригласила к себе домой. Вот только тогда, в первый и последний раз в своей жизни, я увидела на мамином лице неприкрытый страх... Я уже наверняка знала, что во мне плещется славянская кровь и родители вряд ли будут рады, чтобы она нашла свое продолжение. Мой роман с интеллектуалом закончился весьма плачевно. Оказывается, он, окрыленный моей любовью, писал амурные письма и стихи самой красивой девушке на курсе. Никогда не забуду 9 марта на третьем курсе, когда я, войдя в аудиторию, увидела в руке красавицы точно такой же букет потрясающих подснежников, которые преподнес мне на 8 марта мой интеллектуал. Она что-то читала вслух обступившим ее однокурсникам, сопровождающих каждое ее слово звонким хохотом. Вдруг одна из девочек заметила меня, незаметно толкнула локтем красавицу, которая вдруг почему-то захлебнулась и залилась пунцовой краской. Больше я в университет не ходила. Папа задействовал

свои связи и меня перевели в МГУ. Несмотря на полученную мной душевную травму, я была рада до небес. Мне казалось, что Тбилиси для меня слишком мал, что это – чужой, неродной мне город, а здесь в Москве я буду чувствовать себя как рыба в воде... На четвертом курсе я объявила родителям, что выхожу замуж, разумеется, за русского. Надо им отдать должное, они приняли мое заявление стойко, без всяких истерик и причитаний, только мама тихо сказала, что каждый брак должен быть, желательно, однонациональным. Я пропустила ее слова мимо ушей, подумав, что в моем случае так оно и есть.

Первое время я действительно была счастлива. Молодой, красивый, любящий муж, буквально носивший меня на руках, свободная, веселая, полная впечатлениями московская жизнь. Меня даже не смущало то, что нам предстояло жить вместе со свекровью. Родители категорически объявили, что квартиры в Москве мне не купят, разве что после их смерти я продам дом в Тбилиси...

Мамины слова скоро стали сбываться. Я начала понимать, что ужитья здесь мне будет довольно сложно. Я, привыкшая к совершенно другим отношениям в Тбилиси, вдруг оказалась перед фактом, что то, что здесь принято считать нормой, у нас скорее примут за аномалию. Я никак не могла понять, как моя свекровь могла устраивать истерику своему родному единственному сыну за то, что он выпил ее молоко из холодильника. Для меня было дико выслушивать ее истерики по поводу наших гостей, которые, оказывается, должны были приходиться не позже восьми вечера, и масса других претензий, которые меня попросту шокировали. И в какой-то момент я совершенно отчетливо поняла, что все это чужое, не мое - я не смогу прожить здесь всю свою жизнь. Я всем сердцем тянулась домой, в Грузию, к теплым человеческим отношениям, которых, пожалуй, не найдешь больше нигде в мире... В Москве уже родилась моя Руса, а я всем сердцем тянулась домой.

Год Быка, я встречала в Тбилиси с родителями, мужем и Русей. Я уже приняла решение и изменить его не смогла бы меня заставить ни одна сила в мире – больше я никуда отсюда не уеду. Хочет мой муж быть со мной и дочерью – пожалуйста, не хочет – значит, такова жизнь. Разумеется, он этого не смог. Я

его понимаю, в чужой стране, без знания языка, без друзей, без привычного круга – он бы не смог. Он всегда был хорошим отцом для Руси, всегда, как только ему удавалось, приезжал к ней, возил в Москву. Он так и не женился, сохранив верность не знаю кому - мне или дочери. Он остался хорошим другом для меня, но не более того. По-видимому, я так и не смогла простить всей мелочности его матери...

Год Быка, год под знаком которого я родилась, унес моих родителей, таких молодых и красивых. У мамы обнаружили рак груди, и она таяла буквально на глазах. Я не отходила от нее ни на секунду, полностью предоставив Русю няне. Мам изо всех сил обхватывала меня слабеющими тонкими руками и умоляла присматривать за отцом, не оставлять его одного. У меня оставалось сердце от любви и жалости, я осторожно прижимала к себе ее становившееся уже почти невесомым тело и боялась сойти с ума от отчаяния и безысходности. И в глубине души я ждала, ждала, что мама вот-вот откроет мне ту страшную тайну. Но мама унесла ее с собой в вечность, оставив во мне после своего ухода страшную, черную, зияющую пустоту. Отца не стало ровно на сороковой день после мамы. И тогда я окончательно поняла, что других любящих родителей, вдохнувших в меня всю силу своей любви, у меня не могло и быть.

Я часто захожу в церковь, ставлю свечу перед распятым Христом за них, моих родителей, моля Бога за их покой, а перед Богородицей ставлю свечу за женщину, родившую меня, испрашивая у Пресвятой Девы Марии прощения за ее, может, и неосознанный, грех.

Год Быка по поверью нужно встречать с первыми лучами солнца и тогда он принесет тебе удачу. Как папа просил меня встать и встретить свой год! Я почему-то не захотела этого сделать... Следующий Год Быка я непременно встречу его с первыми лучами восходящего солнца и тогда, я верю, он действительно принесет нам удачу. Мне и Русе, всем нашим близким и родным. И тогда черная, зияющая пустота навсегда отступит от нас...

ИЗ СЕРИИ «ОН»

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И НЕ СОВСЕМ ВЗРОСЛЫХ

О СТАРОМ КОТЕ ПОТЕРЯВШЕМ В МОЛОДОСТИ ГОЛОВУ

Жил-был на одной из городских крыш старый потрепанный, облезлый кот. Ну не так, чтобы очень уж облезлый и старый, но с ближайшей перспективой на это. А пока он был очень даже ничего, а в молодости, говорят, был просто пушистый красавчик, да такой, что все кошечки просто теряли от него голову. Потом они, конечно же, находили ее с другими молодыми котами, а наш красавчик-кот все искал ту, от которой бы он сам потерял голову. Такая, как он думал, ни разу ему не встретилась. Шли годы он все продолжал поиски той кошечки, которая бы сумела заставить его потерять свою голову и даже не заметил, что в общем-то начал облезать, а пушистая еще недавно шерстка как-то потускнела. Тем более, что кошечки, как ему казалось, по-прежнему бескорыстно и игриво вились вокруг него.

Кошечкам, конечно же, было с чего крутиться вокруг него - у старого облезающего кота были самые зеленые глаза, все еще самые непревзойденные прыжки и серенады и, что самое главное, самые щедрые подарки для кошечек.

Больше всего на свете наш красавчик-кот любил кошачьи серенады, молодых резвых игривых и конечно же, красивых кошечек и охоту за ними и птичками. И охотником он был непревзойденным! И щедрее всех делился своими охотничьими трофеями с игривыми молодыми кошечками, победно вытягивая перед ними свое начинающее облезать, заплывающее жирком пузо. В зеркало он, конечно же, смотрелся и зеркало, конечно же, не скрывало от него всей правды, говоря, что он начинает толстеть и облезать и что пора ему, безголовому, найти свою голову потерянную им давным-давно в бесшабашном хороводе с резвыми, игривыми, молодыми и красивыми кошечками.

Если честно, облезающий, стареющий, толстый кот и без помощи зеркала стал об этом подумывать, но даже себе не хотел в этом признаваться, не то что зеркалу. И еще. Он вдруг с ужасом обнаружил, что несмотря на всю его любовь к молодым игривым кошечкам, он все чаще стал поглядывать на одну не

очень чтобы молодую и не очень чтобы пушистую, ну и не очень чтобы красивую кошечку. Как она появилась в его полной кошачьих забот жизни и кто пригласил ее на его крышу, он вспомнить никак не мог, да и не слишком себя этим утруждал. И тем более не утруждал себя и вниманием к ней. Охотничьих своих трофеев к ее ногам он никогда не бросал, хотя свои дары другим молодым игривым кошечкам он старался делать в ее присутствии. Он вдруг заметил, что в ее отсутствие эти дары теряли свой шарм, и он почему-то не испытывал привычного восторга и удовольствия от своих щедрых подарков. Хотя отсутствовала она редко. Ну не совсем чтобы очень старая и пушистая, кошечка как-то всегда находилась поблизости от него, с восторгом и обожанием наблюдая за всеми его резвыми и игривыми выходками. Иногда она начинала казаться ему собственной тенью, присутствия которой вроде бы никогда не замечаешь, но отсутствие которой может напугать даже самого бесстрашного кота в мире. Она, сложив лапки, смиренно сидела на крыше и с обожанием в огромных, точь-в-точь как у него, зеленых глазах восторженно смотрела, как он хороводится с игривыми резвыми красивыми и молодыми кошечками. Он читал в этих зеленых обожающих его глазах, как эта не совсем пушистая кошечка потеряла от него голову, точно так, как в той прошлой молодой жизни теряли от него голову и другие молодые кошечки, а потом находили ее уже с другими молодыми котами, только это его тогда мало волновало. А теперь, он не хотел, чтобы она сумела ее найти и почти не сомневался, что так оно и будет. Ведь она была не совсем чтобы молодой, пушистой, игривой, да к тому же красивой... Правда, ей тоже иногда бывало грустно, что он не позволяет ей принимать участия в его веселых, резвых кошачьих играх, но все же верила в его чудесное перевоплощение и в тот день, когда он пригласит присоединиться и ее.

Да, еще он очень любил всякие кошачьи праздники и больше всего кошачье Рождество. К этому празднику он всегда готовился особенно. На этот же раз он решил отметить этот праздник совсем феерично. Во-первых, он должен был затмить всех котов в округе своими рождественскими подарками и для этого заранее присмотрел самых вкусных и толстых птичек. Во-

вторых, должен был спеть самую красивую рождественскую серенаду, чтобы раз и навсегда утереть всем молодым и не совсем чтобы молодым котам нос. Нет, он не имел ничего против молодых котов, даже иногда поучал их кошачьей жизни, но всегда помнил, что всему их учить не следует для собственного же спокойствия... Он особенно тщательно причесал свою тускнеющую, начинающую облезать шерстку и выпятив обросшее жирком пузо, стал важно принимать гостей. В предвкушении щедрых рождественских подарков на крышу стали подтягиваться молодые резвые игривые и красивые кошечки. Нагло подтянулись и молодые коты. Вот уже начался рождественский кошачий хоровод, а он все не торопился затягивать рождественской серенады и раздавать подарки, нетерпеливо поглядывая в ту сторону, где обычно сидела не совсем чтобы очень пушистая кошечка. На этот раз оно как-то зловеще пустовало. Старого начинающего облезать кота прошиб холодный пот, без нее праздник мог получиться совсем не такой, каким он его задумал. Он жутко разозлился на эту не совсем чтобы резвую игривую и красивую кошечку из-за которой все его приготовления теряли смысл.

Игривые резвые и красивые молодые кошечки уже начали коченеть от ожидания и явно заскучали в обществе старого, сильно облезлого в их глазах кота. Они в нетерпении поглядывали в сторону своих молодых резвых котов, которые тусовались в предвкушении вкуса рождественских птичек, которые бы перепали им от их игривых и резвых подруг... Не совсем чтобы старый начинающий облезать кот, оглядев всю молодую компанию котов и кошечек, вдруг понял, что на это кошачье Рождество он старался вовсе не для этих игривых и красивых кошечек, а для той, не совсем чтобы молодой и пушистой, которая даже не соизволила придти на его любимый праздник. Старый потрепанный кот начисто забыл, что в общем-то на этот праздник он ее и не приглашал... Вдруг его пронзила ужасная догадка: «А что если она как и все его прежние кошечки, тоже нашла свою голову с другим не совсем чтобы старым и облезлым котом?!» От этой мысли его давным-давно потерянная в бесшабашном хороводе игривых и резвых кошечек голова окончательно нашлась.

Он стремительно сгреб всех своих рождественских птичек и ураганом сорвался с крыши, оставив всех игривых красивых молодых кошечек и резвых предприимчивых молодых котов без привычных щедрых рождественских подарков. Он мчался к своей когда-то потерянной голове, чтобы встретить свой самый любимый кошачий праздник - Рождество. Не совсем чтобы очень старый и облезлый кот очень торопился увидеть свою не совсем чтобы очень молодую и пушистую кошечку. А как вы думаете, успеет?

САЛАТ ИЗ ГРЕЙПФРУТОВ

Мы сердце женщины куем
В диск, наше солнце отражающий:
Целуем, молимся, поем –
Мы сердце женщины куем.
Проходит срок и видим в нем
Нежданный лик нас раздражающий...

Ив. Рукавишников

Ярость охватила все его существо, пытаясь найти выход. Почти нечеловеческим усилием воли он загонял ее внутрь, не давая ей обрушиться на жалко сидящее перед ним несносное существо. Он сосредоточенно смотрел на экран компьютера, пытаясь создать видимость своей умопомрачительной занятости и молил Бога, чтобы она наконец сообразила убраться из кабинета без его помощи и тихо себя ненавидел за собственное безволие.

Хотя, скорей всего, это было опасение не оказаться (в который уже раз!) подлецом в глазах женщины. Да что там женщины, он уже и сам всерьез начинал задумываться над своей подлой сутью и мысли об этом причиняли ему страдания. Порой он себя жалел за то, что именно на его пути встречались женщины, с которыми на каком-то этапе нормальное общение становилось невозможным. Он уже начинал верить, что все женщины такие взбалмошные, непредсказуемые, нахрапистые, цепкие с собственным понятием гордости и порядочности. Наверное, из-за «дурацкого» воспитания полученного в детстве, к слабому полу он всегда проявлял исключительно подчеркнутое

внимание. В каждой женщине он мог увидеть то особое, что зачастую было скрыто от других мужских глаз. Видел и подчеркивал, что всегда заканчивалось тем, что, без исключения все его дамы, уверенные в своей неотразимости, пытались его заарканить. Только понял все это он только сейчас!

Она жалко сидела перед ним, нервно передвигая канцелярские принадлежности на его рабочем столе. Вид ее накладных крикливо покрашенных ногтей, теперь уже наталкивал его на мысль о неестественности ее губ, как ему уже теперь казалось, накачаных силиконом. Именно эти надутые губки придавали ее кукольно-фарфоровому личику невинное выражение и только быстрый, не совсем непорочный взгляд серых, с нетипичным для грузинок разрезом глаз, мог в какой-то момент выдать глубоко спрятанного хищника, готового в любой подходящий момент раздавить свою жертву и подчинить своей воле. Теперь он проклинал себя за то, что не обратил внимания на ее руки с накладными ногтями на том злополучном совещании, когда он ее первый раз увидел.

Впрочем, с чего это он должен был увидеть ее руки? Ведь увидел он ее уже после совещания, когда сотрудники, с шумом задвигая стулья, начали расходиться. Он почему-то не торопился вставать и вдруг его взгляд притянул дразняще вздернутый рюшик на высоко задравшемся подоле юбки, который она торопливо одернула. И в этом молниеносном и испуганном движении ему вдруг почудилось такое целомудрие, что этот жест показался чуть ли не знаком Судьбы, наконец пославшей ему девушку, которую он через всю жизнь готов был пронести на руках.

Пока они шаг за шагом изучали друг друга, все было потрясающе восхитительно. Он часами, молча, мог наблюдать за выражением ее капризного личика с розовыми, всегда обиженными губками, купаться в лучах ее больших, чуть не в поллица, серых глаз и слушать мелодичный, чуть с провинциальными нотками, как ему тогда казалось, придающий ей особый шарм, голос. Правда, временами он вдруг беспричинно раздражался, но связывал свое раздражение скорей всего с ее выцветшими и безжизненными от частого окрашивания волосами, которые придавали ее непорочному, невинному облику вызывающую

броскость и временами бесстыжую искусственность. Нет, блондинки ему очень нравились, но он принадлежал к числу тех очень немногих в эпоху усовершенствованных косметических технологий мужчин, кто во всем предпочитает естественность. Соответственно, ненатуральным блондинкам, натуральных ша-тенок. Хотя это его золотое правило, казалось, было забыто навсегда.

Своей хрупкой, невинной и казалось, неуверенной красотой, она его здорово заводила. Пожалуй, она была первой из всех встречавшихся на его пути женщин, которая могла проходить по его заказанной для всех территории – душе. Он балдел, как она искусно ограждала его от всех нежелательных для нее контактов с другими девушками. И таял от такого проявления ее любви, каждый раз после победы над потенциальной соперницей, заканчивающееся, возбуждающей его чуть ли не до умопомрачения, какой-то, порочно-надменно-таинственной улыбкой, которой она неизменно одаривала его в таких ситуациях.

Она так искусно вскружила ему голову и заставила себя желать, что он почти не замечал, как она цепко умела хвататься за его локоть и как-то не совсем целомудренно прижиматься к нему всем телом на виду у всех. Она не церемонилась показывать всему миру –« Он мой!». Все это его здорово возбуждало и он, такой во всем сдержанный, повелся на эту ее игру. Ему хоть и противно об этом вспоминать, но никогда не сможет вычеркнуть из своей памяти, как однажды в ресторане, после того, как заметил чей-то пристальный взгляд с соседнего столика в ее сторону, словно пытаясь доказать тому, с соседнего столика, что эта неземная женщина принадлежит только ему, вдруг принялся целовать ее руку, от кончиков пальцев поднимаясь горячими губами вверх к плечу. Еще немного и здесь, в ресторане на виду у всех, он сделал бы ей предложение, но его остановил теперь уже презрительный взгляд с соседнего столика.

Конечно же, ему нравилось, когда он ловил завистливые взгляды мужчин, которые бы тоже были не прочь иметь рядом такую роскошную женщину. Дефицита красивых женщин рядом с ним никогда не было, но ни одна из них никогда не смела предъявлять на него свои права. Завертевшись в водовороте

своих чувств, какое-то время он даже не задумывался над тем, что вряд ли позволит даже самой раскрепощенной женщине в мире посягнуть на самое дорогое для него – свободу. Свободу он любил больше всего на свете и где-то там, глубоко в подсознании знал, что полюбит бы по-настоящему только ту женщину, которая бы знала настоящую цену этой свободе, оберегала бы ее и даже в браке смогла бы это сохранить. Однако на какое-то время этот жизненный принцип был забыт, и он с готовностью отдался во власть хрупкой женщины с огромными серыми глазами и цепкой хваткой.

Она уверенно принялась вводить его в свой, не совсем понятный ему мир. Мир состоящий из двух крайностей: сопровождаемый многочасовыми ритуалами и стояниями на службах в храме и истерически шумными тусовками в многочисленных барах и ночных клубах, заканчивающимися под утро. Причем и в храмах, и в барах, она выглядела одинаково невинно и сексуально, заставляя его все больше терять голову. За довольно короткий срок она стала занимать все его свободное и несвободное время. Рука все время тянулась ей позвонить, и ему требовалось большое усилие воли, чтобы подавить в себе это желание, и не дать ей почувствовать, насколько сильно он в ней нуждается.

Зато она не церемонилась и могла позвонить в любое время – и на совещание и посреди ночи, чтобы сказать ему какую-то глупость. Он стал полностью зависимым от нее и ее звонков, к тому же его все чаще терзали муки жестокой, подлой ревности, когда она названивала ему со всяких шумных тусовок, которые он категорически отказался посещать, за редкими исключениями. В такие дни он вставал особенно разбитый и измотанный от бессонно проведенной, полной мук ревности, ночи.

Ему уже все чаще хотелось уединения с ней. Следует отдать ей должное, она с легкостью приняла его условие. Но муки ревности не прекратились. Ночные звонки стали явно реже, и это его стало напрягать. Ему было стыдно себе в этом признаться, но он стал подозревать (и наверное, не без основания), что этим она пыталась его обмануть. Он не мог отделаться от мысли, что по ночам, когда телефон молчал, она похоже, оттягивалась в какой-нибудь полусветской и

полубогемной компании.

Но при виде ее капризных розовых губок и лучезарных огромных серых глаз, он моментально забывал обо всех своих подозрениях и готов был просить прощения за то, что она и не собиралась, в принципе, замечать. Она настолько заняла его собой, что он, в общем-то перестал интересоваться всем, кроме нее. Он уже все чаще представлял свою сероглазую красавицу в ослепительном подвенечном платье и жемчужном венце рядом с собой. Он окончательно был готов сделать ей предложение и только ждал подходящего для этого случая, который очень скоро представился. Она наконец пригласила его к себе домой на кофе, предупредив, что предки уезжают на несколько дней. Он был на седьмом небе от счастья, что ему предоставилась возможность увидеть свою любимую в домашней обстановке. Теперь и он покажет ей свои неафишируемые достоинства – он прекрасно готовил и время от времени баловал близких друзей кулинарными изысками.

В назначенный час, в субботу, он с огромным пакетом набитым всякой заморской снедью и пятилитровой бутылью кахетинского красного вина, специально привезенным для этого повода из Кварели, волнуясь, как первоклашка, стоял перед заветной дверью. Она ждала, но встретил его не уютный домашний запах, который он так любил, а резкий запах ее новых духов, которым она его обдала, когда с визгом повисла у него на шее и каких-то, таких же резких как ее новые духи, заморских благовоний, в которых он не разбирался и ненавидел их ароматы, какими бы модными они не считались. Она и не подозревала, что всякие резкие запахи подобного типа моментально способны были приглушить в нем все самые благие порывы. Видно поэтому он с удивлением отметил, что и одета она была не совсем обычно. Она, нравившаяся ему за строгий стиль в одежде, предстала в непривычном для него вызывающем, не в меру открытом платье, словно напоминая ему о ночных муках ревности. Он упрямо уклонился от ставшего вдруг липко-мокрым поцелуя и деловито предложил провести его прямо на кухню, чтобы он мог разгрузиться и приступить к кулинарному ритуалу в ее честь. На миг ему показалось, что его задуманный для нее сюрприз ее разочаровал,

но совместная возня на кухне заставила его обо всем забыть, и он опять поднялся на привычную волну блаженства, вызываемую ее близостью.

Готовить он очень любил и хотя с годами он все реже мог себе это позволить из-за хронической нехватки времени, это был для него особый ритуал, к которому допускались не все. Даже мама. Как это ни странно могло показаться для мужчины, но именно на кухне, во время колдовства над различными заморскими блюдами, приходили на ум самые невероятные идеи, которые затем он с легкостью мог осуществлять. Иногда ему казалось, что его поварское экспериментирование на кухне, в сочетании, казалось бы, несовместимых продуктов, часто помогало ему в других сферах совмещать несовместимое. Кулинария для него была также своего рода тестом для девушек, с которыми он пересекался по жизни и подумывал связать свою жизнь. Но увы, этот «тест» ни одна из них не смогла пройти, то ли теряясь от его чуть ли не деспотической уверенности на кухне, то ли он сам слишком строго подходил к этому экзамену. На этот раз же все было прекрасно, ему казалось, что наконец нашел женщину, с которой наверняка уживется на одной территории. Она покорно выполняла все его поручения, умело резала лук, мыла зелень и при этом не забывала одаривать его одной из своих самых очаровательных улыбок. Он вдруг поймал себя на кощунственной мысли, что если она сейчас в этом священном для него, ритуальном процессе подбросит собственную идею, он нарушит свои незыблемые принципы и подчинится ей. Но, увы, идей не возникло, что слегка его, конечно же разочаровало.

Вообще, ужин получился не такой, как он ожидал. Его фирменный салат из грейпфрутов, который так потрясал всех без исключения его знакомых гурманов, как ему показалось, особого впечатления на нее не произвел. Но она без умолку щебетала и расхваливала его кулинарные способности и особенно этот салат из грейпфрутов, видимо, следуя своей женской интуиции, вызывая в нем глухое раздражение. Он вдруг почувствовал усталость и вспомнил, сколько дел, которые он не успевает сделать в течение рабочей недели, нужно будет сделать завтра. К тому же запах этих чертовых благовоний был

неистребим и головная боль, которая началась у него почти сразу, как он переступил порог этого дома, становилась уже почти невыносимой.

Она капризно надувала губки и явно пыталась подвигнуть его на нечто большее, нежели возня на кухне. Но то ли из-за дикой головной боли вызванной этим дурацким запахом благовоний и ее новыми резкими духами, то ли непонятно еще от чего, ему хотелось только одного – как можно быстрее оказаться дома и остаться наедине с собой.

Забыл он также сказать ей уже столько раз мысленно прокручиваемые слова о соединении их сердец...

В воскресенье он отключил телефон, чтобы никто не беспокоил. Понедельник же на работе начался с мелких неприятностей перешедших в бестолковую сумятицу и он до вечера не смог ей позвонить, чтобы поболтать и обменяться впечатлениями о проведенном вечере и договориться о встрече. Он был в такой запарке, что и на ее несколько звонков не смог никак ответить. Как-то не хотелось переключаться при посторонних с сухого делового тона на воркующий, которым он, большей частью, с ней общался.

Когда наконец он смог ей ответить, его неприятно поразил каскад упреков обрушившийся на него из трубки, к тому же появившиеся в ее голосе новые, хозяйственные что ли, нотки вызвали в нем всплеск ярости, которой он с ней никогда не проявлял. Он огромным усилием воли подавил в себе эту ярость, молча дослушал тираду в которой его называли черствым, бездушным, подлым фраером, до которого отныне ей нет никакого дела. При этом ее голос стал каким-то неприятно визгливым, от чего опять начала глухо болеть голова. Девочка явно вступила в ту запретную зону, куда входа не было никому без исключения, даже родным матери и брату. Он взял себя в руки, предложил ей успокоиться, пообещал позвонить завтра и в сердцах отключил мобильник.

Вообще, все его близкие друзья знали, что если его трубка отключалась в нерабочие часы, звонить на домашний номер не имело смысла, разве что в самых чрезвычайных ситуациях. А так как он очень редко выходил из зоны доступа, то как-то не подумал дать ей свой домашний телефон.

Он уже начинал засыпать после сумасшедшего дня, когда в комнату заглянула мама и сказала, что его к телефону настоятельно требует какая-то девушка. Подошел он к телефону из какого-то необъяснимого любопытства, недоумевая кому он так срочно мог понадобиться среди ночи. Услышав голос, его словно окатило ледяной водой. Сероглазое, воздушное, хрупкое, непорочное создание грубо требовало его адрес, в противном случае, грозя установить его по городской информационной службе. Он, ничего не соображая, машинально начал диктовать адрес, затылком чувствуя недоумевающий взгляд матери. Также машинально он включил мобильный, обнаружив в нем чуть ли не двадцать пять сообщений с одного и того же ее номера и как подкошенный рухнул в кресло, загоняя вглубь охватившую его ярость. Ничего непонимающая мать от наводящих вопросов воздержалась, и он был бесконечно ей благодарен за деликатность, которая впрочем была отличительной чертой всей их семьи. Звонок раздался быстрее, чем он предполагал. Хрупкое существо было уже под его домом и требовало, чтобы он немедленно вышел.

Он был как в дурном сне и ему казалось, что все это происходило не с ним. Единственное, чего бы никогда он не смог понять, с чего это женщины всегда так раньше времени предъявляли свои притязания к нему, что всегда заканчивалось одинаково – его уходом.

Она стояла в кругу света от фонаря, прямо на проезжей части, беспомощно прижимая к груди какой-то пакет. На какой-то миг в душе шевельнулись нежность и жалость к этому такому хрупкому и беззащитному созданию, но первое же ее движение опять взорвало в нем загоняемую далеко внутрь ярость. Не произнося ни звука, она резко всучила ему непонятный пакет и перехватив его вопросительный взгляд, процедила, совсем как уличная девка:

- Эти остатки пригодятся тебе на романтический ужин с другой герлой!!!

Нет, такого оборота он никак не ожидал. Он даже и представить бы не смог, в какой больной голове могло возникнуть подобное. Ярость куда-то исчезла, оставив место опустошающей благодарности непонятно к кому. Он вдруг

понял, что какая-то добрая сила оградила его от рокового шага, а то что он бы стал для него роковым, теперь он даже и не сомневался. Он молча положил пакет на землю, крепко схватил ее за локоть и свободной рукой тормознул тачку, которая на счастье проезжала мимо. Она, ничего не понимая, собралась было сесть в машину, но сообразив, что он не собирается ехать, истерично-агрессивно заартачилась. Таксист, некоторое время наблюдавший за их возней, вдруг резко сорвался с места, даже не позаботившись закрыть дверь.

Она уже билась в самой настоящей истерике, пихала ему в руки злополучный пакет, кричала на всю улицу, что он подлец и бабник и грозилась утопиться вместе с этим пакетом, если он его не заберет. Ситуация явно выходила из-под контроля, и он начал понимать, что в таком состоянии оставлять ее одну не следовало. Он, преодолев отвращение, почти нежно прижал ее к себе, поцеловал в эти серые, чуть не полюбившиеся ему глаза и нежно предложил подняться вместе к нему домой. Истерика прекратилась моментально. Она обдала его своей очаровательной, лучезарной улыбкой и прижимая к груди пакет, бодро потопала за ним.

Его захлестывала волна благодарности к матери, которая ничем не выдала удивления по поводу визита ночной гостьи. Располагающая улыбка, с которой она открыла им дверь, не сходила с ее лица все время, пока непрошенная гостья находилась в доме. Сероглазое, воздушное создание пило чай с розовым вареньем и что-то щебетало о вреде курения, когда мать прикурила уже третью по счету сигарету. И провожать ее они пошли вместе. Мать и тут проявила деликатность, извинившись, что так ей будет спокойнее в этом известном дурной славой квартале.

А теперь она сидела здесь, что-то щебеча о его потрясающем салате из грейпфрутов, все больше наталкивая его на (отнюдь небеспочвенную в этой ситуации) мысль о том, что если она еще немного задержится в его кабинете, он возненавидит всех женщин на свете. И красивых, и некрасивых. Всех. Таких фальшивых, настырных, хватких и цепких...

КОФЕ

Телефон уже большей частью молчал. С тех пор, как его повысили в должности, он звонил все реже и реже. Другие звонки для нее не имели никакого значения. Она ждала только его звонка, только его родного голоса. Когда она, не сдержавшись, осыпала его упреками, он со смехом отвечал, что ничего не поделаешь, раз он стал „государственным мужем“. Он делал свою карьеру, а она изводила себя и его сценами ревности. Она прекрасно понимала, что становилась назойливой, но ничего не могла с собой поделать. Он раздражался ее назойливостью, но почему-то не шел на окончательный разрыв. Он был ей нужен как воздух, как солнечный свет. Она тоже зачем-то была ему нужна. Она жила в постоянном страхе его потерять. Он же не делал никаких усилий, чтобы ее удержать. Так как больше не было возможности видеться с ним каждый день, у нее появилась потребность каждый день слышать его голос. Он милостиво позволял. Она стала какой-то одержимой. Иногда, когда на нее находило просветление и она была способна трезво оценить ситуацию, то клялась себе, что больше никогда в жизни ему не позвонит. Но проходили дни, безудержная тоска охватывала ее и рука безотчетно набирала знакомый номер. Услышав его обрадованный голос, она готова была умереть от счастья. И все начиналось сначала...

Во время их мимолетных встреч он был ласков и нежен. Словом, становился прежним, и она забывала всю свою боль. Он казался ей самым умным и самым красивым. Она готова была простить ему все, даже его карьеру.

Она жила в какой-то прострации, ее жизнь была заполнена только им, его далекими от нее делами, его непонятными ей совещаниями, конференциями и визитами. Он же становился все более странным. В опере, где они случайно столкнулись, он, стоявший в окружении высокопоставленных лиц, лишь холодно кивнул, даже не утрудив себя подойти или на худой конец улыбнуться. Она окаменела, тут же решив порвать с ним. Но на следующий день он как ни в чем не бывало позвонил, и она не нашла в себе сил хотя бы выразить свою

обиду. В другой раз, когда они вдвоем были в гостях у друзей, при выходе из подъезда он вдруг сказал: „Подожди, я выйду первым“. Она молча вернулась обратно. На следующий день он, как ни в чем не бывало, позвонил... Все это для него становилось нормой, а она не находила в себе сил даже для слабого сопротивления. Она зачем-то боялась его потерять, он же не делал никаких усилий, чтобы ее удержать.

Конца этому не было видно. Она кое-как брала себя в руки, не звонила. Он, обнаружив ее долгое отсутствие, звонил, она таяла от счастья и все опять начиналось сначала... Это был какой-то замкнутый круг, из которого она никак не могла вырваться, словно чья-то безжалостная рука навеки приковала ее к этому кругу.

Они уже почти месяц не виделись. Он был очень занят и даже по телефону не мог ей уделять своего времени. Она же была совершенно изнурена тоской и должна была непременно его увидеть. С ней опять что-то происходило. Она просто должна была заглянуть в его родные, ласковые глаза. Ноги сами понесли ее к нему. К счастью, на этот раз он не был занят. Он, вальяжно развалившись в кресле, предложил ей сесть. Она, наслаждаясь его близостью, не в силах была хоть что-то произнести. Вошла его секретарша и поставила перед ним чашку кофе. Она почему-то страшно испугалась и напряглась. Он, даже из вежливости не предложив ей кофе, потянулся за чашкой и отхлебнул со звуком.

Она вдруг с ужасом обнаружила, что перед ней сидит чужой, обрюзгший мужчина неопределенных лет...

АККУМУЛЯТОР

Ты не такой как все... Таковую как у тебя красоту изображали наши предки на фресках. Я украдкой разглядываю тебя, не в силах оторвать взгляда. К счастью, никто ничего не замечает, и я полностью предоставлена себе. Ты что-то рассказываешь, я не пытаюсь вникнуть, что ты говоришь. Твой бархатный голос звучит для меня какой-то неземной музыкой. Я хочу, чтобы ты говорил, говорил, чтобы эта музыка как можно

дольше звучала во мне. Время от времени ты призывно поглядываешь в мою сторону. Я совсем теряюсь, еще ни один мужчина никогда не обращал на меня внимания... И вдруг ты, как будто сошедший с фрески.

Ты видно привык быть в центре внимания, вся подвыпившая компания с интересом слушает тебя. Ты картинно жестикулируешь. Кажется, ты что-то рассказываешь о своих детях, у меня сжимается сердце от зависти к счастливнице, которая родила тебе детей.

Мне вдруг начинает казаться, что здесь, в этой компании, никого нет, кроме нас с тобой, что ты рассказываешь все это мне. Я готова ради тебя на самый опрометчивый шаг, твой взгляд способен подтолкнуть меня на невозможное. Ты что-то почувствовал, и „идешь по следу“ как борзая, почуявшая добычу.

Я не хочу, чтобы этот вечер кончился. Такого блаженства я еще никогда не испытывала. Никогда никто так сладостно не обжигал меня взглядом. Ты словно зажег во мне множество маленьких солнц.

Тебя зовут к телефону. Наконец-то я могу вникнуть в произносимые тобою слова. Ты ласково беседуешь с женой, уговариваешь ее не дожидаться тебя, ложиться спать. Ты перехватываешь мой полный муки взгляд и торопливо вешаешь трубку. Ты чувствуешь, что я не хочу, чтобы кончился этот вечер и предлагаешь компании просидеть всю ночь. Меня захлестывает волна счастья. Сегодня, сейчас ты мой в первый и в последний раз в жизни. Я, больше не таясь, заглядываю в твои бездонные карие глаза. Ты словно случайно касаешься моей руки, я не отдергиваю ее, тогда ты ласково сжимаешь мне пальцы. Я знаю, сейчас ты мой. Я никого не вижу. Мы с тобой одни во всей вселенной: ты и я. Тебя снова зовут к телефону. Я становлюсь, как натянутая струна. Ты больше не подходишь. Все почему-то замолкают. Из телефонной трубки отчетливо доносится голос той женщины, твоей жены, которая говорит хозяйке дома: „Я ведь нервничаю, места себе не нахожу. Если он очень пьян, пусть за руль не садится. Чтобы чего не случилось, ведь машина оформлена на меня. Пусть не забудет вытащить аккумулятор и добирается до дому пешком...“.

Я украдкой смотрю на тебя. Ты больно сжимаешь мне пальцы и отворачиваешься. Я пытаюсь осторожно высвободить руку.

Ты такой же, как все...

КРАСИВАЯ...

– Посмотри, какая красивая!

Воскликает девушка, восхищенно разглядывая кого-то. Парень даже не взглядывает в ту сторону. Девушка нетерпеливо тербит его за пальцы.

– Как из журнала. А какая шея, какие ноги...

Парень лениво поворачивает голову в направлении восторженного девичьего взгляда. Равнодушно окидывает взором бар, задержавшись на миг взглядом на красавице и опять поворачивается к собеседнице.

– Я очень скучал... Ты сегодня такая красивая...

– Перестань. Мне не до шуток.

– ?..

Длинноногая красавица, словно почуяв добычу, как-то вызывающе покачивая бедрами, лениво подходит к соседнему с ними столику, что-то рассказывает, сопровождая почти каждое свое слово низким, грудным волнующим смехом.

Парень уже не сводит с нее глаз. Его спутница, словно пытаясь сгладить неловкость, нервно закуривает сигарету.

Длинноногая красавица, перехватив его откровенно сладострастный взгляд, царственно направляется к выходу.

– Я привез тебе „Кэмэл“, забыл в машине. Подожди, я сейчас... – торопится он.

Девушка жалко, натянуто улыбается ему.

Через некоторое время в баре опять появляется длинноногая красавица в сопровождении какого-то типа, снисходительно улыбается сидящей в одиночестве девушке и направляется к стойке, ее спутник наливает ей в бокал коричневую жидкость, и она залпом опрокидывает содержимое.

– Представляешь, я оказывается забыл закрыть машину. Ничего себе подарочек стоял ворами! – наигранно смеется парень.

Девушка как будто не слышит его слов и едва заметно улыбается каким-то своим мыслям.

– Здесь полно наших. Ребят встретил своих, отдыхают здесь почти две недели. Почему ты мне не сказала?

– ?..

– Ах, да. Они же не сидят сиднем как ты. Ты могла бы их и не встретить. В общем, попросили меня подбросить их в Ликани.

– А когда тебя не бывает, кто их подбрасывает?

– Сказали, что бензина мало. Не мог же я отказать.

– Пойдем...

– Посидим еще немного. Они знают, что я с тобой.

Подождут.

Девушка опять задумчиво улыбается каким-то своим мыслям.

– Я пойду. Собираться надо...

Парень недоуменно смотрит на нее, пытается что-то спросить, но передумав, лениво поднимается.

Длинноногая красавица уже откровенно-нетерпеливо смотрит в их сторону, потягивая из бокала коричневую жидкость.

– Я на лифте.

– Обалдела. На второй этаж на лифте!

– Иди, иди, а то ребята заждутся.

Из бара выплывает длинноногая красавица.

Девушка входит в лифт и торопливо нажимает на кнопку.

– Под..!

Дверь лифта захлопывается, оборвав парня на полуслове.

Девушка быстро подходит к номеру, долго не может попасть ключом в замочную скважину, наконец-то открывает дверь и несется на балкон.

От здания торопливо отруливает красная машина, рядом с водителем сидит длинноногая девица. Она потрясающе красива...

ЩУПАЛЬЦА СТРАХА

ТРУСИХА

Посвящается Кэти и Нуке

Вообще я ужасная трусиха и не пытаюсь этого скрывать. Я уже привыкла к тому, что стала предметом насмешек домашних, и даже мои дети время от времени проводят мне „сеансы страха“.

Боюсь я всего: темной комнаты, лифта, высоты, собак, в общем, всего не перечислишь. За всю свою жизнь я ни разу не посмотрела ни одного фильма ужасов, опасаясь, что после такого фильма попаду в психушку. Да что там фильм ужасов, если после фильма „Окно в спальне“ я три месяца не могла спокойно подходить к лифту. Нажав на кнопку вызова, я мгновенно прижималась спиной к стене, так мне было удобнее наблюдать за площадкой, теперь никто не смог бы подойти ко мне незамеченным.

Потом я стала бояться пуль. Стоило мне в каком-нибудь переулке заметить бородатого типа, как у меня подкашивались ноги, и я слышала свист пули возле своего уха. Почти полгода я ходила, ощущая себя ходячей мишенью, и ничего не могла с собой поделывать. Муж уже всерьез собирался отвести меня к психиатру, но, слава Богу, обошлось...

Знакомые подтрунивали надо мной: – А если кто-нибудь на самом деле к тебе прицепится?

– Умру, – вполне серьезно отвечала я.

Я еще не рассказала о всех своих страхах, впрочем, это ни к чему. Думаю, вы уже смогли себе представить, какая я трусиха.

Правда, сейчас мне уже легче, и я не чувствую себя так одиноко. Сейчас, кажется, боится весь город. После шести вечера людей на улицах не видно. Но сколько ни трясись, а жизнь есть жизнь, и я решила сводить детей на концерт в филармонию, договорившись с мужем, что к семи он заедет за нами. Не знаю, может, в связи с тяжелым энергетическим положением, с расчетом, что зрителям нужно как-то добираться домой, концерт закончился раньше времени. Решив, что ждать

мужа не имеет смысла, мы с детьми пошли пешком, благо жили недалеко от филармонии...

Вечер был удивительно теплый и спокойный. И людей для этого часа было на улицах не мало. В общем, все было, как в старые добрые времена.

Но вдруг я почувствовала, что меня начал охватывать страх. Я крепче схватила детей за руки и потащила за собой, время от времени оглядываясь назад. За нами шла пожилая чета и несколько ребят, не внушавших никаких опасений.

Но страх неумолимо гнал меня вперед. Я уже наученная опытом избавления от этого состояния знала, что должна как можно быстрее попасть домой, чтобы успокоиться. На нашей улице было безлюдно и жутковато. Я торопливо волокла за собой детей, позади гулко раздавались чьи-то шаги. Оглядываясь я уже не решалась, по горькому опыту зная, что в таких случаях страх становится словно осязаемым.

У своего подъезда я облегченно перевела дух и бодро собралась нажать на звонок, как вдруг кто-то больно схватил меня за руку.

– Бабу...– закричала Нука, но ребенку зажали рот. Мы с детьми стояли в окружении ребят, которые несколько минут назад, непринужденно беседуя, следовали за нами.

Я обалдело уставилась на них.

– Вы что?!

– Ничего. Раздевайся!

– Что-о?!

– Снимай дубленку!

И какой-то предмет уперся мне в живот.

– А это еще что?

– Нож... – поднесли к моему носу что-то блестящее.

– А если не сниму, тогда что?

– Проткнем тебя вместе с твоими гаденышами...

Я взглянула на детей и стала раздеваться, один из парней галантно мне помог, и они моментально исчезли в темноте.

В это время из-за угла появилась машина и, подталкиваемая внезапным порывом, я бросилась чуть ли не под колеса автомобиля. Водителю пришлось остановиться. Торопливо впихнув детей в машину, я крикнула, чтобы он

побыстрее ехал в том направлении, куда пошли парни. Водитель так ничего и не понимая, молча сорвал машину с места. И от неожиданности чуть не врезался в урну, на мой истерический вопль: Остановите!

На центральной улице было многолюдно, а в самом освещенном месте, около универмага я увидела тех самых ребят, не внушавших никакого опасения. Один из них вышагивал в моей дубленке.

Не помня себя, я выскочила из машины.

– Подонок, отдай мою дубленку!

Прохожие удивленно оборачивались. Грабители застыли как громом пораженные.

– Ублюдок, снимай сейчас же, а то не знаю, что я с тобой сделаю! – кричала я в испуге.

Он начал торопливо расстегивать непослушными пальцами пуговицы, потом кое-как содрал с себя дубленку, швырнул ее на асфальт. «На, подавись!» – и кинулся вдогонку за своими друзьями.

Я отряхнула свою дубленку, накинула ее на себя и, не обращая внимания на обалдевших прохожих, направилась к машине, с ужасом чувствуя, как меня снова объят страх.

ТРУП

– Ой, убили!!! На помощь!

По коридору, сломя голову, неслась Медея.

– Где?!

– Кого убили?!

– Женщину. Там. Около лифта!

– Не может быть...

Мы побежали за ней по коридору, но Медея рвалась не к лифту.

– Нам, кажется, не туда, – попыталась я возразить.

– Там из окна все видно, – выпалила она.

В коридоре у окна толпились сотрудники учреждений, разместившихся на нашем этаже. Медея вцепилась в мою руку и стала энергично подталкивать к окну.

– Вон, смотри!

– Где?

– Вон же, в подвале, около лифта.

Я оцепенела от ужаса. До этого мне никогда не доводилось вот так, прямо на улице, видеть труп. Убийца, видимо, второпях даже не удосужился затащить несчастную в глубь подвала. Труп распластался прямо у входа в подвал, руки и ноги неестественно раскинуты, видимо, женщина умирала в страшных, нечеловеческих муках. Она была одета во что-то красное, и поэтому отсюда, с высоты четвертого этажа, невозможно было различить следов крови.

– Что же это такое творится! – причитала мне в ухо какая-то толстая женщина.

– Сволочи, убивают людей, как тараканов.

– Все с оружием ходят. Чего уж удивляться?

– Милицию нужно вызвать!

– Во дворе же люди живут, неужели они не слышали криков?!

– Может, ее уже убитую подбросили туда?

– Я к этому лифту и на пушечный выстрел не подойду!

– Да уж. Лучше пешком подниматься.

– Вызывайте милицию. А я спущусь туда, – наконец-то нашелся какой-то смельчак.

– Без милиции нельзя ее трогать!

– Да я и не собираюсь! Просто до каких пор мы будем глазеть сверху на эту несчастную!

– Я тоже с вами! – вызвался еще какой-то мужчина.

Кто-то побежал звонить в милицию. Мы затаив дыхание наблюдали за мужчинами, которые приближались к трупу. Один из них стремительно наклонился и легко подхватил труп на руки.

– Безобразие! Сказали же, без милиции не трогать! – вскипятилась моя толстая соседка.

Раздался гомерический хохот.

– О, Господи! Свихнулся несчастный! – со вздохом произнес кто-то.

Мужчина поднял труп высоко над головой и потряс им.

– Люди... – давясь от смеха, выкрикивал он, – это... это манекен!..

На некоторое время всех как будто парализовало, а потом раздался нервный истерический хохот, кто-то всхлипывал, кто-то стонал, кто-то согнулся в приступе смеха и не мог разогнуться.

А в милицию так и не смогли дозвониться...

БЛАГОРОДНЫЕ ЛЮДИ

И зачем мы только пошли танцевать?!

Нет, лучше расскажу по порядку. У вас сбывалась когда-нибудь мечта? Ну, не совсем чтобы хрустальная, но что-то около того. Так вот, я наконец-то стала обладательницей песцовой шубы, о которой мечтала всю свою сознательную жизнь. Я никак не могла на нее нарадоваться. Она так нежно меня обхватывала и ласкала шею, как не смог бы этого сделать ни один мужчина в мире. Мне казалось, что никто не мог пройти мимо меня равнодушно. Все окидывали меня восхищенным взглядом (ну, не меня, конечно, а мою обалденную песцовую шубу). Я боялась, что в Тбилиси будет еще жарко, и я не смогу пока ее носить. После такой большой покупки наше финансовое положение несколько пошатнулось и мне пришлось уламывать Левана пойти в ресторан, дескать, не каждый же день мы приезжаем в Москву и, вообще, кто знает, когда еще удастся нам сюда выбраться. После долгих уговоров и моих истерик Леван наконец сдался и мы отправились в „Континенталь“.

Признаться, мы уже, кажется, начали отвыкать от нормальной жизни, от оживленных, беззаботных лиц. Я важно сдала в гардероб свою мечту и гордо вплыла в ярко освещенный переполненный зал. Леван с трудом выискал столик и углубился в меню. Я блаженствовала. Нас окружали красивые женщины, усыпанные драгоценностями, и элегантные мужчины. „Хорошо, что я сообразила прихватить свою бриллиантовую тройку, а то бы сидела здесь, как бедный родственник“, – облегченно

подумала я. Ведь в Тбилиси мы уже давно ничего не носим из страха быть ограбленными.

К нам подошла симпатичная пара. Девушка была примерно нашего с Леваном возраста, парень – чуть постарше. Парень попросил разрешения сесть за наш столик. Мы с Леваном, разумеется, ничего не имели против. Миша и Оля, так представились наши новые знакомые, были мужем и женой. Мы как-то сразу сблизились, тем более, что Миша с Олей были в курсе происходящих у нас событий, и я уже заметила, что это во мне всегда вызывает расположение к собеседнику, когда не приходится доказывать, что „я – не верблюд“. Я как-то расслабилась, забыла о войне, о грабежах, об очередях за хлебом, словом, обо всем, что так отравляло всем нам жизнь. Мне было хорошо, как давно так не было. Леван с удивлением поглядывал на мою сияющую физиономию. Миша заказал шампанское и, хотя Леван сопротивлялся, веский аргумент, что не только в Грузии умеют принимать гостей, заставил Левана отступить.

Я захотела танцевать, чем изрядно ошарашила Левана. Наверное, года три, если не больше, подобного желания я не изъявляла. „Сидела бы уж лучше“, – по-грузински процедил Леван, но я взвилась, и он, извинившись перед сотрапезниками, повел меня в круг. Миша нас встретил с очаровательной голливудской улыбкой и бокалами в руках, мы все чокнулись и залпом опрокинули содержимое...

Очнулась я в незнакомом помещении. Я никак не могла сообразить, где я нахожусь. От холода ломило все тело. Одетая была во что-то непонятное. Первое, о чем я подумала, это – то, что я умерла и вот сейчас нахожусь где-то по пути на небо, но появившийся передо мной субъект был что-то уж слишком земным. Я напряглась и обнаружила, что этот субъект в милицмейской форме. Увидев, что я продрала глаза, он рывком поставил меня на ноги. Наконец-то я увидела Левана и обомлела. У нас никогда в жизни не было подобного тряпья... „Ну, рассказывайте“, – ласково-зловеще протянул милиционер. „Сначала вы расскажите, а потом мы расскажем, собственно нам и рассказывать-то нечего. Ужинали в ресторане, а оказались почему-то здесь...“. „Наверное, надрались как сапожники, вот и

оказались!“ – как-то неуверенно резюмировал милиционер. „Насколько я помню, мы выпили от силы по три бокала шампанского. Послушайте! – взорвался Леван. – Где мы и как мы тут оказались!“ Милиционер развел руками. Левану пришлось рассказать по порядку.

Оказалось, милиция подобрала нас на улице, мы, вырубленные, валялись прямо на снегу. Слава Богу, что нас вовремя обнаружили, а то до утра мы бы наверняка не протянули.

Видимо, милые Миша и Оля, пока мы танцевали, подсыпали нам в бокалы какой-то гадости. Вот мы и вырубались. А потом, наверное, заботливо нас поддерживая, повели в гардероб, услужливо помогли одеться под укоризненные взгляды швейцаров вывели на улицу и, может, остановили такси.

Ой, чуть не забыла. В ресторане Миша с Олей великодушно за нас расплатились, избавив нас тем самым от излишних хлопот в милиции...

Все же не перевелись еще на свете благодарные люди...

ТЬМА

25 сентября в Багеби, в окрестностях университета найден труп неизвестной девушки. На жертве обнаружены следы сильных побоев. Экспертиза не установила факта изнасилования. Также отпадает версия убийства с целью ограбления, так как драгоценности находились при жертве.

Из криминальной хроники

Тротуар напротив филармонии был запружен людьми. Все возмущенно переговаривались и тянули шеи в сторону дороги. Любопытство подтолкнуло меня приблизиться к толпе и посмотреть, что же происходит, хотя я не сомневалась, что произошла какая-нибудь авария. Увиденное заставило меня содрогнуться от леденящего ужаса. В три часа дня, в центре города прямо на проезжей части валялась красивая девушка 18-

19 лет в бикини, не проявлявшая никаких признаков жизни. Суетилась полиция, тревожно сигналили машины, возмущались люди. Я, совершенно оглушенная, пробиралась вон из этой толпы. Вслед мне неслись догадки: „Наверное, изнасиловали и выбросили...“ „Изнасиловать не смогли и в отместку выбросили полуголую...“ „Наверное, в машине же хотели трахнуть, вот и выпрыгнула, несчастная...“.

Телефон звонил не переставая, я попыталась зарыться в подушку, чтобы не слышать этого трезвона, но ничего не вышло. Я зло схватила трубку.

– Да!

– Нинка случайно не у тебя?

– Ты что, очумела?! Который час? – окончательно проснулась я.

– Половина первого. Что-то случилось. Ты же знаешь, она никогда так не опаздывает, – запричитала трубка. – Я уже всех обзвонила, нигде ее нет.

– Успокойся. Ничего страшного. Я сейчас приду, – как можно спокойнее сказала я. Плохо соображая, стала одеваться: „Господи, что произошло? Наверно, что-то страшное. Нинка бы так не опоздала...“

Мы обзвонили все больницы, морги, отделения. И все впустую. Мужчины собирались идти на поиски, хотя все прекрасно понимали, что это ничего не даст. Все были в панике, хотя и старались не показывать этого друг другу. Если кто-нибудь вдруг срывался, его немедленно выставляли в другую комнату. Терпели только рыдания ее мужа, время от времени одергивая и его. И все же, где-то в глубине души я еще на что-то надеялась. Хотя в это проклятое, смутное время надежды было мало.

Пришла Нинка под утро. Открыла своим ключом дверь, вошла в комнату, обвела нас всех невидящим взглядом и прошла в спальню. Мы словно окаменели. Одежда на ней висела мокрыми окровавленными лоскутами, из распухшей, разбитой губы сочилась кровь. Через некоторое время она слабо позвала меня, вслед за мной протиснулся и ее муж.

– Оставь нас, пожалуйста. Не бойся, не изнасиловали, – каким-то незнакомым голосом сказала она ему.

Чтобы не делать пересадки на Вокзальной и не видеть потерявших человеческий облик людей, берущих штурмом вагон метро, Нинка решила выйти на Церетели и немного пройтись пешком. Часы уже были переведены на зимнее время и, хотя еще было только семь часов, на улице стояла крошечная тьма. Ни один фонарь не горел и только фары проносящихся машин с грехом пополам освещали улицу. Около стадиона „Динамо“ ей стало не по себе. Прохожих не было видно и она шла, спотыкаясь и поминутно проваливаясь в выбоины давным-давно проложенного и уже выщербленного тротуара. Свет фар выхватил из темноты мужской силуэт, который направился в ее сторону. Нинка предусмотрительно отошла, уступая ему дорогу. Мужчина рванулся к ней и она ощутила что-то твердое под левой грудью. Нинка тихо вскрикнула и выронила пакет с фруктами.

– Не вздумай закричать, если не хочешь здесь же превратиться в труп, – холодно произнес незнакомец и пребольно стиснул ей запястье. От страха у нее отнялся язык и по горлу разлилась какая-то неприятная сладость. При всем своем большом желании, она все равно не смогла бы выдавить ни звука. Мужчина, прекрасно оценив ситуацию, стал подталкивать ее в сторону проезжей части. Обняв ее за талию, не выпуская при этом запястья, приказал ей голосовать. Как ни странно, стоять пришлось недолго, почти сразу им остановила красная „девятка“. Мужчина открыл дверцу и втокнул вялую, несопротивляющуюся жертву на заднее сиденье.

– Куда? – развязно спросил водитель.

– В Багеби.

– Десять тысяч.

Мужчина в ответ осклабился и с силой хлопнул дверцей.

– Платите лучше сейчас, – не торопился водитель заводить машину.

– А как же, – проговорил мужчина и приставил к его затылку пистолет.

– Все понял, – пробормотал несчастный и рванул машину.

Страх затопил ее всю, парализовал волю, она всецело

отдалась неизвестности. Мужчина больно тискал левую грудь, запястье хрустело под его железными пальцами. Было ему лет около сорока. И одет он был богато и элегантно. Встреться такой среди бела дня, ей бы и в голову не пришло, что этот мужчина мог бы представлять опасность. Пожалуй, смогли бы насторожить неестественно ярко-красные губы, которые он поминутно облизывал и какой-то злой прищур красивых серых глаз.

Машина поднималась вверх, выхватывая из темноты редкие строения.

– Останови! – отрывисто бросил мужчина.

Водитель поспешно затормозил.

– Держи свои деньги. И не вздумай никуда звонить, а то из-под земли достану.

– Спасибо, – промямлил водитель и сорвался с места.

Нинка почувствовала, как с исчезновением машины погасла и последняя, хоть и неосознанная надежда. И как ирония судьбы, в этой забытой людьми местности слабо светился заброшенный, никому здесь не нужный фонарь. Стояла тревожная, мрачная тишина, изредка нарушаемая далеким собачьим лаем.

– Ну, что, нравится? – хрипло спросил незнакомец и рывком притянул ее к себе. – Надо же, от страха ты стала как тряпичная кукла. Неужели я такой страшный?

Нинка жалко посмотрела на него. Она поразилась, как он точно подобрал выражение. И правда, тряпичная кукла. Кукла, с которой все можно сделать и которая не окажет никакого сопротивления, просто потому, что она неодушевленная. И она сейчас уже неодушевленная. Это ясней ясного. Иначе не нужно было ее сюда завозить.

Вдруг ее осенило. Она торопливо сорвала с себя цепочку, обручальное кольцо, колечко с изумрудом и протянула мужчине.

– Вот. У меня больше ничего нет.

– Дешево же ты решила отделаться. Вот уж не подумал бы, что я так похож на побирушку, – хрипло процедил мужчина и грубо скомкал ее ладонь. Кольцо больно впилось в руку.

Нинка тихо вскрикнула. Его лицо озарила многозначительная улыбка.

– Не стесняйся, кричи громче, все равно никто не услышит. Кольцо, казалось до крови врезалось в ладонь. Он развел ее пальцы, выгибая их до отказа, суставы хрустели, казалось, он хотел их сломать. Нинка могла бы перенести все, но только не боль. Боли она боялась больше всего на свете. Даже от самой пустяковой болячки у нее моментально поднималась температура. Она не могла смотреть фильмы со сценами насилия, все тело начинало ломить от боли, она почти физически ощущала себя на месте пытаемой жертвы. Порой она думала, что, возможно, в какой-то прежней своей жизни ее подвергали невыносимым пыткам и поэтому она так чувствительно воспринимает все, что связано с насилием. Нинка безудержно стонала, не в силах с собой совладать. Боль волнами пронзала тело и впивалась в самое сердце.

Мужчина собрал кольца и цепочку и аккуратно сложил в нагрудный карман:

– Бог свидетель, что я не собирался тебя грабить. Сука, с чего ты решила, что я побирушка! – вдруг взревел он и обрушил на Нинку удар страшной силы. У нее оборвалось сердце и она с диким криком врезалась в фонарный столб. В позвоночнике что-то хрустнуло. К ее же удивлению, сознания она не потеряла и успела заметить, как алчно вспыхнули глаза страшного незнакомца. „Мама, мамочка, помоги,“ – мысленно взмолилась она к недавно умершей матери. Вдруг ее осенило, что кричать не надо ни в коем случае, даже если будут четвертовать. Второй удар страшнее первого сбил ее с ног. Нинка даже не вскрикнула, закусив до крови губу. Озверевший мужчина топтал ее груди, живот.

– Кричи, сука, кричи, – хрипел он.

Вдруг он резко наклонился, встав коленями на груди и буравя их, словно хотел придавить груди к спине, сомкнул пальцы на шее и принялся душить. Нинка захрипела, он совсем близко приблизил свое лицо, обдав сладким мятным запахом изо рта. Нинка начала терять сознание: „Мамочка, за что...“

– Нет, это слишком сладкая смерть, – разжал пальцы мучитель.

Нинка содрогнулась: „Господи, побыстрее бы это кончилось. Пусть лучше сразу убивает...“

– Чего тебе от меня надо? Убить хочешь? Убей.

Он рассмеялся низким бархатистым смехом.

– Убью, только не так скоро. Мне с тобой хорошо.

– Спасибо.

– Как тебя зовут?

– Нина.

– Нина-Нина, тебя что, в детстве не учили, что нельзя поздно ходить одной? Сказок про Синюю Бороду не рассказывали?

– Не было поздно.

– Да. Но темно. О-очень, Нина, темно, – вдруг заговорил он на безупречном русском.

Нинка не нашла, что ответить.

– Ты замужем?

– Да.

– Дети есть?

– Девочка. Она, наверное, места себе не находит, что меня так долго нет. Без меня ее не смогут уложить спать... – попыталась она пробудить в нем хоть что-то.

– Ладно-ладно. Все равно не разжалобишь. И не такое мне заливали... – недобро усмехнулся он. – Скажи мне, Нина, ты меня боишься?

– Нет, – твердо сказала она, сама удивляясь тому, что страх куда-то улетучился.

– Вот как? Почему же?

– Я, вообще, не трусиха, – соврала Нинка.

– Вот как? И даже смерти не боишься?

– Раньше очень боялась, а после смерти мамы перестала.

Нинка попыталась сесть, все тело немилосердно ломило. Он ей помог. Теперь он разглядывал ее почти влюбленными глазами.

– А ты красивая...

– Спасибо. Знаю.

Вдруг он припал губами к ее коленям. Нинка испуганно сжалась. Он стал осыпать поцелуями ее ноги. Липкий страх опять захлестнул ее истерзанное тело.

– Нина. Ты святая. Святая Нина, – лепетал сквозь поцелуи мужчина. Он рывком поставил ее на ноги, чуть не выдернув руку из плеча и подтолкнул ее к тому проклятому фонарному столбу.

– Прижмись крепче. Раскинь руки.

Нинка покорно выполняла все его команды. Он достал пистолет, принялся зачем-то отполировывать его носовым платком. У нее затекли руки, она пошевелинулась.

– Стоять! – взревел он и жар от пролетевшей пули обдал правый висок. Нинка покрылась холодной испариной. „Мама, мамочка, скорей бы уже все закончилось, я больше этого не выдержу...“ – иступленно молилась она.

Вторая пуля просвистела около левого уха. Нинка не шевелилась, не издавала ни звука. Он вразвалку подошел к ней, дернул на себя и изо всей силы ударил ее ребром рукоятки пистолета по шее. Жгучий красный жар лопнул перед глазами и она потеряла сознание. Когда она очнулась, он стоял над ней с потухшим взглядом, лихорадочно облизывая свои неестественно ярко-красные губы.

– Встань! – вяло скомандовал он.

Нинка не смогла пошевелиться. Истерзанное тело отказывалось подчиниться. Он наклонился и помог ей встать. Нинке уже все было безразлично. Мучитель повернулся, прошел несколько шагов, резко обернулся и пристально прицелился ей в самое сердце...

Какая-то неведомая сила заставила поднять ее руку и сделать прощальный жест. Он заворожено посмотрел на нее, медленно, нехотя опустил руку с оружием и вскоре слился с тьмой.

Нинка шла в кромешной тьме, мимо кладбища, на котором покоилась ее мама. Оттуда выскочила стая бездомных голодных собак, которые злобно грызлись между собой. В другое время она попросту бы сошла с ума только от одного этого зрелища, а теперь же она почти что радовалась, что она не одна в этом жутком мире и рядом находятся живые существа, которые никогда не смогут сделать больше, чем было...

НАСИЛЬНИК

Стемнело. По малолюдной, неосвященной и, вероятно, от этого зловещей улице брела высокая нескладная женщина, сгибаясь от холодного пронизывающего ветра и от тяжести набитой, когда-то, видимо, ярко-пестрой сумки. Она шла по самому краю тротуара, поминутно оглядываясь, в надежде, что, возможно, появится какой-нибудь заблудившийся троллейбус. Было где-то около семи, а уже после пяти вечера все троллейбусы в городе вымирали, как динозавры.

Казалось, что еще немного и силы вконец оставят ее. Она не верила, что когда-нибудь закончится этот путь и она попадет домой. Казалось, что сумка вот-вот оторвет ей плечо. Было бы что приносить детям, и она каждый день готова проделывать этот невыносимый, нескончаемый путь. Иногда ей кажется, что она убежит, куда глаза глядят, только бы не видеть всегда голодных, всегда чего-то просящих детских глаз. Их бессовестный отец отделяется алиментами, а на эти купоны даже килограмма картошки не купишь на базаре. Разве когда-нибудь подумала бы, что наступит такое время, а то разве осмелилась бы завести второго ребенка... Поделом ей... Думала удержать его ребенком. Только вот никак не хотела поверить, что его уже ничто не удержит. Убежал к своей потаскушке, так ни разу не увидев их сына. Говорят, что они до сих пор не имеют детей, да и откуда они могут взяться у той шлюхи, которая, наверное, до него миллион абортот делала... Наверное, поэтому она все еще надеется... Надоест ему бездетная жизнь с той шлюхой и прибежит он к своим деткам... А она что, она простит, лишь бы дети не росли без отца. Вот уже три года, как она без мужика и еще столько выдержит, только бы он вернулся...

У ее ног затормозила какая-то машина, прервав ход ее мыслей. От неожиданности она вздрогнула.

– Вам тяжело? Садитесь, подвезу... – услышала она чей-то сочувствующий голос.

Она с благодарностью опустила на переднее сиденье. На заднем сидении водитель пристроил ее сумку.

– Тяжеловата, однако, свинцом набита, что ли, – пошутил водитель.

– Картошкой. На работе выдали на купоны.

– А-а, – протянул водитель, окинув ее цепким внимательным взглядом.

Ей было лет 25-26. Она была бы все еще ничего, если бы не эта проклятая голодная, холодная жизнь с бесконечной толкотней в транспорте и очередях за хлебом.

Водитель, даже не спросив куда ехать, тронул машину. Ее разморило от тепла в машине. Плечо дико ныло, она совсем не могла таскать тяжести. Иногда даже удивлялась, каким образом смогла выносить двоих детей, хотя после первого и думать не хотела о втором ребенке... „Почему он не спросил, куда мне надо?“ – вдруг вспыхнула беспокойная мысль. Она только сейчас разглядела его. Коротко подстриженные, должно быть, прямые волосы, черные миндалевидные глаза, тонкие, сжатые губы на худощавом лице. Ее охватил смутный страх. Они уже ехали по ее улице. Вон там, в темном проулке – ее дом.

– Большое спасибо. Остановите, – робко попросила она. Он, ничего не сказав, нажал на газ. Замелькали последние здания ее улицы. Машина с визгом понеслась вниз к ипподрому.

– Остановите... – судорожно выдохнула женщина.

Водитель молчал, судорожно вцепившись в руль. Страх совершенно парализовал ее, от бешеной езды она вообще перестала что-либо соображать. Она никак не могла взять в толк, что должно быть нужно от нее этому красивому, шикарному одетому парню. Одета она бедно, драгоценностей никаких, разве что старинный серебряный крестик, доставшийся ей от прабабушки. Правда, жаль с ним расставаться, но она и так отдаст, не надо завозить ее так далеко. Может выпрыгнуть?.. А как же сумка? Сумка тяжелая... Если она выпрыгнет вместе с сумкой, то наверняка убьется... А без сумки ей нельзя... Без сумки она не сможет появиться дома... Она больше не вынесет укоризненного взгляда матери и голодных глаз детей... Тем не менее, она стала потихоньку шарить по дверце, отыскивая ручку.

– Не старайся, не найдешь... – процедил парень и засмеялся каким-то лающим смехом, от которого все ее тело

покрылось липкой ледяной испариной. Почему-то в ушах раздался голос диктора телевидения: „Разыскивается...“

Машина завернула куда-то вверх и, немного проехав, остановилась. Он выключил фары. Ночь была черная, безлунная, кругом стояла кромешная тьма, Судя по всему, они были в районе Сабурталинского кладбища. Он молчал. Женщина, пытаясь спастись от жуткого страха, решила первой нарушить тишину.

– У меня ничего нет... Неужели по мне не видно?

– А что, обязательно должно быть видно? – осклабился парень и положил ей на колено руку.

Она вдруг смутно начала догадываться:

– Вам что?!

– Ты что, дурочка или прикидываешься?! – грубо дернул вверх он юбку, обнажив ее худые, костлявые колени. Ах, вот он чего захотел... Нет, пусть уж лучше убьет, чем это...

Жертва взвилась всем телом, насильник, откинув ее сиденье, пытался на нее навалиться. Она не давала ему приблизиться, сопротивляясь изо всех, невесть откуда взявшихся сил. Взвыв от ее укуса, он сильно ударил ее кулаком по голове. На мгновение она потеряла сознание и очнувшись, стала сопротивляться с удесятенной силой. Но насильник, казалось, больше не замечал ее сопротивление, словно разрядившись тем ударом, как будто подобрел, он задрал ей пуловер и начал неистово ласкать ей груди. За все время ожесточенной борьбы ни насильник, ни его жертва не произнесли ни единого звука. Она с ужасом почувствовала, что выдохлась и начала обмякать не то от усталости, не то от исступленной ласки этого чужого мужчины. Это было что-то необычное для нее. Ее муж, наверное, и представления не имел, что так можно ласкать... Насильник, почувствовав ослабшее сопротивление, уже навалился на нее всем телом, лихорадочно задирает ей юбку, торопливо сдирая с нее колготки и не забывая осыпать поцелуями ее лицо. Жертва, еще раз слабо дернувшись, притихла в ожидании. Насильник, торопливо расстегнув брюки, прижался к жертве, вошел в нее и почти моментально же откинулся. Женщина лежала как громом пораженная... И ради чего она перетерпела такой страх, от которого может никогда и

не оправится?.. Ради того, чтобы самой взбудоражиться, разбудить вот уже столько лет глубоко захороненные чувства?.. Ненависть к своему мужу, убежавшему к той потаскушке, ненависть к этому насильнику-импотенту, ненависть ко всему мужскому полу вдруг захлестнула ее со всей силой. И ее прорвало, понесло:

– Ну, давай-давай. Чего же ты остановился?! Теперь я захотела, – хрипло выкрикнула она.

Насильник ошарашено посмотрел на нее и начал торопливо застегивать брюки. Перед ним лежала опозоренная им „жертва“ и вместо того, чтобы радоваться, что осталась живой, требовала от него невозможного...

Он торопливо завел машину и направился в ту сторону, откуда приехал. Женщина кое-как привела себя в порядок и на трассе Ваке-Сабуртало приказала: „Останови, открой дверь!“

– Я довезу, – как-то робко предложил насильник.

– Спасибо, перебьюсь! – в сердцах хлопнула она дверь.

Машина сорвалась с места. Сумка с картошкой осталась в машине. Черт с ней, добраться бы побыстрее до дому.

Машина остановилась, из нее вышел водитель и поставил на дорогу тяжелую, когда-то ярко-пеструю сумку... По совершенно безлюдной, темной, неосвещенной дороге торопливо шла высокая нескладная женщина, перекладывая из руки в руку тяжелую сумку...

ГОРОДСКИЕ ЗАРИСОВКИ

ТОПОР

В машине тепло. Я сажу, прикрыв глаза и прислонившись виском к стеклу, стараясь не видеть чужие, жуткие, погруженные во мрак, улицы города. Но все же мне хорошо. Порой меня охватывает страх, я просто-напросто соплююсь. Но без этого мне бывает очень скверно, я больше не могу и не хочу смотреть на этот вымученный, измочаленный, выжатый мир трезвыми глазами. И мне сейчас относительно хорошо.

– Послушай, ты не устала?! – резко тормозит на светофоре Майя.

– Отчего? – лениво-отрешенно процеживаю я.

– От своих бесконечных попок! Занялась бы лучше делом!

– Каким? – во мне закипает раздражение. Ненавижу лекции на воспитательные темы, но почему-то все мои близкие считают себя чуть ли не обязанными время от времени наставлять меня на „путь истинный“.

– Своим.

– Отвали, а? – полупросительно обрываю я.

Ответить она не успевает, мы въезжаем во двор и там нужно быть чуть ли не „ассом“, чтобы не запутаться в чем-то вывешенном белье, не врезаться в кем-то выставленное помойное ведро, в кем-то поставленную машину или новоиспеченный пенек. Она напряженно объезжает все искусственные препятствия и благополучно останавливается на своем месте.

– Выпихивайся...

– Куда торопиться. Или ты думаешь, что дома теплее? – открываю я с неохотой дверцу. Из темноты прямо перед моим носом кто-то выныривает. Я испуганно шарахаюсь.

– Это Маечкина машина?

– Моя, моя, – подает голос Майя.

– Добрый вечер. Тебе помочь?

– Да нет, спасибо. Хотя, вот если бы педали закрыли...

Холодно. Проклятая сырость пробирает до костей. Надо же, и на улице не очень-то выдержишь, но и в холодный черный дом ничуть не тянет.

Однако, долго же он возится с этими чертовыми педалями. Майка бы уже сто раз управилась со всеми этими делами. Я начинаю переминаться с ноги на ногу, пытаюсь сохранить свое приятное тепло. Подъезжает машина соседа. Он с гостями. Мы обмениваемся приветствиями и компания благополучно скрывается в подъезде. Слава Богу, кажется, все, она уже благодарит соседа одной из своих очаровательных улыбок, я нетерпеливо направляюсь в сторону подъезда.

– Ой, топор! Мой топор! – вдруг не своим голосом вскрикивает сосед. – Топор потерялся!

– Какой топор? – недоуменно спрашивает Майя.

– Мой! Который я с утра искал, еле нашел и вот, благодаря тебе опять потерял!

– При чем тут я? – теряется Майя.

– При том, что я возился с твоей машиной! – мечется он вокруг машины. Майя открывает машину. Сосед что-то долго шарит в салоне, но выскакивает оттуда с воплем отчаяния. Я возвращаюсь обратно, чувствуя, что мы здесь застряли надолго.

– Отдай мой топор! – вдруг решительно обращается он к Майе.

– Что-о-о? – перехватывает дыхание у Майи.

Я тоже решаю вмешаться.

– Отдай ты ему этот чертов топор!

– Ты что, спятила?! Откуда я его возьму!

Сосед, обретя во мне союзницу, уже орет во всю мочь:

– Люди! Топор украли! Я его с утра искал, еле нашел, а теперь украли!

Я испуганно начинаю оглядываться по сторонам. В окнах появляются огоньки свеч. Любопытство соседей берет верх.

– Да я в глаза не видела вашего топора, как я могла его украсть! – пытается хоть что-то вдолбить Майя своему разошедшемуся соседу.

– Как это, не видела? Когда я подошел и предложил тебе свою помощь, я дал тебе его подержать!

– Как это, подержать? Не держала я ничего! – захлебывается от возмущения Майя.

– Дал, дал, дал подержать! – беснуется сосед.

Я уже совершенно трезвая и ползаю вокруг машины в надежде, что, пока они спорят, я может и наткнусь на этот проклятый топор.

– Послушайте, – вдруг осеняет меня. – Откуда вы подошли? Может, вы оставили его на каком-нибудь пенечке?

– Нет. Вы что, издеваетесь? Я подошел сюда с топором! А-а-а! – вдруг вырывается у него победный клич. – Вы отдали топор тем парням.

– Каким парням? – выкрикиваем мы в один голос.

– С которыми любезно поздоровались...

У меня мелькает мысль, что если, не дай Бог, я сейчас обнаружу этот топор, то изрублю этого несчастного на куски. Мне хочется домой и я уже совершенно трезвая.

– Мой топор! Мой топор! – мечется он перед нами, размахивая, как в трансе, руками.

– Я сейчас поднимусь на четвертый этаж и выброшу отсюда... – устало говорит Майя.

– Посмотри в салоне, – безнадежно предлагаю я.

– Да смотрел же этот кретин! – говорит она, тем не менее открывая дверцу и почти моментально выскочив отсюда с продолговатым предметом.

– А это что? Не топор?

Сосед радостно выхватывает у нее топор и судорожно прижимает его к груди.

– Я же говорил, что дал тебе его подержать!..

Мы обессилено поднимаемся по лестнице. Я совершенно трезвая. Мне очень скверно...

В ЧЕТЫРНАДЦАТОМ...

– Да продвиньтесь же наконец!

– Куда?!

– В середине свободно!

– Через головы прикажете перепрыгивать!

– Ой-ой-ой, нога! Отдайте ногу!

– На черта она мне сдалась!

– Да встаньте боком! Развалился на весь автобус!

– Как боком?! Там женщина!

– А я что, по-твоему, не женщина?!
– Останови-и-и, о-о-о, а-а!
– Останови!
– Останови, шофер, женщине дверьми голову прищемило!
– Смотреть надо, когда двери закрываешь, козел! –
бьется в истерике пострадавшая.

– А при чем тут я, за своими головами сами присматривайте, – оправдывается водитель.

– Опустит руки, чего уцепился за обе перекладки. И так места нет!

– Калбатано, может подскажите, каким образом их опустить. Тут развернуться негде. Не видите, вишу.

– Ох, и раскормили же тебя! При таких габаритах на такси надо ездить!

Наконец-то все утихомирились, кое-как устроились, поорали, попыхтели, смолкли. Каждый погрузился в свои безрадостные думы.

– А мне что... Мне хорошо... Вот если бы родители были живы... Придешь домой, а дома никто тебя не ждет, – чей-то женский голос набирает силу.

Люди безучастно прислушиваются к чужому разговору.

– Да, конечно. От родителей осталась трехкомнатная в Дидубе. Дядя сказал, что здесь мне будет лучше. Продал. Теперь у меня однокомнатная. А мне что... Мне больше не надо. Вот если бы дома ждали. Соседей пока не знаю. У всех железные двери. На старой квартире соседи хорошие были, жалели, заходили, всегда угощали. А сейчас приду домой, включу телевизор. Вот только бы электричество не отключали. Ничего. Теперь я уже взрослая. Скоро восемнадцать. Уже и сама все могу. Сотрудникам талоны отовариваю. Зарплата? Двести рублей. Мне хватает... Дядя спальню отдал родительскую, холодильник. Остальное? А зачем мне? Все равно в одну комнату всего не уместишь. Дядя остальную мебель на дачу свою отвез. Родители? Вы разве не слышали?! Погибли в катастрофе. От папиной машины ничего не осталось. Два гроба из дому вынесли. Бабушка на сороковой день умерла... Одежда? От мамы осталась. Посмотрите, какой у мамы жакет был. А пальто мне сотрудница подарила... Нравится? У меня все есть,

вот если бы дома ждали... Я возьму вам билет. Что вы, я сегодня зарплату получила... Сейчас... Ой, кошелек нет! Люди, кошелек украли!!!

- Деньги украли, гады! Держи вора!
- Автобус резко затормозил на остановке.
- Пропустите!..
- Шофер, открой заднюю дверь!
- Держи вора!
- Да пропустите же наконец!
- Деньги!..
- Открой заднюю дверь, заплатим...

ТБИЛИСОБА

Почему-то перед праздниками тяжело носить душу... Может, от того, что именно в предпраздничные дни острее ощущаешь безысходность словно ускользящей сквозь пальцы столь желанной и опостылевшей жизни, а может, виной всему уличные картинки, которые особенно сильно ранят душу именно в праздники...

Осень. Тбилисоба – праздник города. Старая часть города - Рикэ - кишит народом. Звуки музыки, гул голосов, запах шашлыков, молодого пьянящего искристого вина и разнообразных фруктов, привезенных в столицу со всех уголков Грузии.

Улицы города полны людьми с деланно радостными лицами. Праздник города. В подземном переходе, отнятом у нищих, с фальшиво сверкающими богатыми стеклянными магазинчиками, безрадостными, какими-то угрюмо-серыми лицами - свой неизменный ритм. Сюда праздники приходят редко. Чьи-то мелодичные голоса словно пытаются куда-то прорваться и надрывно рассекают душу. Маленькая девочка лет пяти-шести с коробкой из-под „Рафаэлы“ обходит обступившую кого-то толпу. В центре круга стоят слепые: женщина без возраста и девочка лет десяти. Их ангельские голоса вышибают слезу и травят душу.

Нищий - крепкий мужчина в очках - который никогда не покидает свой пост в дальнем углу перехода, наверное, из боязни потерять лишнюю копейку, торопливо поднимается со своего засаленного коврика и насыпает в коробку ребенку

горсть монет. И, пожалуй, только эта сцена в подземке отдается сегодня в душе действительно светлым праздником...

Праздник города...

НОВЫЙ ГОД

Зима. Промозгло-слякотный вечер. Тускло освещенная одним единственным фонарем улочка у старой церкви Святой Троицы. На улице ни души. Мусорный бак завален доверху и вокруг рассыпаны отбросы. Испуганно шарахаюсь в сторону от неожиданно раздавшегося шороха. „Кис-кис, иди ко мне“, - доносится до меня. Напряженно вглядываюсь в темноту. На грудке мусора сидит дряхлая старушка с раскрытой котомкой и выискивает в отбросах съестное. Поодаль от нее замер тощий котенок. „Кис-кис!“ -, ласково зовет старушка, „Иди, посмотри, что я тебе дам...“.

Душа сжимается от боли и еще чего-то непонятного, чему никак невозможно подобрать нужного слова. Может, несправедливости? Впрочем, какое это имеет значение?

А завтра наступит Новый двухтысячный год, и кто-то уже купил в супермаркете елку за 600 долларов...

БЕЗУМНАЯ

Ее можно встретить, в основном, в центральной черте города. Жирно подведенные до самых висков черной краской глаза и напомаженные кроваво-красные губы. Вот уже несколько лет, при виде нее терзаешься все одним и тем же вопросом: «Откуда она достает свой макияж? И чем красит волосы?» Она никогда не появляется без своего жуткого макияжа и никогда не трясет своими седыми лохмами, хотя, судя по возрасту, она уже давно должна быть седой.

Иногда она кажется дряхлой старухой, иногда же еще не совсем старой женщиной. Всегда предпочитаешь держаться подальше от нее, при встрече же стараешься не встречаться глазами, чтобы не перехватить ее жуткий, безумный взгляд. Стыдно в этом признаваться, но всегда почему-то кажется, что она очень агрессивная и готова вот-вот наброситься. Это

подозрение словно подтверждает палка, с которой она предпочитает не расставаться, хотя никто еще не видел, чтобы она на нее опиралась. Впрочем, как не видели, чтобы она ею угрожающе размахивала... Иногда при виде нее вдруг может мелькнуть мысль: «А где она живет?», которая тут же пропадает.

Чудесный осенний прозрачный день. Около книжного прилавка старых книг на площади Свободы неторопливо, с грустью разглядываю подержанные издания. Эта щемящая грусть и жалость к людям, которые, скорей всего, расстанутся с любимыми книгами, чтобы не умереть с голоду, больше всего охватывает именно у таких книжных развалов. Кто-то рядом со мной осторожно любовно перебирает именно те книги, на которых я заостряю свое внимание. Вдруг вспоминаю, что «Куклу» Болеслава Прусса, кто-то мне так и не вернул и решаю ее купить, тем более, что уже чувствую на себе раздраженный взгляд продавщицы. Вдруг чья-то неухоженная рука хватается за прилавка книгу, которую я решила приобрести и протягивает продавщице какую-то мелочь, сколько эта книга явно не стоит. «Возьмите пока это, а остальное я потом занесу, вы же меня знаете, я не обману!» - звучит тихий просящий женский голос. Лицо продавщицы моментально добреет, и она перестает метать в меня раздраженные взгляды. Невольно поворачиваюсь к объекту столь разительной перемены уличной продавщицы и цепенею от неожиданности. Безумная, с жутко раскрашенным лицом, наводящая на окружающих такой ужас, счастливо прижимает к груди «Куклу» Прусса и, бормоча что-то нечленораздельное, отходит от книжного прилавка.

Я, сгорая от любопытства, терпеливо дожидаясь пока продавщица обслужит вдруг разом поваливших к книжному прилавку любителей книг и ничего не могу понять.

- Извините, она взяла у вас книгу напрокат и поэтому дала мелочь?

Продавщица испепеляет меня уничтожающим взглядом.

- С чего это вы взяли, напрокат?! Она ее купила! Просто расплачиваться будет постепенно! Она не может расплачиваться сразу, и я разрешаю ей приносить деньги частями! - отрезает продавщица, всем своим видом показывая, что не настроена со мной больше общаться.

Я же, то ли хочу ей что-то объяснить, то ли услышать что-то еще:

- Надо же, а я думала, что она бездомная и безумная!

- Учительница она... Бывшая...- после продолжительной паузы дрогнувшим голосом отвечает продавщица и устремляет равнодушный взгляд на следующего покупателя подержанных книг...

УЛИЧНЫЕ ПЕВЦЫ

В этом подземном переходе на площади их двое. Трудно сказать каким образом, но вот уже лет десять они поют в этой подземке, умудряясь не пересекаться друг с другом.

Женщину, коротконогое существо с перекошенным, скорей всего, от апоплексического удара лицом, конечно же, трудно назвать певуньей, но она знает невероятное количество текстов грузинских песен и, день ото дня, в любое время года, сидя на бетонных плитах подземного перехода, речитативом старательно их выводит, при чем так, что невозможно равнодушно пройти мимо этого жалкого создания, не желающего просто просить милостыню и отработывающего свой хлеб «услаждением» слуха прохожих...

Мужчина славянской внешности с гитарой появился в этом переходе еще раньше нее. Наверное, сразу же после развала СССР. Тогда это был опрятно одетый молодой человек невысокого роста с чуть хриловатым надтреснутым голосом, который пел исключительно русские песни и коробка которого, несмотря даже на те тяжелые времена, всегда быстро наполнялась мелочью.

Грузия словно замерла в напряженном ожидании. Учиненный в России грузинам кошмар поверг всех в настоящий шок. Повсюду обсуждается только это. Почти у каждого грузина в России либо родственники, либо русские друзья. Кажется, свершилось то, к чему, в принципе, некто старался подготовить два народа уже давно - два дружеских народа станут двумя заклятыми врагами...

На душе темно и муторно, также темно и неудобно на улице. Муторно и неудобно вдвойне еще и от того, что как раз сегодня впервые обнародованы видеоматериалы по положению

депортированных из России грузин, и ты почти физически ощущаешь ту волну ненависти, которая может захлестнуть всех нас... Ты уже почти начинаешь ненавидеть все русское и вдруг останавливаешься как вкопаная: «За родную Рассею, как гусей их рассеем, тяжела будет исповедь!» Льется откуда-то в чьем-то хриплом исполнении песня Шуфутинского.

Не веря ушам, почти бегом спускаюсь в переход. Невысокий, опрятный мужчина славянской внешности ловко перебирает струнами гитары и артистично, ниже обычного, кланяется каждой брошенной в его коробку мелочи. Я бросаю любопытный взгляд в коробку. Прохожие по-прежнему щедрь к русскому песеннику, его коробка как всегда набита мелочью.

У меня отлегают от сердца. По крайней мере, грузинам не грозит сгореть от бессмысленной, слепой ненависти..

ОТРОДЬЕ

Желтый украинский автобус «Богдан» душераздирающе визжа тормозами останавливается на очередной остановке. Вообще, украинский «Богдан» вызывает очень много вопросов на грузинской земле: ездят ли в Киеве такие автобусы, а если нет, то какому идиоту взбрело в голову закупить их для Грузии в таком большом количестве. Вопросы, если честно, резонные. Вряд ли встретишь еще другой такой автобус практически без амортизации, когда тебя даже на прилично положенном городском асфальте мотаает из стороны в сторону как бесхозную картошку на самом безнадежном бездорожье и когда ты всерьез опасаясь за свою жизнь из-за непонятно слаженной тормозной системы, которая особенно дает о себе знать на самых значительных поворотах и при остановках.

Так вот, «Богдан» с душераздирающим скрежетом тормозит на очередной остановке и в салоне появляется чумазый цыганенок лет 6-7 с не по-детски уставшим лицом и проворно устремляется к освободившемуся месту у окна. Путь ему неумолимо преграждает рука пожилого человека, сидящего с краю. Цыганенок испуганно замирает. Пожилой внимательно оглядев салон и убедившись, что приглашать по крупному счету некого, зовет сесть парня лет двадцати, парень торопливо отказывается.

Пожилой, кажется, находит подходящую кандидатуру в глубине салона и приветливо зазывает на освободившееся место даму, которая сообщает, что скоро сходит. Пожилой коршуном высматривает кого-то еще. Цыганенок обреченно отходит и понуро садится там же на ступеньку автобуса.

- Посадили бы ребенка! – раздается приглушенно-сдержанный голос.

Пожилой живо поворачивается на этот голос:

- Ишь чего захотела! Вот еще вшей здесь разводите из-за этого отродья! Из-за таких как ты нам в родной стране нет покоя от всего этого интернационала! – визгливо, совсем как тормоза «Богдана», кипятится пожилой.

Пассажиры, все как в один сговорившись, молчат.

Цыганенок, кротко примостившись на ступеньке, исподтишка разглядывает жгучими, не по-детски печальными глазами, свою заступницу. Похоже, за его недолгую и совсем не детскую жизнь, первый раз из чужих хоть кто-то за него заступился. Да что там чужие, когда и свои выталкивают этих детей побираться на улицах, когда на проезжей части огромного города, они должны успеть разжалобить водителей машин, притормозивших на светофоре и выцганить монетку. И так изо дня в день, с раннего утра и до полуночи...

«Богдан», скрежеща тормозами, продолжает путь, в салоне царит зловещая тишина. До самой конечной остановки рядом с пожилым «патриотом» никто не садится, хотя цыганенок, уже незаметно спрыгнул на одной из остановок...

ЛЕВАН

Он не знает, сколько ему лет. Он знает, но не может выговорить. „Леван, сколько тебе лет?“ „Ц-ц-ц.“ „Ну-ка, покажи на пальцах.“ Он радостно вскидывает обе руки и долго потрясает тремя пальцами, громко мыча.

Он многого не знает. Его русые волосы никогда не знали шампуня, уши – воды, а зубы – вкуса зубной пасты. Говорят, он – дебил. В его огромных серых глазах застыла какая-то безысходная тоска, которую он никогда не сможет высказать. Леван – немой, но случай – небезнадежный и несколько операций, прове-

денных в детстве, могут произвести чудо. Но чуда не будет, его семья никогда не сможет вырваться из тисков нищеты. Он – немой, но может петь. Издает басистые звуки, подражая отцу-алкоголику и тонко заливаётся, изображая пьяную, игривую мать. У него никогда не было и уже не будет детства. Он никогда не ходил в школу и не умеет читать. Он живет в обветшалом, некогда добротном доме и является немым участником всех диких сцен, разыгрывающихся в семье. Говорят, что он неспособен что-либо воспринимать и его жалкое существование естественно для него. Он же часами может висеть на решетке забора роскошного особняка и жадно наблюдать за жизнью в этом красивом доме. Частенько обитатели роскошного особняка, охваченные непонятным глухим раздражением, силком отгоняют замызганное существо от забора, но это действует ненадолго. Он никогда не берет угощения, чего бы ему не предложили, зато с радостью бежит помогать многочисленным соседям пасти свиней, скотину, гоня перед собой конструкцию из двух колес, скрепленную проволокой, смастеренной им же самим. „Леван, это – твоя машина?“ „А!“ „Кто ее тебе подарил?“ „Мэ-э!“,- бьет он себя по груди. Он робко подходит к брошенному во дворе кем-то из детей блестящему трехколесному велосипеду и подкатывает его ко мне. „Леван, твоя машина лучше.“ „А-а!“ – отрицательно-отчаянно мотаает он головой и ласково поглаживает трехколесную мечту. „Хочешь, возьми его себе.“ Его немые уши заливаются яркой краской, обветренное, шелушащееся личико охватывает какое-то недетское упрямое выражение, и он решительно отгоняет велосипед на прежнее место. Подарка Леван не принимает, но ходит за мной по пятам. Сегодня ему разрешено находиться в этом красивом дворе, и он преисполнен благодарности ко мне.

Чудесная августовская ночь словно хочет впитать в себя всю земную человеческую боль, отдавая взамен какой-то безграничный покой и веру в лучшее завтра. Успокаивающе звенят цикады и поодаль маячит силуэт тринадцатилетнего мальчишки, который время от времени вскидывает голову в небо и замирает. „А-а!“ пытается он привлечь внимание. „Что, Леван?“ „А-а!“ восклицает он и показывает на далекое небо, густо усыпанное яркими звездами. „Что, звезды?“ „А-а!“ „Красиво, Леван?“ „А-а-а-а!“

ДА ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА...

ФЕОДОРА

Я люблю приходить сюда, где рядом стоят грузинская церковь Андрея Первозванного, известная в народе, как Синий монастырь и русская – Иоанна Богослова. Пожалуй, это один из немногих уцелевших островков прежнего Тбилиси. Здесь тихо, немногочленно, не режут глаз оккупировавшие весь город коммерческие будки, не бросаются к тебе навстречу толпы попрошайек, рвущих из твоих рук скудное подаяние, устраивающих между собой разборки, ничуть тебя не стесняясь и, честно говоря, отбивающих всякое желание войти в храм. Времена, конечно, настали иные, так что в моем представлении нищий – немощный, зачастую старый человек, на глазах превратился в далеко не старых женщин с наглыми глазами и жадными, цепкими руками и, что самое страшное, детей. Детей, заполнивших дворы перед храмами, лестницы в переходах метро, центральные улицы нашего Тбилиси.

– Тетенька, дай 1000 рублей! – подбегает ко мне маленький оборванец лет шести-семи.

– Нет у меня таких денег, детка!

– Тогда сто! – не теряется малыш.

Протягиваю ему 500 рублей.

– Где твоя мама?

– Умерла, – заученно отвечает ребенок.

– Не ври, – устало говорю я, заглядывая в безразличные глаза ребенка. – Не говори больше никому так, а то накличешь беду и мама твоя правда умрет. Ты хочешь остаться без мамы?

Малыш испуганно мотает головой...

А здесь все время величественное спокойствие. И в храме очень мало людей, часто я остаюсь здесь почти одна, только в окошке у входа сидит продавщица свечей и знаю, что где-то за алтарем находится поп. В такие минуты не хочется отсюда уходить, вся душевная усталость и безысходность проходит, уступая место безмерному умиротворению. Ни о чем не думаешь, ничего не просишь у Бога, только горячо благодаришь Его за эти столь редкие для нас минуты блаженства.

В один из дней я заметила старушку, сидящую на стуле у входа в храм. Я инстинктивно протянула ей деньги и тут же

сердце испуганно сжалось при мысли, а вдруг я ее оскорбила, ведь она не сидела с протянутой рукой. Старушка окинула меня удивительно ясным для ее лет взглядом и благословила. С тех пор я всегда старалась как-то незаметно, ненавязчиво давать ей деньги.

Иногда на душе бывает до того муторно, что никакие друзья и „положительные эмоции“ не в состоянии разогнать гнетущую тоску, сжимающую сердце. Ноги сами несут тебя в храм. Встанешь перед иконой, зажжешь свечу и глядя как она догорает, чувствуешь, что гнетущая тяжесть уходит, а в душе опять воцаряются покой и надежда. Это был как раз один из таких дней. На улице стояла прескверная погода, дул ледяной ветер вперемешку с мокрым снегом. В храме никого не было, только моя знакомая старушка чистила подсвечник. Окошко, откуда продаются свечи, было закрыто. Я подошла к старушке спросить, где мне можно взять свечи.

– Подойди к алтарю, позови батюшку и он даст, детка.

Я так и сделала. Как только поп увидел в моей руке купоны, он тотчас же категорично заявил, что свечи нынче только на рубли. Я молча протянула ему 500 рублей. Поп придирчиво рассмотрел купюру и вернул мне обратно:

– Порванные деньги не принимаем.

Вторую купюру постигла та же участь.

– Значит, я не смогу поставить свечки? – задрожавшим от обиды и унижения голосом спросила я. Служитель Бога равнодушно пожал плечами. К счастью, к оказавшейся у меня 200 рублевой купюре он уже не смог придаться и я, после долгих торгов, стала счастливой обладательницей свечи. Я зажгла свечу. Горькие слезы заливали мне лицо. От одной только мысли, что большинству моих соотечественников отказано даже в Божьей милости, мне не хотелось жить. Ведь немало людей, у которых последняя надежда и пристанище – церковь и Бог, не могут просто-напросто зажечь перед иконой свечку.

– Не плачь, детка, – незаметно подошла ко мне старушка, ласково дотронувшись до моей руки. – Ты сама как свечка. Когда нет денег, встань перед иконой и молись. Бог все

видит, не обязательно зажигать ее. А священники такие же люди и среди них встречаются грешники.

Я, кажется, уже рыдала во весь голос. Меня поразило то, что эта чужая, нищая старушка так тонко поняла, что со мной творилось. С тех пор мы с ней сблизились. Прихожане с удивлением смотрели на меня, наверное, не понимая, о чем так долго может говорить молодая, прилично одетая особа с нищей, оборванной старухой.

Попала Феодора в Тбилиси в Великую Отечественную Войну. Приехала сюда еще девчонкой с эвакуированным авиационным заводом, да так и осталась в Грузии навсегда. Три года училась в консерватории, но закончить ее не пришлось. Семья, дети в те суровые послевоенные годы, конечно же, встали на первый план.

– Только в старости я узнала, что значит „от тюрьмы да от сумы не зарекайся“, – говорит Феодора.

Нет, она не ропщет. Она ежедневно возносит молитвы Богу, что не оставил ее на закате лет без куска хлеба.

– Деточка, как ты пришла в этот храм?

Я лихорадочно вспоминаю и никак не могу вспомнить, что меня сюда привело. Полный провал в памяти. А вот рассказ Феодоры, потряс меня до глубины души.

– Я ведь раньше вообще не знала о существовании этой церкви. Жила в Сабуртало, каждый день ездила на Руставели на работу, а вот то, что здесь могла быть церковь и духом не ведала. Снится мне однажды сон. Стою я будто на Земмеле, а в это время идет по улице церковная процессия. Впереди несут икону, а я смотрю и не узнаю, чья это икона. Подошла спросить какую-то монашку и слышу в ответ: „Это – икона Иоанна Богослова. Сегодня день его рождения и несут ее в его храм“. Я присоединилась к этой процессии. Свернули на улицу Киачели, прошли ее до конца и вдруг все исчезло, осталась я одна. Вот только стою да храма не вижу. Проснулась, думаю: „Господи, к чему бы этот сон?“ Спросила детей, не знают ли они, есть ли там какая-нибудь церковь. Они не знали. А я все места себе не нахожу. Пришла на Земмель, встала на то место и пошла теми же путями, что во сне ходила. Иду и надежду не теряю. Встретилась мне на Киачели какая-то женщина, спросила я ее,

не знает ли она поблизости церкви, а она в ответ: „Идите до конца этой улицы и увидите. Там рядом стоят две церкви - Синий монастырь и Иоанн Богослов. Вчера был большой праздник, церковь справляла день рождения Иоанна Богослова“. У меня, детка, колени подкосились.

С тех пор Феодора стала посещать этот храм. Были в ее жизни тогда и лучшие времена, но и в тяжкие годы храм ее не оставил, помогает не сломиться духом и не умереть с голоду. Вот и девятнадцатилетний внук Феодоры вернулся из Абхазии, правда, без ноги и без глаза, но Феодора горячо благодарит Бога за то, что сохранил внуку жизнь.

– Никогда, детка, не ропщи на Бога. Он все видит и всех любит. А то, что в нашей жизни бывает трудная, горькая година, это не значит, что Он нас забыл и отвернулся. Это – Испытание Господне и, если ты хочешь остаться человеком, то должна преодолеть его с достоинством и смирением ...

ИКОНА, КОТОРАЯ САМА НАЗВАЛАСЬ

Новый храм Святой Троицы притягивает к себе, в какой части Тбилиси ты бы не находился. И не удивительно, что придя сюда раз, ты будешь приходить снова и снова, вопреки укоренившемуся понятию, что в ненамоленное место верующих притянуть сложно.

Хотя, здесь с самого же начала не было отбоя от толп «религиозных туристов», и злые языки даже утверждали, что народ тянется сюда из любопытства. Повод для такого утверждения был очевиден: ведь в Грузии до сих пор не строилось таких грандиозных по объему храмов. Да что там в Грузии, говорят, что это один из самых больших православных храмов в мире. Вокруг храма вырос целый кафедральный комплекс, который стремительно отстраивается и хорошеет день ото дня, уже позолотили купол главного храма и девственные стены церковью украшаются все новыми и новыми иконами.

В старых церквях как-то привычно находишь нужную тебе икону, а если не знаешь, то какая-нибудь старушка тут же подскажет где нужно поставить свечку, а при желании еще и краткую аннотацию к иконе выдаст. Здесь же немного иначе... Люди первый раз пришедшие в главный храм страны, сосредоточенно ищут вдоль стен и колонн огромного зала нужную икону. Здесь уже старушка может спросить тебя где икона одного из столь почитаемого в Грузии Святого Георгия. А не может найти, потому что в новом храме пока не появилась икона ставшего уже привычным для многих образа святого Георгия на белом коне повергающего дракона и мимо святого без коня могут пройти сто раз, не подозревая, что он зовет их со стены.

А то, что иконы зовут к себе, многие, наверное, слышали или же сами сталкивались с этим. Здесь много новых образов и около некоторых уже толпится народ, люди спрашивают для себя и своих близких милости Господней и потом щедро одаривают и чудодейственную икону, и храм. Так огромным поклонением в Троице пользуется икона Божьей Матери «Скоропослушница», копия той знаменитой, что находится в Афонском монастыре, и которую доставили в Тбилиси из Греции. Среди почитательниц «Скоропослушницы», разумеется, и я не являюсь исключением, хотя всем иконам храма стараюсь уделять одинаковое внимание и отдавать должную дань. Но больше всего меня почему-то тянет в дальний угол храма, где народу всегда как-то поменьше и несмотря на это, перед огромной новонаписанной иконой всегда горит множество свечей. Я и не сомневаюсь, что это великомученик Целитель и Врачеватель Святой Пантелеймон и всегда с благоговением задерживаюсь около этой иконы, ничего не спрашивая, но тем не менее чувствуя, как благодатный елей согревает израненную душу... Сколько длилось то неведение, когда со дня появления этой иконы во храме, мне казалось, что это Святой Пантелеймон, трудно сейчас сказать. Но это был как раз тот случай, когда и спрашивать ни у кого не было нужно.

Если раньше я приходила сюда от случая к случаю, то с тех пор как сюда перевели моего наставника отца Давида Эристави, я хожу сюда регулярно. В ожидании отца Давида,

стою перед дорогой сердцу иконой и, обращаясь к Святому Пантелеймону, пытаюсь зажечь свечу. Зажигается она с трудом, но затем я никак не могу ее установить. В глубине храма появляется отец Давид и явно ищет меня, но стоит мне поставить свечу и отойти, как свеча падает, но не гаснет. Ставлю ее на место, теперь вроде бы прочно, с облегчением собираюсь отойти, делаю шаг, второй, но свеча опять падает. Я ничего не могу понять и растерянно оглядываюсь по сторонам, мой взгляд в отчаянии устремляется на икону и я, совершенно неожиданно для себя, замечаю за спиной у святого крылья, которых раньше не замечала. Тем не менее, я начинаю лихорадочно соображать, но никак не могу припомнить икону Святого Пантелеймона с крыльями. Свеча уже решительно не хочет устанавливаться. Я готова стоять под этой иконой с зажженной свечой в руке до тех пор пока она не сгорит до конца. В это время к иконе исступленно припадает какая-то стареющая женщина и что-то просяще бубнит. Я, поборов неловкость, терпеливо жду, когда она завершит свою горячую молитву и робко спрашиваю какому святому принадлежит эта икона. Женщина стыдливо пожимает плечами в знак того, что не знает и торопится уже к другой иконе. В это время прямо передо мной возникает совершенно очаровательное юное создание с ангельским лицом и огромными зелеными глазами и, кротко улыбаясь, отвечает: «Это Архангел Михаил!». Я молча бросаюсь к иконе и виновато прижимаюсь к ней лбом, причем с такой силой, что рискую оказаться под ее тяжестью, если она вдруг сорвется со стены. На душу проливается благодатный елей и безудержные слезы заливают все лицо. Я благодарно оглядываюсь, чтобы сказать спасибо, но юное создание также незаметно исчезло, как и появилось. Полное ощущение того, что в этом огромном храме - только я и эта благодатная икона Ангела Господня Михаила, которая наконец дала знать, Кому я все это время так благоговейно ставила свечи и которая словно еще раз напомнила: «Я Есмь Его Любовь, защищающая здесь!» Еще одна попытка установить свечу, и она сразу же схватывается подсвечником... Теперь, кажется, у меня вырастают крылья.

Отныне я знаю, что в кафедральном храме Святой

Троицы меня всегда ждет новонаписанная икона Архангела Михаила, Архангела Первого луча, Блюстителя Веры, Защитника Женщины и ее семени и Предводителя воинств Света в битве Армагеддона.

Икона, которая сама назвалась.

Примечание: Иконы архангелов Михаила и Гавриила в кафедральном храме Святой Троицы написаны Католикос-Патриархом Всея Грузии, архиепископом Мцхетским и Тбилиским, Святейшим и Блаженнейшим Ильей Вторым.

СИЛА ДУХА

26 мая 2007 года. Канун светлого праздника Святой Троицы. Главный храм страны, храм Святой Троицы, украшен к одному из самых чудесных событий христианства – Сошествию Святого Духа. В центральной части храма, на аналое иконы Святой Троицы, Сошествия Святого Духа на апостолов и доставленная 24 мая из Греции афонскими монахами чудодейственная икона Божьей Матери «Достойно есть» или как ее еще называют «Милующая», поклониться которой уже успело прийти великое множество верующих. Мраморные плиты храма покрыты свежескошенной травой, запах которой дурманяще смешивается с запахом множества свечей и ладана, наполняя все твоё существо необъяснимым восторгом.

Возвышенное состояние и восторг усиливаются и тем, что службу ведет Владыко, Святейший и Блаженнейший Католикос-Патриарх всея Грузии, архиепископ Мцхетский и Тбилиский Илья Второй. Кто хоть раз услышал произнесенное Патриархом в молитве нараспев «Мир, вам!», тот навсегда уверует в благодатную и чудодейственную силу молитвы духовного отца Грузии.

Огромное количество народа, которое, пожалуй, в другой раз может и раздражать, в этот день делает тебя более

терпимым и великодушным. Ты забываешь об изнуряющей жаре на улице, которая словно усиливается в храме огромным количеством зажженных свечей... Верующие трепетно прислушиваются к живительной молитве, которую возносит к Богу Патриарх и благоговейно крестятся.

Вдруг в храме ощущается какое-то вовсе не молитвенное оживление и толкотня. К специально выделенному месту охрана проводит экс-президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе, который, несмотря на огромное внутреннее напряжение, заметное даже для невооруженного глаза, держится внешне спокойно и уверенно. Патриарх, который все это время молится лицом к алтарю и не может видеть происходящего за его спиной, медленно оборачивается, осеняет паству крестным знаменем: «Мир вам!» и увидев своего крестника Эдуарда-Георгия, излучая радость и какую-то неземную твердость и спокойствие, устремляется к нему. Живущий почти затворником бывший президент Грузии с благодарностью прижимается к духовному Отцу нации и видно, как внутреннее напряжение отпускает этого уставшего, подвергающегося неприкрытой травле и тайной агрессии, старого человека. Подобный прием Патриарха изначально же пресекает недовольство какой-то части верующих, сопровождавших проклятиями первое появление бывшего президента. В храме опять воцаряется мир в ожидании Сошествия Святого Духа и бывший президент уже ловит на себе подбадривающие взгляды и сочувствующие улыбки верующих. «Мир вам!»

Служба подходит к концу, охрана бывшего президента, что-то шепчет ему на ухо, видимо, советуя поторопиться, на первый взгляд, Шеварднадзе никак не реагирует на предусмотрительность телохранителей. Тем не менее, через некоторое время он подходит с зажженной свечой к подсвечнику в центре храма, благоговейно прикладывается к иконам на аналое, чуть дольше задержавшись у «Милующей», опять возвращается на место и вскоре заботливо поддерживаемый телохранителем покидает храм. Нет больше толкотни и нездорового оживления, верующие покладисто делают коридор для бывшего президента и его свиты. «Мир вам!»

Служба завершается. Патриарх, в последний раз, произносит слова сказанные Спасителем своим апостолам во время Сошествия Святого Духа. Храм, кажется, залит божественным светом. Благоговейное напряжение достигает высшего накала. Божественная любовь пронизывает всех находящихся в храме Троицы. Ты начинаешь любить всех, и, кажется, даже тех, кто способен, стоя в храме на молитве, посылать проклятия. «Мир вам!»

Вдруг недалеко от того места где стоял бывший президент Грузии со своей свитой, как-то неожиданно возникает инвалидная коляска с убогим существом. Далеко не каждый сможет выдержать зрелища представшее его взгляду. Коляска ходит ходуном от того, что калека извивается в сильнейших конвульсиях. На мгновение даже приходит мысль, осознает ли несчастный вообще, где он находится. Верующие уже суетятся, давятся, делают коридор для Патриарха, надеясь, что хоть на этот раз их не минует милующее благословение Ильи Второго прикосновением. Патриарх еще раз с алтаря благословляет своих духовных чад : «Мир вам!» и осеняет их крестным знаменем.

Взгляд опять притягивает инвалидная коляска и какое-то болезненное напряжение охватывает при виде того, как убогий парень делает нечеловеческие усилия, чтобы осенить себя крестом. Невероятно, но на какое-то мгновение, конвульсирующее тело замирает и иссохшая, бледная, как пергамент, рука мученически, неимоверным усилием воли, очень медленно, с удивительной точностью подносится ко лбу, правому плечу, а затем левому. Тебя не покидает мысль, что это и есть сопричастие к силе Святого Духа. Убогий не сводит ликующего взгляда от Патриарха, который, прежде чем покинуть храм не торопясь прикладывается к иконам на аналое. Один из сопровождающих лиц в ожидании выхода Патриарха, не заметив, заслоняет коляску с убогим и парень не может больше видеть Илью Второго сподвигшего его, силой и благодатью своей молитвы, перекреститься. Очень хочется продлить чудесное счастье этого явно не избалованного здоровым людским вниманием существа и как-то произвольно вырывается просьба к одному из духовных лиц

свиты патриарха не заслонять инвалидную коляску, чтобы парень мог видеть происходящее. Убогий вновь неимоверным усилием перестает трястись и повернув в мою сторону голову, награждает полным бесконечной благодарности измученным взглядом.

Илья Второй, медленно направляется к выходу из храма, кажется, он смотрит поверх голов верующих, продолжая спрашивать для всех нас грешных мира и спокойствия в душах, не видя ничего вокруг. Но вдруг он сбивает шаг и направляется к инвалидной коляске. Трясущийся убогий опять каким-то чудом замирает в блаженном ожидании. Благословенная патриаршая рука опускается на голову убогого чада Божия, которая через какое-то мгновение опять начинает трястись, но уже для того, чтобы благодарно встретиться взглядом с патриархом, который смог вселить в него такую великую силу... Силу Святого Креста и Святого Духа...

«Мир вам!»

Я ТЕБЕ ВЕРЮ...

Нечто подобное однажды с ней уже происходило. Когда вдруг не увидела привычно виднеющийся с того места храм Святой Троицы. Больно обиженная очень близким человеком, выплескивала свою обиду перед подругой, в сердцах давая обещание, что никогда не простит ему этого. Вдруг ее слегка качнуло, в глазах потемнело и, придя в себя, она привычно взглянула в сторону храма, приготовившись перекреститься. Город переливался от разноцветного ночного освещения, но золотисто-обнадеживающей подсветки храма она не увидела. Не увидела храма. Вскрикнув, вцепилась в локоть подруге, с ужасом приговаривая, что не видит Троицы. Подруга ничего не понимая, принялась успокаивать, протягивая при этом руку в направлении храма и убеждая, что храм на месте: «Да вон же, куда ты смотришь, смотри за направлением моей руки!» - испуганно восклицала подруга. Как раз туда и смотрела, но ничего там не было. Видела утопающую в огнях огромную часть города по периметру Троицы, но храма не видела. И лишь

спустя некоторое время, душу согрела разливающаяся золотисто-светлая благодать одного из самых величественных храмов всей Грузии. Несмотря на сильное потрясение, как-то слишком скоро забыла об этом случае, сделав для себя небольшой вывод, что как бы тебя не обижали, не надо отвечать столь сильной агрессией и не важно, к близкому человеку будет это относиться или не очень... Словно Некто дал ей знак, что агрессивные вспышки, пусть даже и безобидные, рано или поздно, так или иначе, наказуемы.

Почти неделю она собиралась причаститься в Вербное воскресенье, но никак бы не смогла объяснить, почему вместо того, чтобы в Лазареву субботу встать на Вечернюю Литургию, пошла сначала есть лосося и запивать его пивом. В храм конечно же потом пошла, но скорее для успокоения собственной совести. А уже стоя в храме на праздничной Литургии в Вербное воскресенье, никак не могла найти себе покоя. Потерянно держала зеленые веточки вербы и старалась по мере возможности приложиться ко всем иконам. В храме было такое огромное количество народа, что не то чтобы припасть к иконе, а даже пошевелиться было сложно... Прихожане приступили к причащению и, воспользовавшись этой паузой, она решила спуститься в храм Благовещения, расположенного ниже Троицы. Величественная тишина и малолюдность сделали свое дело, душа понемногу успокоилась и совершенное накануне не стало уже казаться чем-то непоправимым... У выложенной мозаикой иконы Иверской Божьей Матери, слезы залили лицо и, словно благодатным дождем, оросили душу. Благоговейно положила перед Богородицей веточку вербы и легко взбежала по лестнице в Троицу. Причащение закончилось, Патриарх еще раз поздравил и благословил паству, и народ потянулся к главной иконе храма «Святой Троице» и иконе дня «Входу Господня в Иерусалим». Каким-то образом она очутилась на том месте, откуда к иконе можно было при желании подойти без очереди. Такого бы никогда себе не позволила, решив, постоять на этом месте, пока поток желающих припасть к иконам не иссякнет. С удивлением заметила, что иконы «Входа Господня в Иерусалим» нет и верующие прикладываются только к «Троице»... Опять

захлестнула волна раскаяния и сожаления, что даже припасть к иконе Верного воскресенья ей не дано...Сколько так простояла в центре храма, не помнит. Вывела ее из состояния полужабытия какая-то голубоглазая женщина в хевсурской шапочке, вышитой крестиками. «Привет! Как дела?» - как-то слишком загадочно спросила женщина. Даже не сомневаясь, что они знакомы ответила ей в тон: «Нормально, а у тебя как?». «Слушай, язык не поворачивается говорить такое в храме, но дела у меня не так, чтобы очень хорошо, я деньги потеряла. Выскользнули наверно из кармана, когда я сняла куртку и, чтобы не таскать ее в руке, положила в сумку», - говорила она, показывая при этом свою довольно respectable сумку, из которой виднелся то ли мольберт, то ли еще, что-то в этом роде. Нет, они не были знакомы. Женщина была выдержана в серо-голубых тонах. Голубая блузка, красиво сочеталась с классической серой юбкой явно не из секондхэнда. К этим цветам примешивались черный и темно-бордовый хевсурской шапочки, покрывающей ее голову, что создавало удивительную, не совсем обычную для каждого дня гамму. Под блузкой висело множество каких-то цепочек, крест и образ Божьей Матери, да и запястья и руки были украшены далеко не безвкусными изделиями церковной тематики. «Выручи, пожалуйста. Очень надо. Мне далеко ехать, как буду добираться ума не приложу...» Нет, она наверняка ее не знала. Ненавидела, когда попрошайничали в храме и даже могла не подать старикам, мимо которых никогда не проходила равнодушно. «Извини, но у меня, к сожалению, нет. Потратила, все что у меня было...» - неожиданно для себя стала оправдываться. «Да я у тебя много не прошу, сколько сможешь». Какая-то женщина участливо ввязалась в разговор: «Ой, деньги потеряли?!» «Да...», - как-то без энтузиазма ответила ее собеседница и, даже не взглянув на целую горсть мелочи, которую отсыпала ей сердобольная женщина, продолжила: «Я бы у тебя не просила, но я еду в Ахалцихе, мне срочно надо на автобус, а я не успеваю». Слово Ахалцихе, подействовало магично: там она родилась и, уже не раздумывая, изменила своим, как ей казалось, незыблемым принципам, собравшись подать этой нестарой и далеко не бедной на вид женщине, своей землячке. «Ты в Ахалцихе живешь?» - почему-

то переспросила, но в ответ услышала краткое: «Нет. Мне туда по делу». Там же перед алтарем, она достала небольшую купюру и неловко сунула в руки женщине. Та внимательно посмотрела на бумажку и принялась ее благословлять. Странно, но на благословения после подачи милостыни она никогда не реагировала, зная, что это заранее заготовленный набор слов, увеличивающийся в зависимости от размера подаяния. Отмахнулась, всем своим видом показывая, что общение закончено. Встала лицом к алтарю и стала мелко креститься. Женщина встала рядом, слегка дернула ее за юбку и глядя ей в глаза, промолвила: «Я тебя не обманула, слышишь?». «Знаю», - почему-то искренне вырвалось у нее. «Пусть радость, покой и свет всегда пребывают в тебе» - пожелала напоследок женщина и как-то моментально исчезла из поля зрения. Она растерянно оглянулась и вдруг чуть не закричала на всю церковь. Главная икона дня «Вход Господень в Иерусалим», которую она сначала не увидела, празднично украшенная белыми розами и веточками вербы принимала благоговейные почитания верующих прямо рядом с ней...

ИВЕРСКАЯ БОЖИЯ МАТЕРЬ

В октябре, в день Святого Фомы, неожиданно для себя я обнаружила, что в Сиони, в старом кафедральном храме страны есть семь икон Иверской Божией Матери различных списков.

В тот день я испытала сильное потрясение, ведь, если честно, до сих пор знала только об одной иконе Иверской Божией Матери в Сиони, которая по благословию Католикос-Патриарха Ильи Второго в конце восьмидесятых написана афонскими монахами на Святой горе и является копией Афонской Вратарницы. На протяжении сорока дней икона Иверской Божией Матери, предназначенная для Сионского храма, была прислонена к Афонской Вратарнице и по помещению в Сиони явила чудо. Лик Богоматери с Младенцем перешел на стекло оклада, обрамляющего икону. В Грузии эта икона скоро прославилась своей чудотворностью и с

благословления Патриарха несколько лет путешествовала по Грузии, неся свет, надежду и веру обитателям прекрасной и многострадальной страны. После нескольких лет отсутствия в храме, икона Иверской Божией Матери заняла свою нишу в Сиони, но через несколько месяцев икону обносили вокруг Тбилиси, как оберег и защиту против врага. Врага, и для которого Иверская Божия Мать, как и для нас, является одной из главных святынь и покровительниц... Под двумя огромными иконами Богородицы надпись на русском языке - Иверская икона Божией Матери, и множество свечей. В храме Иоанна Богослова надпись под Иверской иконой тоже на русском языке, но это не вызывает удивления, поскольку этот храм до сих пор считается русским, проводятся службы на русском и даже во время августовской русско-грузинской войны в реставрируемом храме службы на русском языке не прекращались. В Сиони же, кафедральном храме страны, если честно, я не ожидала этого увидеть...

Иверская икона в Грузии очень почитаемая. Именно эту икону в золотом окладе подарила великая грузинская царица Тамар осетинскому народу, в знак высочайшей милости и благословения. Царицу Тамар благодарные потомки причислили к лику святых, а подаренная царицей осетинам икона уцелела от нескольких пожаров и позднее стала покровительницей всего Кавказа.

Потрясенная своим «откровением», подолгу останавливаюсь у каждой иконы, то ли испрашивая прощения за свою непростительную многолетнюю невнимательность, то ли принося благодарность за ниспосланную чудесную благодать Божией Матери.

- Простите, вы позволите помолиться и спеть Богородице? - опускает с небес женский голос. Виногато-отрешенно улыбаясь, покорно уступаю место и встаю рядом. Три грузинки, завершив читать акафист Богородице, ангельскими голосами благодарят и величают Царицу Небесную.

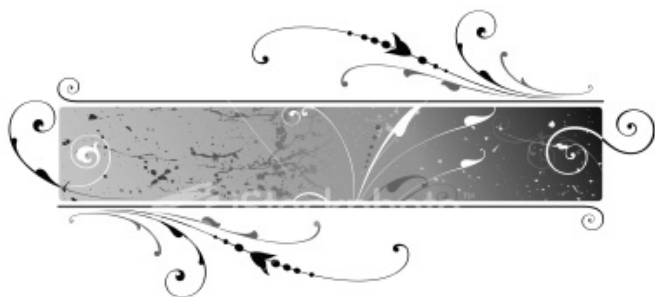
Праздник Святого Апостола Фомы. В этом старом кафедральном храме Сиони хранится уникальная святыня христианства – голова Апостола Фомы, к которой приходит поклониться в праздник огромное количество народа.

Верующие, приложившись к святыне, обходят храм, стараясь также получить незримое благословение от святыни Грузии – животворительного Креста Святой Равноапостольной Нины, просветительницы Грузии и всех икон Сионского храма. Приложившись к Иверской Вратарнице, верующие задерживаются, трепетно прислушиваясь к горячей молитве и божественному песнопению славящему Божию Матерь. Ангельские голоса певчих, кажется, умащивают елеем душу и вызывают безудержный поток божественно-счастливых слез. Ощущением какого-то неземного восторга охвачено все твое существо, кажется, ты забываешь обо всем, кроме Бога и Божией Матери и всей душой тянешься туда, ввысь, к Свету и Добру.

Голоса умолкают. Певчие перекидываются несколькими фразами и стены храма оглашаются благодарственным пением Царице нашей Небесной, Богородице на русском языке. Напряженно оглядываюсь, в ожидании, что верующие (по понятным причинам) выразят протест против русского песнопения в грузинском храме. Вокруг собирается много народа, все внимают и благоговейно крестятся. Благодарственное песнопение на русском заканчивается благодарностью Николаю Чудотворцу. Люди, благодаря певчих и благословляя, прикладываются к Иверской Божией Матери...

...19 октября 2008 года. Праздник Святого Апостола Фомы. В августе была русско-грузинская война. Российская армия все еще находится на территории Грузии, и пока никто не знает, сколько еще эта армия здесь простоит...

ОЧЕРКИ

3.3. – 33...

Мне уже исполнилось 33 года... 3.3. (марта) – 33 года. Я хотела написать это именно 3 марта и начать словами: „Сегодня мне исполнилось...“, но в тот день я почему-то не села писать, хотя почти месяц обдумывала то, о чем мне хотелось поговорить. Сегодня уже 13 марта – День Прощения. И я думаю, что это не случайность.

Я почему-то всегда считала, что не обязательно справлять круглые даты – двадцатилетие, тридцатилетие. Но дату вступления в возраст Христа нужно обязательно отметить потому, что всегда с благоговением относилась к этой дате... И могла ли я когда-нибудь представить, что именно эту дату я не смогу отметить...

Возможно, и в этом есть нечто фатальное. Мне казалось, что с 33 лет в жизни человека, достигшего этого возраста, должен произойти какой-то кардинальный перелом к лучшему, какое-то обновление, какой-то новый мощный импульс к жизни... Со мной же все произошло иначе. Достигнув 33 лет, я вдруг с ужасом обнаружила, что во мне иссякли всяческие силы, что я совершенно беспомощна в этом ожесточенном, бездушном мире и, что самое для меня страшное, я, оказывается, способна вызывать какую-то необъяснимую ненависть у совершенно незнакомых людей. Это меня очень угнетает - ведь я привыкла к любви, которой окружают меня знакомые и близкие, и я всегда стараюсь отвечать тем же.

В декабре, на Святую Варвару, пожалуй, я впервые столкнулась с этим взрывом ненависти и настолько была потрясена случившимся, что даже сейчас, спустя столько времени, стараюсь об этом не вспоминать потому, что снова начинаю переживать, пожалуй, даже острее, чем в тот день.

В вагоне метро было сравнительно свободно. Я говорю «сравнительно» потому, что можно было шевелиться, ведь вот уже три года, как в метро невозможно не только шевелиться, но и дышать в полную грудь, не говоря о постоянном страхе быть раздавленной. Так вот, я, к великой своей радости, обнаружила в вагоне свободный островок и протиснулась туда. Передо мной

сидел какой-то мужчина лет 55-56, рядом с ним женщина с ребенком. Я вдруг заметила, что люди почему-то брезгливо отворачиваются, машинально посмотрела на сидящего впереди меня мужчину и содрогнулась от жалости. Мужчина вытягивал шею и с ожесточением чесал то лицо, то голову, то горло. Вся его плешивая голова, лицо, руки были покрыты какой-то кровоточащей коростой. Заметив омерзение окружающих, он прodelывал все это с каким-то особенным наслаждением, граничащим с садизмом. Тем временем поезд подошел к станции, женщина с ребенком вышла, но на освободившееся место никто не спешил садиться. Я заметила, что несчастный это почувствовал и какая-то непонятная жалость заставила меня сесть на то место. Садясь, я машинально подобрала манто, стараясь не касаться чесоточного соседа. Вагон набился битком. Рядом со мной села женщина с ребенком. Я, чтобы, не смотреть в сторону чесоточного, принялась разговаривать с ребенком. И, о Господи, вот тут началось... Мой сосед пришел в какое-то неопишное иступление. Он ожесточенно чесался, не забывая при этом больно пихать меня локтем в бок. Обнаружив, что этого мало, он начал тихо крыть меня матом. Стараясь не сорваться, я ровным голосом спросила: „Что вам надо?“ Он опять пребольно пихнул меня локтем: „Вставай отсюда, если брезгуешь... твою мать!“ Встать уже было невозможно, в вагоне уже было не продохнуть, и я все равно бы не смогла отойти от того места. Я ничего не могла сделать. И просто боялась, что если сорвусь, меня понесет и, возможно, я сделаю еще больнее этому несчастному и без того ущербному человеку. Я молчала, слезы обиды катились по лицу. Окружающие с каким-то нескрываемым наслаждением наблюдали за этой жуткой сценой... Выходя на своей станции, чесоточный напоследок больно ткнул меня ногой по ноге и вышел... Я испугалась. Испугалась того, что причину всех своих бед мы, люди, ищем не в себе, а в других. И что самое страшное, находим и стараемся сорвать на них свое зло. Даже в этом конкретном случае несчастный чесоточный нашел меня и постарался сорвать на совершенно незнакомом человеке всю клокочущую в нем ненависть ко всему роду человеческому...

Довольно часто можно услышать, что люди ожесточились из-за того, что переживают трудные времена. Да, но думаю, что это еще не повод терять человеческий облик. Я, наверное, никогда не смогу понять, почему сегодня люди так оглохли и ослепли, и страдания ближнего и дальнего доставляют им почти что удовольствие?..

Мне уже исполнилось 33 года (3.3. – 33). И почему нет во мне того желанного нового импульса к жизни?.. Может потому, что мы всю зиму провели в темноте, холоде и голоде. Ну, насчет голода, может, сильно сказано, а вот темнота и холод всю зиму были нашими неразлучными спутниками. Что может быть ужаснее, когда ледяные стены родного дома буквально выталкивают тебя на улицу потому, что на улице теплее, так как при ходьбе ты согреваешься. Что может быть ужаснее, когда слабый, мерцающий свет керосиновой лампы доводит до исступления, и ты предпочитаешь кромешную тьму. Что может быть ужаснее, когда тебя дома начинает охватывать жуткий холод, от которого нет спасения. Сначала леденеют ноги, потом холод постепенно охватывает все тело, а ты мечтаешь хоть о самом слабом источнике тепла, в этом случае горячем кипятке, чтобы хоть немножко согреться. Но это только мечта, потому что в доме электроплита и пока не дадут свет мечта о тепле не осуществится. Иногда так можно мечтать 3-4 дня подряд в ожидании света... Говорят, что в других районах мечтают об этом и дольше... В общем, жизнь стала сплошной, невыносимой пыткой. И потом эти лица вокруг, лица потерявших человеческий облик людей...

Что же нас обогреет, смягчит душу, если Бог даже солнца, кажется, для нас жалеет? Мне было, наверное, лет двадцать, когда я написала стихотворение. В художественном смысле оно не представляет никакой ценности, но для меня оно оказалось роковым:

Как боялась остаться одной
И от сердца печаль не отходит...
Мое сердце отгадет весной,
А она, как назло, не приходит.
Словно плачет со мной вся природа,

Облекая весь город в туман.
Изнуряет меня непогода
И внушает, что жизнь есть обман.
Не хочу жить надеждой – обманом,
Надоело надеяться вечно,
Вижу жизнь мою, как туманом,
Безнадежность берет навечно.
Безнадежность в любви и счастье,
Как боялась я этого в жизни...
Может, все-таки это ненастье
Безнадежит так мои мысли?..

Мне уже исполнилось 33 года и вместо ожидаемого нового импульса к жизни – безнадежность... Ощущение полного краха, суетности всего происходящего. Над всеми нами провели чудовищный эксперимент. Для чего-то „разозгли“ в людях якобы дремлющий национальный дух, затопили землю кровью и устлали ее костями молодых ребят, а нас оставили с переименованными улицами и переделанными праздниками. Только и всего...

13 марта 1994 г.

ЗА СЧАСТЬЕМ...

Когда это началось? Наверное, сразу после сотворения мира... Когда первый человек пустился по миру в поисках лучшей доли... Человек изначально стремился к лучшему и, может, уже тогда появилась пословица: „Рыба ищет где глубже, а человек - где лучше“.

Когда я столкнулась с этим впервые? Когда была в классе четвертом-пятом. В нашем классе училась девочка с огромными черными блестящими глазищами и роскошными золотисто-каштановыми кудрями. Я даже запомнила имя – Мзия Квителашвили. Тогда это были чуть ли не первые грузинские евреи, которые потянулись за счастьем и обеспеченной жизнью

на Землю Обетованную. Мне запомнилось, как наши мамы завистливо-осуждающе покачивали головой вслед Мзие и ее маме, надменно поджимая губы. Тогда люди, покидающие Советский Союз, считались почти предателями Родины. Еще бы! Ведь нам чуть ли не с яслей внушали мысль о преимуществах развитого социализма в сравнении с загнивающим капитализмом, о патриотизме, истинной любви к родине и т. д. и т. п.

Мзиину семью не выпускали долго и, честно говоря, мы уже забыли о том, что она должна уехать. Ставшая было белой вороной золотовласая девочка опять была принята в нашу советскую школьную компанию до тех пор, пока она не объявила нам со слезами в глазах, что послезавтра уезжает.

Провожать Мзию я не пошла... Одноклассники рассказывали, как она рыдала на вокзале и как родители силком втолкнули ее в поезд.

Уже потом, в конце восьмидесятых, уехала в Нью-Йорк моя подруга, которая взхлеб уверяла меня, как ей там будет хорошо. Помнится, несмотря на все старания, она так и не смогла меня убедить, хотя почти обо всех уехавших рассказывали чуть ли не легенды, как они там прекрасно устроились, как открыли собственное дело, разъезжают чуть ли не по всему миру, как ... ах, как ... ох!.. А я никак не могла понять... Не могла этого понять даже тогда, когда люди бежали из разрушенной, разоренной, поставленной на колени и протягивающей за подачкой руку страны.

Я до сих пор не могу понять длиннющие очереди, выстраивающиеся у входа в различные посольства и до обалдения счастливые лица людей, выцарапывающих выезд будь-то в Америку или в Танзанию. Все хорошо, лишь бы отсюда уехать.

И уезжают, и в большинстве своем работают наши квалифицированные инженеры, врачи, учителя грузчиками, разносчиками, подавальщиками... И устремляют им вслед свои завистливые взоры остающиеся дома соотечественники, которым, увы, не дает покоя шанс обогащения ближних. Чуть ли не со слезами зависти на глазах воспринимается любая посылка из-за бугра соседу, будь то даже от соседской дочери-

проститутки, промышляющей на панели в каком-нибудь захудалом турецком городишке.

Я никогда не смогу понять счастья одного из моих друзей, блестящего историка, великолепно образованного, знающего несколько иностранных языков и устроившегося официантом в одном из нью-йоркских ресторанов. Сколько бы мне не рассказывали о том, как он хорошо устроился и какие деньги присылает своей матери и брату, я никогда не смогу поверить, что ему может быть хорошо. Может оно и так, но мне кажется, что, чужбина духовно обкрадывает людей...

А сколько счастья и гордости, когда получают американское, английское, французское, израильское или какое-либо другое гражданство! Вот это уже точно я никогда не смогу понять. Ведь грузины испокон века относились к тому немногочисленному списку наций, которые нигде не могли жить, кроме своей родины. Александр Дюма-отец в своем путешествии на Кавказ в 1859 году так характеризует грузин: „Я не говорю о грузинской нации, которой не встретишь нигде вне Грузии...“. В XIX веке, может, и не встречались, а если и да, то история сохранила нам немало случаев смертельной тоски грузин, волею случая оказавшихся на чужбине... Зато сегодня в каких только краях земного шара не встретишь потянувшегося за призрачным счастьем грузина... И порой с ужасом кажется, что в этом рывке за счастьем, пусть даже второсортным, единодушна вся нация, тем более если учесть статистические данные по уехавшим.

Но, слава Богу, что это только кажется. Иначе никогда бы не вернулся на родину молодой гражданин Америки, оставивший в Нью-Йорке все – отца, мать, достаток, благополучную жизнь, и добивающийся грузинского гражданства. Все знакомые недоуменно разводят руками, не понимая, чего же ему надо, и от всей души сочувствуя его родителям, сумевшим в свое время вырваться из тисков советского тоталитарного режима, чтобы устроить счастье своих детей...

Я его понимаю.

ВЕРА ПУТИНА

Одно время ее лицо часто мелькало по всем ведущим каналам грузинского телевидения. Лицо простой русской женщины с удивительно ясными для ее возраста серыми глазами из грузинского села Метехи.

С чьей-то подачи по Грузии пронесся фантастический слух - мать нового российского президента живет в грузинском селе!.. И любопытные журналисты устроили паломничество к скромному домику на окраине села, которое расположено в Каспском районе в 40-50 минутах езды от Тбилиси. В этом доме и жила эта русская женщина Вера Путина, с легкой руки журналистов прозванная «матерью Путина». Постепенно страсти улеглись, и все также внезапно забыли о существовании старушки, в чью душу так бесцеремонно вломились чужие, наглые люди...

Дом Веры Путиной мы нашли без особого труда. Люди, видимо привыкшие к свалившейся на голову их односельчанки популярности, без лишних вопросов, так свойственных, пожалуй, большинству деревенских, охотно показывали дорогу к ее дому. Остались позади древний храм Успения Пресвятой Богородицы, старая сельская школа, в которой, по рассказам сельчан, учился русский мальчик Вова Путин...

Подъехали ко двору, в глубине которого стоял небольшой простой дом. На сигнал машины со свирепым лаем вылетела пятнистая дворняжка, за ней слегка подпрыгивающей походкой семенила маленькая, сухонькая старушка. Черно-белая дворняжка бесновалась за калиткой, хозяйка, держась за щеколду, не торопилась открывать, внимательно присматриваясь к стоящим за калиткой непрошеным гостям. Затем строго прикрикнула на собаку и несмотря на то, что среди гостей преобладали люди славянской внешности, произнесла на чистом грузинском: «Два дня детей жду, а они все никак не доехали... Здравствуйте...»

Эта русская женщина Вера Путина прожила в Грузии большую часть своей жизни, приехав сюда с Урала с маленьким сынишкой Вовой за своим новым мужем Оганезовым. Сельчане до сих пор помнят смышленного, шустрого русского

мальчишку, которого так невзлюбил отчим...

Я внимательно вглядываюсь в умные, то ли серые, то ли голубые глаза этой старой русской женщины, пытаюсь уловить в них хоть какую угодно тень притворства и лукавства... Но в них нет ничего, кроме затаенной боли, которую выплеснула напоказ всем какая-то страшная и непонятная ей сила как раз тогда, когда человек в ее возрасте, все чаще начинает задумываться о предстоящей встрече с Богом.

- Почему сдали ребенка в детский дом? - безжалостно спрашиваю я, заведомо зная, что этим вопросом причиняю ей невыносимые страдания

- Никуда я его не сдавала. Я отвезла его к своим родителям на Урал, а что случилось потом, я не знаю... С тех пор я не была дома ни разу...

- Почему? - задаю наивный вопрос.

- Не было у меня никогда денег, чтобы поехать в такую даль...

- А как же Вы его тогда отвезли?

Молчание.

- Ну хорошо. Почему Вы его отвезли?

После длительного тягостного молчания, она выдавила:

- Мой муж не хотел с ним жить, вот я и увезла его к родителям, оставив с мужем маленькую дочь. Но мой отец, старый партийный работник, не позволил мне остаться дома, заявив, что кукушка-дочь ему не нужна и заставил вернуться за дочерью. Я и вернулась сюда с мыслью, что вернусь домой с дочерью, но жизнь распорядилась иначе. Не вышло у меня это. И с тех пор так ничего и не вышло. Я только рожала и растила детей.

Она явно чего-то не договаривает, но мне не хочется ее мучить, и я всеми силами пытаюсь загнать поглубже произвольно поднимающееся осуждение, разумом пытаюсь осознать, что жизнь к нам порой бывает беспощаднее, нежели мы от нее можем этого ожидать... Так и односельчане Веры, несмотря на то, что прошло столько лет и люди за последние годы нахлебались столько горя и несправедливости, до сих пор не могут простить мать, которая в угоду мужу смогла отказаться от родной кровинушки.

Своенравного, подвижного, как ртуть, мальчика, проявив-

шего к тому же такую склонность к грузинскому языку и грузинской вольной борьбе, искренне полюбили и жалели и взрослые, и его сверстники. Его друзья и соседи до сих пор помнят, что ему не раз приходилось ночевать под открытым небом из-за прихоти сурового отчима. Впрочем, как говорят соседи, от деспотичного отца также доставалось и его родным детям...

Я, кажется, несмотря ни на что, проникаюсь состраданием к этой хрупкой, далеко не безвольной женщине. Вопреки ожиданиям, она меньше всего оставляет впечатление шарлатанки, пользующейся удобным случаем во что бы то ни стало оставаться на волне внимания, пусть даже такой несуразной - возможностью побыть матерью президента могучей России, своего однофамильца. Она об этом и не говорит, и не утверждает того, чего действительно не знает. Она прекрасно понимает, что и имя того далекого недоступного президента ее исторической родины, и имя когда-то брошенного ею некогда сына, далекое с годами сходство могут быть просто лишь совпадением. Меня поражает иное. Поражает, что эта простая русская женщина из глубокой грузинской деревни смогла изучить грузинский язык так, что Библию и Житие святых читает исключительно на грузинском.

- Когда я перечитала все русские книги в сельской библиотеке, я начала учить грузинский, чтобы не остаться наедине с собой и не лишиться общения с книгами. Я и Библию на русском в руке никогда не держала. А теперь даже не знаю, начни я сейчас читать ее по-русски, смогу ли так все воспринять в Библии, как на грузинском? А подержать русскую Библию хочется...

Почему-то не хочется рассказывать о ее другой жизни, детях и внуках, которые, кстати, тоже пытались искать, когда-то пропавшего из их жизни брата по матери... Не хочется может потому, что у нее самой осталось всего два сокровенных желания - исповедаться в русской церкви и быть похороненной в русской земле, на родине.

Первое желание, пожалуй, осуществимо, а второе - мечта, которую сможет выполнить разве что ее русский сын Володя, если когда-либо услышит ее и сможет простить.

Но вслух об этом она не говорит...

МЕЖДУ НАМИ, ЖЕНЩИНАМИ...

Ненавижу метро и подземные переходы. Ненавижу за то, что здесь особенно проявляется назойливый спутник всех наших последних лет: нищета и безысходность. За то, что именно отсюда за нами увязывается тот специфический запах устоявшейся мочи, невымытых тел и еще чего-то такого, что мне трудно выразить словами, но что знакомо каждому, сталкивающемуся в своей повседневной жизни с перечисленными мною прелестями подземок.

„Помогите бедному Георгию и Бог не оставит вас!“ – тянет изо дня в день могучим голосом толстозадая баба, неустанно укачивая на своих заплывших жиром руках „бедного Георгия“, и расположив свой зад прямо на бетонных плитах перехода. „Бедному Георгию“ подают, видимо могучий голос заботливой мамыши производит впечатление. В метрах двух-трех от них переминается с ноги на ногу то ли местный поэт, то ли песенник и выкрикивает уже осевшим, охрипшим от неустанной работы голосом то частушки, то сочиняемые им экспромтом белые стихи самого широкого диапазона: от исторической миссии грузинской нации до актуальности городской свалки, двое-трое молодых людей с остервенением рвут струны гитары, безбожно фальшивя, пытаясь переорать маму Георгия и поэта-песенника... И так без конца, в каждом подземном переходе, словно кто-то задался целью постоянно напоминать нам о нашей физической и духовной немощи...

Ненавижу метро и подземные переходы, стараюсь, по мере возможности, обходить их стороной, но не всегда это получается.

Вот и сейчас я неохотно направляюсь к метро, проклиная свое безденежье, что не могу сесть в такси и комфортно добраться до подруги... Покупаю довольно дорогой для страны, в которой практически нет зарплат, жетон и направляюсь к эскалатору. Мое внимание привлекает группа людей, сгрудившихся около полицейского и горько плачущей тщедушной, бедно, но опрятно одетой женщины. Я намереваюсь пройти мимо, но взгляд вдруг останавливается на

светловолосом мальчике лет семи-восьми, который глазами, полными невысказанной муки, наблюдает за происходящим. В огромных, голубых глазах ребенка застыло выражение боли и тоски. Этот взгляд словно подхлестывает меня, и я решительно вклиниваюсь в толпу. „Что здесь происходит!?“ – удивляюсь я своему начальственному голосу. Полицейский окидывает меня наглым взглядом, не утруждаясь ответом. Толпа на мгновение затихает, а затем находится смельчак, который начинает объяснять, что у этой женщины только сейчас отобрали бесплатный пропуск в метро из-за того, что она хотела провести и своего ребенка. Меня снова обжигает детский взгляд. „Почему вы у нее отобрали пропуск?“ – сдержанно спрашиваю я у блюстителя порядка. „Не положено!“ – не терпящим возражений тоном бросает мне полицейский. „Что не положено, детей бесплатно провозить?“ „Да!“ – окатывает он меня наглым взглядом стального цвета. „Послушайте, – пытаюсь урезонить его, – неужели у вас нет сердца. Может нет у нее таких денег“. „Небось, приобрести такой пропуск, у нее нашлись деньги!“ „А с чего вы взяли, что она его за деньги приобрела? – закипая слепой яростью спрашиваю я у него. –Верните ей этот пропуск, а за ребенка я заплачу!“ „Верну, как же. Сейчас она пойдет со мной в отделение и там выясним, где она его добыла. А вы, гражданка, проходите, не задерживайтесь, не мешайте мне в исполнении служебных обязанностей!“ „Тогда и я приступлю к исполнению своих обязанностей,“ – как бы невзначай роняю я и вытаскиваю из портфеля блокнот и диктофон. Извлеченные из сумки предметы совершают магическое действие. Наглый взгляд блюстителя порядка моментально угасает: „Вы знаете, сколько их за день так проходит, кто кошелек дома забыл, у кого деньги украли, кому зарплату никак не выдали. У них всегда найдется причина. Государство на всех не напасется... Что вы собираетесь делать?“ – вдруг спрашивает он. „Ничего. Я журналистка и забочусь о государстве. Здесь возникла проблема, которую, наверное, нужно сообща решить. Как ваша фамилия?“ Полицейский начинает затравленно озирать толпу, которая заметно обросла, пытаюсь найти хоть один сочувственный взгляд. Однако, убедившись в напрасности своей надежды, дерзко заявляет: „Никаких интервью я здесь давать не

буду!“ „Почему? – мило удивляюсь я, – ведь это в интересах государства!“ „Ничего я вам не скажу.“ Толпа напрягается. Женщина перестает плакать и испуганно наблюдает за мной. „Мне не составит труда установить вашу личность, а то, что вы мне сказали, достаточно для небольшого материала,“ – равнодушно бросаю я. Полицейского начинает теревить за штанину женщина из обслуживающего персонала метро. „Пройдите в отделение, поговорите с начальником,“ – упрямо бубнит блюститель порядка. „Пошли!“ – равнодушно пожимаю я плечами и решительно направляюсь к выходу, хотя, честно говоря, мне не совсем хочется тащиться по этой жаре в какое-то отделение, когда у моей подруги день рождения и скоро, наверное, разрежут клубничный торт... Я не вижу, что происходит за моей спиной, но слышу мирный голос блюстителя порядка: „Скажи спасибо этой женщине. На этот раз так и быть, прощаю, только в следующий раз если поймаю, то... Не успевает он докончить фразу, как женщина выхватывает у него из рук вновь обретенный источник своей жизни, торопливо засовывает его в лифчик, хватая мальчика за руку и даже не удостоив меня взглядом, мчится к эскалатору. Полицейский устало улыбается: „Убедились?“ Я говорю ему спасибо и медленно направляюсь к эскалатору, моля Бога, чтобы их там уже не было.

Внизу мать вытирает сыну стареньким чистым розовым полотенцем потное лицо и что-то торопливо ему говорит. Мальчик обжигает меня благодарным взглядом. Я, сделав вид, что не заметила их, пытаюсь пройти мимо. Женщина робко хватается меня за локоть: „Спасибо вам большое.“ У меня отлегает от сердца. Мальчик ласково смотрит на меня. Я хочу пройти дальше, но женщина меня не отпускает: „Вы знаете, я хочу вам сказать, между нами, женщинами, этот полицейский меня домогается, он мне проходу не дает...“ Я окидываю недоверчивым взглядом эту невзрачную, далеко не молодую захмурышку и никак не могу поверить, что тот статный, довольно симпатичный блюститель порядка мог на нее позариться. Я испуганно оглядываюсь на ребенка, который все слышит. „Да, да, – уловив мой недоверчивый взгляд, твердит женщина, – у меня муж погиб. У меня большой частный дом, а

он из деревни. Чего еще ему надо? – почти плачет она, понимая, что не сумела меня впечатлить.

Я неловко улыбаюсь и направляюсь к подошедшему поезду.

Мне жаль этого мальчика...

Июль, 1996

ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ, И ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ

Всему свое время, и время всякой вещи под небом.
Время рожаться, и время умирать; время насаждать,
и время вырывать посаженное.
Время убивать и время врачевать; время разрушать, и
время строить;
Время плакать, и время смеяться; время сетовать, и
время плясать;
Время разбрасывать камни, и время собирать камни;
время обнимать, и время уклоняться от объятий;
Время искать, и время терять; время сберечь, и
время бросать;
Время раздирать, и время сшивать; время молчать, и
время говорить;
Время любить, и время ненавидеть; время войне, и
время миру.

ИЗ КНИГИ ЕККЛЕСИАСТА

В самый пик чудовищной русско-грузинской войны, когда Тбилиси охватила паника, что русские собираются захватить город, я получила по электронке письмо, с предложением принять участие в конкурсе сценаристов «Россия вне России». В тот момент это предложение выглядело, по меньшей мере, как издевка. А как же еще это могло быть воспринято, когда российские бомбардировщики вспарывали грузинское небо, а русская армия, под видом миротворцев, шагала по грузинской земле, сея смерть, страх и ужас среди ни в чем не повинного населения? ...

... Поезд Москва-Берлин пересекает советско-польскую границу. То ли глубокая ночь, то ли раннее утро перед рассветом. В купе раздается стук, в дверном проеме появляется проводник и выдает заученный текст: «Мы находимся на территории Польской Народной Республики. Во избежание недоразумений, вызванных брошенными поляками с перрона или откуда-нибудь еще камнями, просьба пассажирам лечь на пол». И не отвечая на недоуменный вопрос, в чем, собственно дело, стучит в соседнее купе. Мама испуганно прижимает меня к себе. Раздается глухой стук снаружи вагона. Проводник проходит назад, заглядывая в купе, проверяя, выполняются ли его инструкции. Папа в форме советского офицера сидит упрямо стиснув зубы и, не двигаясь, смотрит в окно. «Вы хоть фуражку спрячьте! Ведь ребенок с вами!» - укоризненно говорит проводник и собственноручно снимает с полки папину фуражку со звездой, очевидно сообразив, что на пол папа не ляжет. Стук летящих в поезд камней учащается, поезд набирает предельную скорость. Откуда-то слышится звон разбитого стекла...

Это первое детское потрясение, что тебя могут не любить и потому закидать камнями. Потрясение оказывается настолько сильным, что понадобится много лет, чтобы изменить свое негативное отношение к полякам, и даже польский сериал «Четыре танкиста и собака», так полюбившийся в Советском Союзе, не может сподвигнуть на любовь к тем, кто кидал «в нас» камни.

А потом, спустя много лет в Тбилиси, кровавая ночь 9 апреля, когда советские десантники под командованием генерала Родионова, жестоко разгоняя митинг, буквально рубят саперными лопатками мирных демонстрантов, сея смерть, страх и ужас. В ту кровавую ночь грузины, то ли в приступе отчаяния, то ли в знак протеста бьют советские танки палками...

Пожалуй, только тогда до меня впервые начинает доходить, что значит ненавидеть русского солдата. И военная техника, оккупировавшая в те апрельские дни город, словно не дает вздохнуть полной грудью. А мой папа, советский офицер, даже в те трагические для Грузии дни не снимает военной формы, хотя ходить в ней по улицам Тбилиси небезопасно. Эта

форма раздражает даже меня, с детства к ней привыкшей. И на вопрос: «Как тебе не стыдно в ней ходить?». Отвечает: «Вся армия не может быть в ответе за этот позор!»

Сложно представить, что бы мог сказать папа сегодня, когда российские самолеты бомбили Тбилиси. Правда бомбили они уже столицу «вражеского» им государства. Но, думаю, этого позора российской армии (армии пусть и соседнего, и далеко не дружественного государства) он бы наверняка не пережил. И наверное поэтому в те дни у посольства России грузины сжигали свои паспорта гражданина России (кто знает с каким трудом полученные) и в знак протеста оставляли советские награды, словно пытаясь этим жестом отчаяния остановить происходящее. Хотя в те дни происходило нечто более трагическое, нежели отказ от советских наград и российского гражданства: грузины, несшие русскую культуру грузинскому народу и являющиеся чуть ли не единственным надежным мостом во взаимоотношениях между Грузией и Россией, усомнились в правильности сделанного ими выбора...

Чудовищная и странная русско-грузинская война. Для кого пятидневная, а для кого и бесконечная, начавшаяся, по крайней мере, в конце восьмидесятых. Война 21 века, когда одни гибнут под пулями, а другие, чуть ли не в лайве, смотрят происходящее, сидя у телевизоров. Несмотря на страшные, жуткие вести, в происходящее верится с трудом. Тут уже речь не о ставшем привычным и обыденным - столкновении двух религий, двух цивилизаций. Тут уже братья по вере попирают единые святыни и расстреливают, сжигают и грабят православные храмы, только потому что они грузинские... Распинают Единого Бога и на грузинской земле единую святыню - Иверскую икону Божией Матери! Не хочется даже представлять тех, кто прицельно мог бомбить храмы и разворовывать церковное имущество, но мысль о тех чужеземцах, кто в разгар кровавого конфликта горячо молился в грузинских церквях на охваченной войной земле, оставляя оружие снаружи, не дает слепо ненавидеть. С Божьей помощью, только представители грузинского духовенства могут проходить в зону военных действий, чтобы оказать помощь и поддержку страдающему и бедствующему населению и вынести останки погибших. Жуткая картинка. Люди в рясах с

окаменевшими от увиденного лицами на фоне российских солдат в камуфляже с автоматами наперевес. Но безысходную тяжесть снимает кадр с пожеланием какого-то солдата на одном из блокпостов около Гори, бесцеремонно подталкивающего священнослужителя к автобусу: «Молитесь, блядь, чтобы все скорее закончилось!»... Конечно же, они молятся. Молятся и за этих русских солдат, кем-то безжалостно выставленных на грузинские дороги на позор всему миру!

Никто не хочет поверить, но очевидцы то там, то здесь рассказывают о случаях, когда русские противники спасали их в этой чудовищной войне. Даже я, выросшая в военной среде, пусть даже несуществующего уже государства, не хочу верить. Не могу верить потому, что наслушалась от беженцев, как их, убежавших от войны и смерти, русские солдаты под видом проверки документов, грабили на наскоро раскинутых блокпостах: «Документы! Деньги! Золото!». Впрочем, это не мешало им затем проявлять «благородство» на сельскохозяйственных рынках, когда они на награбленные у грузинского населения грузинские деньги покупали продукцию у грузинских же крестьян. Не могу верить потому, что уходя они поджигали эту грузинскую землю, обрекая на голод и нищету, ее ни в чем неповинный народ...

Кто-то рассказывает, как пилот не сбросил бомбы на большое скопление живой силы и техники, хотя мог. Кто-то рассказал, как какой-то молодой русский лейтенантик спас целый взвод грузин, не испугавшись в самый разгар боевых действий около Цхинвали, среди ночи появиться в стане врага и предупредить о предстоящей бомбежке места их дислокации. Грузины, оказывается, сначала не хотели «поддаваться на провокацию», но потом решили не искушать судьбу. И правильно сделали, потому что буквально через несколько минут на том месте, откуда они снялись, образовалась огромная воронка... И в это бы не поверила, если бы один из тех спасшихся грузин не ставил свечи за того неизвестного русского офицера.

Есть еще одна просто невероятная, даже для меня, история о том, что в каком-то селе, русские нашли тяжелораненную грузинскую женщину и, оказав ей первую, необходимую

помощь, сдали на попечение пожилого осетина, поскольку никого из грузин там не оказалось. Говорят, что они навещали свою подопечную, делали перевязки и делились своим пайком. Но однажды они обнаружили уже идущую на поправку женщину убитой, а старика-осетина избитым до полусмерти. Как выяснилось, по чьему-то доносу, с ними расправились члены одной из многочисленных криминальных осетинских и интернациональных банд, бесчинствующих почти везде, где проходила русская армия. У полуживого осетина им удалось узнать номер машины, на которой приезжали эти молодчики... Говорят, что больше тех мародеров живыми никто не видел...

Чудовищная война, ужас и безысход. Единственная надежда – Бог. По Грузии начинают обносить икону Иверской Божией Матери и денно и нощно молиться по благословию патриарха Грузии. И грузины, и русские знают, что икона Иверской Божией Матери на святой горе Афон, всегда реагирует на катаклизмы, которые происходят на нашей земле. Лампада перед иконой раскачивается так, что никто не в силах ее остановить... Интересно, как Иверская Божия Мать, покровительница грузинского и русского народов, реагировала на этот раз? И раскачивается ли она до сих пор? А понимают ли те, кто послал на грузинскую землю воевать русских детей, что Грузия – это Удел Божией Матери и она никому не позволит этот Удел попирать? Понимают ли, что замыслили противоугодное единому Богу?

Российская армия вторглась в Грузию под предлогом защиты «российских граждан» проживающих в Южной Осетии, решив заодно «защитить» и Абхазию, а также, похоже, и граждан самой Грузии в самых неожиданных местах ее территории. Однако, по прошествии времени, доводы о необходимости защиты «своих» граждан сменяются на инсинуации «по спасению» жизни российских солдат, которых, оказывается, убивали грузины. Жизнь граждан любой страны, и солдат, и мирных жителей – это святая святых. Только ведь может у кого-то там же, в России возникнуть простой вопрос: «А что делали российские солдаты на территории чужого государства, где потом пришлось их спасать?». Интересно, что на это ответит русский генерал Борисов (как говорят,

родившийся в Гори), который, с трудом волоча ноги, сопровождал католикос-патриарха Илью Второго в зоне боевых действий. Очень интересно, как генерал ощущал себя в разбомбленной Никозской епархии, при виде рыдающего грузинского Патриарха на панихиде по *всем* убиенным в этой проклятой войне? И в той церкви, хотя бы на мгновение, ему не стало страшно за содеянное российской армией? Страшно перед Богом?

Тогда, после 9 апреля, мой папа, советский офицер, ответил мне, что «вся армия не может быть в ответе за этот позор!». Тогда я не совсем его поняла. Теперь я понимаю, что вся армия, конечно же, нет. Но кто-то же, рано или поздно, ответит за этот ужас? Ответит перед Богом...

P.S. Незадолго до этой безумной войны, к моей соседке Ирине из России приехала в гости мама, которая всего второй или третий раз была в Грузии. Так вот, когда прошел слух о захвате Тбилиси, старую, русскую женщину дочь из опасения, как бы чего ни случилось, эвакуировала в другой, более безопасный конец города, откуда в случае захвата Тбилиси, легче было бы убежать... Вот только от кого? От своих же соотечественников? А может, русской учительнице пришлось бы убежать от своих же учеников?

Так что, Россия вне России может смотреться в совершенно неожиданных ракурсах...

10 октября 2008 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕ ТА ЖЕ И НЕ ТА ЛЮБОВЬ

Влюбленная	4
Новелла, которая не кончается	6
Странные замки	13
Фантом	17
Любовница	27
Заколка	31
Мужеизменница	35
Наваждение	41
Пустыня	49
Знамение	59
Твой	65
Маленькая милая девочка	67
Ком	70
Старородка	76
Занавес	85
Кошмар	99
Да здравствует Гугуш!	105

МАМЫ-ПАПЫ

Когда уходит мама	110
Время сберегать	116
Год Быка	121

ИЗ СЕРИИ «ОН»

Рождественская сказка для взрослых и не совсем взрослых	128
Салат из грейпфрутов	131
Кофе	140
Аккумулятор	141
Красивая	143

ЩУПАЛЬЦА СТРАХА

Трусиха	146
Труп	148
Благородные люди	150

Тьма	152
Насильник	159

ГОРОДСКИЕ ЗАРИСОВКИ

Топор	164
В четырнадцатом... ..	166
Тбилисоба	168
Новый год	169
Безумная.....	169
Уличные песенники	171
Отродье	172
Леван	173

ДА ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА

Феодора	176
Икона, которая сама назвалась... ..	179
Сила духа	182
Я тебе верю	185
Иверская Божия Матерь	188

ОЧЕРКИ

3.3 – 33	192
За счастьем.....	195
Вера Путина.....	198
Между нами, женщинами	201
Время молчать, и время говорить.....	204

Издательство “УНИВЕРСАЛ”

Тбилиси, 0179, пр. И.Чавчавадзе №19, ☎: 22 36 09, 8(99) 17 22 30
E-mail: universal@internet.ge